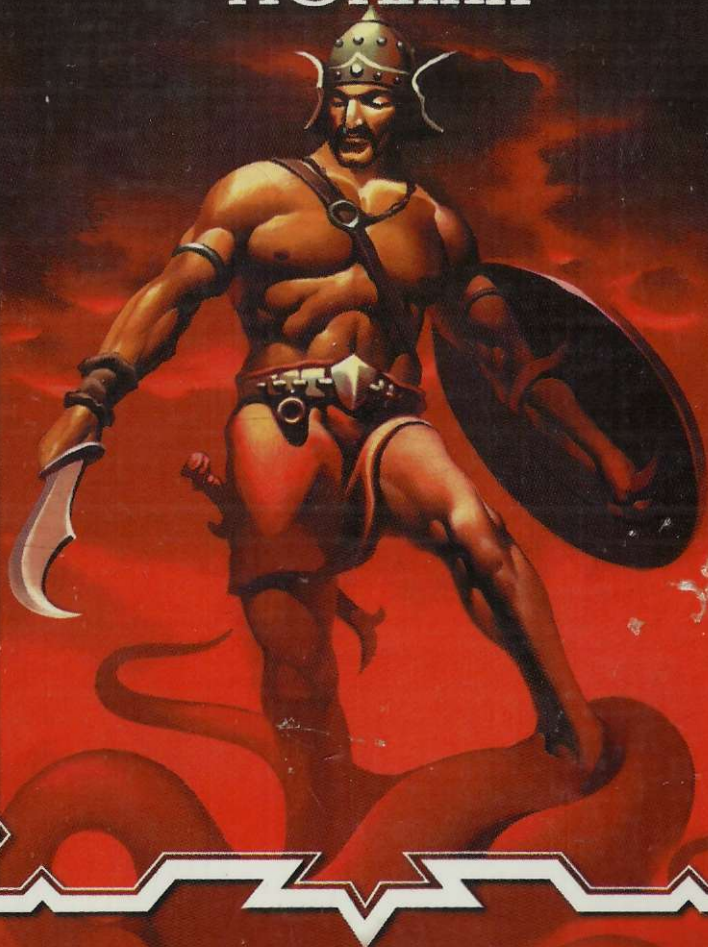

8-е издание
КОНАН

КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ

САГА О КОНАНЕ

1
КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ	2
КОНАН
И БОГИ
ТЪМЫ	3
КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА	4
КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ	5
КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛИ
ПЕЩЕР	6
КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ
7
КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА	8
КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ	9
КОНАН
ПРИНИМАЕТ
БОЙ	10
КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ	11
КОНАН
И ДАР
МИТРЫ	12
КОНАН
И НОЧНЫЕ
КЛИНКИ
13
КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ	14
КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЯДУЩЕГО	15
КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ	16
КОНАН
И ПСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО)	17
КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗАА
(НЕ ИЗДАНО)	18
КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА
19
КОНАН
И ГОРОД
ПЛЕНЕННЫХ
ДУШ	20
КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ	21
КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА	22
КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО	23
КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО	24
КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА
25
КОНАН
ВАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ	26
КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ	27
КОНАН
И ПЛЕННИКИ
БЕЗДНЫ	28
КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ	29
КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА	30
КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ

оригинал
КОНАН

КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС» **act** ИЗДАТЕЛЬСТВО
Санкт-Петербург • Москва • 2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

*Серия основана в 1993 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

К64 **Конан и повелитель молний:** Роман. — М.:
СПб.: «Северо-Запад Пресс», ООО «Издательство АСТ»,
2000. — 432 с.

ISBN 5-93698-023-5

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-93698-023-5
(«Северо-Запад Пресс»)
ISBN 5-17-002016-3
(ООО «Издательство АСТ»)

© Серийное оформление. Д. Вяземский, 1999
© Оборот. С. Шикин, 1998
© Составление и подготовка текста.
«Северо-Запад Пресс» 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

*Все, изложенное здесь, является только моим
личным мнением и собственной точкой зрения.
О. Локнит*

1. “Тигр” и “тигренок”.

Сначала я хочу честно предупредить читателей: предлагаемый вам роман мало похож на все прочие мои произведения “Хайборийского” цикла. Хотя бы потому, что я устранил всех героев, привычных вам по прежним томам — здесь вы не встретите ни оборотней из Пограничья, ни Мораддина из Аграпура — постоянного спутника Конана на протяжении шести романов, ни Рингу или Вайда. Мне самому было очень жаль оставлять этих персонажей без внимания, но года два назад я сказал сам себе и им тоже: “Сколько можно? Мы знакомы почти полное десятилетие, давайте друг от друга отдохнем”. Затем я включил компьютер и понял, что остался один. Только вместе с Конаном.

Нам вдвоем пришлось знакомиться с новыми людьми, самоутверждаться в новой, и донельзя непривычной компании, и учиться выживать в обстановке крайне непривычной. Дело в том, что я наконец решил выполнить давнее свое желание, и описать самый начальный период приобщения Вечного Героя к цивилизации и делам “большого мира”.

Поясню, что действие трилогии начинается весной 1264 года по основанию Аквилонии, то есть Конану — 15 лет. Совсем недавно случилась битва при Венариуме, Конан попал в гиперборейский плен и бежал из Халогии (Л. Спрэг де Камп, Л. Картер “Легионы мертвых”), затем дорога вывела Конана на полдень, в Замору, и наконец он оказался в Шадизаре. Этот период жизни Героя достаточно хорошо описан — вспомним большой цикл рассказов разных авторов “Шадизарские ночи”, состоявшийся из нескольких десятков произведений. Но у меня появились собственные соображения по этому поводу.

...Начнем издалека. Некогда мне попался на глаза рассказ Криса Уэйрайта “Тигр у врат Шадизара”. Почитал. Хотел было написать автору гневно-насмешливое письмо, в котором следовало бы сообщить, что ему следует как можно быстрее переименовать свой шедевр и вместо слова “тигр” употребить в названии “тигренок”.

Словом, мне и читателю снова пришлось столкнуться с неадекватным восприятием одним из авторов психологического пространства мира sword and sorcery & sciense fantasy, и самой психологии человека древности.

В своем интервью издательству “Северо-Запад”, опубликованном в первом томе романа “Полуночная гроза”, я сто-кратно поминал об особенностях мышления людей, живших на этой планете задолго до нас, и ясно выразил свою точку зрения: нельзя подстраивать менталитет викинга, галла или киммерийца под образ мысли современного человека. Конан — отнюдь не подросток из Нью-Йорка или Лондона. Воспитание, данное ему в прото-кельтском, почти первобытном сообществе Киммерии, которое можно сравнить с кланами Ирландии, Шотландии или Галлии I–III веков нашей эры не позволит ему обрести “крутость” сразу и немедленно. В свои пятнадцать лет, Конан, оказавшийся у “врат Шадизара” является лишь

человеком, насильственно вырванном из привычной ему обстановки, из среды, где обычаи “цивилизации”, кажутся нелепыми, странными и оскорбляющими не только человека, но и сам древний уклад “клановой” жизни, то есть системы “военной демократии” и родоплеменного строя (между прочим, эта система действовала у всем знакомых викингов до 1200—1300 годов по Рождеству. То есть прошло всего 700 лет).

Что же станет делать Конан? Действовать напролом, бить всех мечом по черепам, гоняться за первым же встретившимся на дороге демоном? Ничего подобного! Он — варвар, а значит осторожен.

Он остался без поддержки родственников, клана и просто друзей, а значит будет осторожен вдвойне. Конан будет присматриваться, учиться, и пытаться донять, что же представляет из себя чужой и странный мир, в котором он очутился. Конечно, если на него нападут, он станет сопротивляться, однако Конан испугается любого демона или монстра встретившегося ему по пути. Сразу слышу негодующие возгласы: Конан испугался?! Чужь и отсутствие уважения к классике жанра! Грех и анафема! Говарда не читал? Канонов не знает? Да разве Конан может бояться? Не может, потому что этого не может быть никогда!

Дело-то в том, что колдовство и магия, а особенно явления существ иномирных, для древнего человека было проявлением сил хаоса и разрушения, с которыми магия и демоны напрямую ассоциировались. Даже Зигфрид-Сигурд из германоскандинавских саг, победив дракона Фафнира не уберется от его проклятия. Вспомним, кстати, что Зигфрид к моменту совершения этого подвига был уже взрослым и много повидавшим воителем, королем, выросшим и воспитанным по правилам цивилизации.

Тогда что же остается делать подростку-Конану, завидевшему перед собой зубасто-клыкастое чучело с пламенем из

пасти? И нет рядом знакомого с детства шамана, способного его изгнать? И надеяться можно только на себя и свою удачливость?...

Можно строить множество теорий, как Конан поступит, но вероятно, унеся ноги с места происшествия, он, как всякий варвар, пойдет к знающему человеку, чтобы тот объяснил, как можно справиться с такой вот напастью. Тяга к знаниям — именно это отличало варваров-одиночек, попавших в чужеродное окружение, а не банальное мечемание. Ты должен выжить, а значит — учиться, как это делать. Примеров такой приспособляемости в истории множество. Приведу хотя бы один. Король готов Теодерих, после завоевания германцами Римской империи проникся великолепием Рима, сбросил звериные шкуры и надел тогу, окружив себя многоучеными римскими патрициями — знаменитый Кассиодор был первейшим сенатором при варварском короле, а “последний философ античности” — Боэций являлся близким другом германца. Между прочим Теодерих в переписке с византийским императором по-варварски горделиво именовался “Базилевсом Рима”, считая себя полностью равным с владыкой блистательного Константинополя.

...А посему я смеюсь, когда Конана выставляют тупым варваром, у которого из одежды только кожаный мешочек на чреслах и меч за спиной. Я смеюсь, когда вижу в текстах “Саги” дикаря, который только и делает, что днем работает клинком, а ночью... не будем упоминать, чем конкретно.

Я сгибаюсь от хохота, прочитав, что Конан в 16-17 лет одним лишь холодным оружием уложил за пять минут полсотни врагов. Хотя бы потому, что это физически невозможно даже отлично выдрессированному офицеру спецназа любой страны мира (между прочим, один из моих друзей служит в специальном подразделении ВМС Великобритании, воевал во времена Фолькландского конфликта, в Ираке и участвовал во

многих антитеррористических акциях. Он отлично знаком с наукой как примитивного мордобоя, так и высокопрофессионального человекоубийства. Иногда, при встречах, я ему читаю некоторые выдержки из подобных романов “Саги”, а он только посмеивается и ругается на тотальную безграмотность некоторых авторов).

Итак, мы выяснили: Конан, не приобретя достаточного жизненного опыта, вряд ли в состоянии противостоять всем бедам и монстрам, которые сваливаются на него по вине писателей. Но тут же встает другой, еще более важный, вопрос: как же тогда согласовать тексты более чем полусотни литераторов всего мира, сочиняющих повести о жизни Вечного героя? Как уложить в рамки шестидесяти шести лет жизни Конана столь гигантское количество приключений и путешествий, которые не под силу перенести даже самому великому супермену? И как, наконец, относиться к весьма различным взглядам разных авторов на собственно личность Героя, окружающих его людей, государственное устройство стран и так далее до бесконечности. Само собой — чрезвычайно трудно следовать простеньким и незамысловатым канонам Говарда, отлично подходившим для начала XX века. Каждый пытается добавить нечто свое.

Я могу ответить на эти вопросы.

2. Один путь и много версий.

Алогичность биографии Конана может поразить даже самое буйное воображение. Возьмем один из отрезков жизни Вечного Героя и проследим его путь, начиная от 20 лет до возраста 21 года.

Итак, Конану исполнилось 20 лет. Что дальше? Его социальный статус в этом возрасте определению вообще не поддается, ну да и Бог с ним, тут надо взглянуть на проблему гораз-

до шире. Данную эпоху жизни, приключений и путешествий Конана описывали многие авторы и можно выстроить (с большой натяжкой) логическую цепочку романов и рассказов, следующих один за другим. Ясно, что в качестве опорных точек использовались сочинения Роберта Говарда (увы, но классик жанра вообще не затруднял себя хронологией жизни Конана), а все остальные его последователи, особенно 80-90-х годов, пытались заполнить оставшиеся лакуны по своему разумению. Что же из этого получилось?

А получился винегрет. События следуют друг за другом в порядке, мягко говоря, калейдоскопическом и абсурдном.

Начнем с рассказа Д. Мак-Грегора “Похищение Адвенты”. Место действия — Коринфия и Остров Железных Идолов на Вилайте. Затем писатель С. Перри радуется поклонников Саги сочинением “Четыре стихии”. Конан уже каким-то образом движется из Заморы в Немедию через Коринфию и эти события плавно перетекают в рассказ Р. Говарда и Л. Спрэг де Кампа “Бог из чаши”, который описывает события в Нумалии.

Далее те же самые Р. Говард и Л. Спрэг де Камп преподносят нам историю “Багряный жрец” (“Сплошь негодия в доме”), действие которой происходит уже в Корифии. К этому вешается продолжение под названием “Окровавленный бог”, и Конан почему-то оказывается в Шадизаре, почти за пятьсот миль от предыдущего пункта.

Теперь за дело берутся последователи и продолжатели. К. Уэйнрайт в повести “Золотой павлин Саббатаи” перебрасывает Героя на границу Шема и южного Турана (судя по карте, еще миль пятьсот! Может быть, Конан летел на истребителе “Стелс”?).

Но и это еще не все. Мистер Р. Джордан затем отправляет беднягу Конана аж в Вендию (“Ловушка для демона”). Ну, ка, попробуйте за несколько дней конным или пешим ходом

смотаться от Стамбула до Дели и обратно. Такое под силу, похоже, только Вечному Герою...

Комментарии, я полагаю, излишни?

Нет, не излишни. Мы выяснили, что в течении всего одного года, не имея собственного реактивного самолета и возможности путешествовать по скоростным железным дорогам (хотя бы потому, что в Хайбории до них еще не додумались) Конан покрыл расстояние в несколько тысяч километров, используя лишь гужевой транспорт и собственные ноги. Понятно, что по дороге приходилось задерживаться, спасая похищенных девиц, убивая чудовищ и раскалывая черепа черным магам (меня, кстати, давно терзает вопрос — откуда в Хайбории такое количество черных магов, одержимых непререкаемой мечтой о мировом господстве? По-моему, таковых колдунов — если верить многочисленным авторам Саги — в мире Конана больше, чем таксистов в Америке).

Если называть вещи своими именами, то бедолага Конан мечется по Хайбории, в точности уподобляясь Броуновской молекуле. В предыдущем рассказе он наводит справедливость в Вендии, в следующем уже плывет по Стиксу, непонятно как туда попав.

Но авторы Саги — люди умные. Выход из положения был найден. Либо имеется расплывчатая дата наподобие “Это было в году Беззубого Тигра, в месяц Бешеного Зайца и в день Фаршированной Рыбы”, либо в перерывах между действиями, за беседой у костерка Конан невзначай упоминает: “Два месяца назад меня вышвырнули из гвардии Аграпура из-за ссоры с офицером”.

Верно, есть такая отправная точка. Классический рассказ Л. Спрэг де Кампа и Лина Картера “Подземелья смерти”. Но я, собрав в своей библиотеке 197 (сто девяносто семь) произведений Саги, могу с уверенностью заявить, что по версиям разных авторов, Конан через два месяца после отставки в Аг-

рапуре был одновременно в Немедии, Кофе, Стигии и на Барахских островах...

Вывод: каждый автор, живи он в Новой Зеландии, Британии, Соединенных Штатах или в Уругвае, придерживается только собственной версии биографии Конана. Кое-где эти версии увязаны с основными событиями, описанными Говардом — битва при Венариуме, пребывание при дворе Тарамис, захват власти в Аквилонии — но в деталях царит жизнеутверждающий хаос. Я могу с ходу назвать имена почти трех десятков писателей, занимающихся Сагой о Конане, и могу подтвердить, положив руку на Библию: сколько писателей — столько и миров, объединенных общим наименованием “Хайбория”.

И что теперь делать, с учетом того, что наш потребитель и читатель за редким исключением в целом доволен? Только совсем уж оголтелые фэны отслеживают малейшие разночтения в текстах и могут, разбуженные посреди ночи, рассказать вам, что конкретно делал Конан в двенадцатый день месяца Безрогого Козла года Рогатого Барана с часу пополудни до половины девятого вечера, причем по разным версиям, от Роберта Говарда до Олафа Локнита.

Делать нечего, придется признать одну нехитрую истину. Точнее, две. Первое: не следует искать в цикле Саги “нестыковки” хотя бы потому, что у каждого литератора только свой, личный и собственный взгляд на Героя, историю его жизни и сопутствующие детали. О них мы поговорим ниже. Второе: в общем-то для читателя не имеет значения присутствие в многочисленных томах Саги доходящих до абсурда разночтений. Читателю интересен сам процесс.

3. Три десятка Конанов.

Меня, как и всякого писателя, частенько поругивают. И редакторы, и переводчики, и читатели. В чем только не обвиня-

ли. И в постмодернизме, и в бюрократизации Хайбории, и в глумлении над образом Вечного Героя, и в увлечении историческими подробностями, и, наконец, в самом страшном — в стремлении переделать мир Говарда под собственное мировоззрение.

Каюсь, виновен во всем.

Только давайте сначала разберемся — что же такое “Мир Говарда”?

Известно, что Хайбория была создана фантазией писателя, некогда наткнувшегося (если верить его биографу Спрэггу де Кампу) на некие старинные рукописи с упоминанием имени великого героя древности — Конана. Не премину задать вопрос: откуда это, любопытно, в захолустнейшем Техасе 30-х годов XX века появились “древние рукописи”? Давайте не забывать, что де Камп утверждает: тексты, прочитанные Говардом, были посвящены наидревнейшим временам и региону, примерно соответствующему Средиземноморской южной Европе, Малой Азии и Месопотамии.

Поверим. Может быть, Говард не видел эти тексты лично, а читал о них в журнале или в книге по археологии. Однако я при всем желании не могу уяснить, что делал в Месопотамии или Аравии человек (да еще великий герой!) с типичным кельтским именем — Конан.

Кажется, мне получилось нащупать источники. Прежде всего, это ирландские саги, как исторические, так и фантастические, включающие небезызвестный “Мабиногион”. У известнейшего героя саг, Кухулина, был приятель по имени Конан — такой же кельт, как все прочие. Известно, что первое fantasy создавалось именно в Ирландии II - V веков. Если вы читали фантастические саги ирландцев, то поймете, о чем я говорю. Волшебники, чудовища, магические артефакты и крутые герои с длинными мечами. Вернее, с короткими, потому что длинных мечей тогда еще не делали.

Ирландцы выдали совершенный фантастический цикл, который доселе вдохновляет многих авторов на создание произведений *fantasy*. Собственно, на этот базис опирались все — и Говард, и Толкин, и Урсула Ле Гуин. Если быть более точным, то и Артурианский цикл исходит корнями из кельтских сказок, а последние — не исключено — подпитались норвежскими корешками и только цветочки на этом дереве отнюдь не скандинавские: добавлена кельтская экзотика, сиды, Полые холмы, эльфы и прочее. Собственно, если хотите побольше узнать о кельтской мифологии и истоках цикла Конана, отсылаю вас к произведениям У. Б. Йейтса (я сам невеликий специалист в этом вопросе).

Так что же с Говардом? Нашим мэтром, классиком, отцом, основоположником, вдохновителем и пророком? Да ничего. Может быть, это многих покоробит, но насчет Роберта Говарда я имею свое личное мнение, весьма далекое от восторженного почитания. Во-первых, Говард как писатель был хорош для своего времени и непритязательной публики, читающей журнальчик *“Волшебные истории”*, где впервые появились рассказы о Конане. Во-вторых, жанр героической *fantasy* тогда только зарождался, не было никаких канонов, установленных традиций и концепций, кроме одной-единственной — герой должен быть крут. Такие рассказы не писал только ленивый. Тут тебе и Тарзан, и *“Марсианские хроники”*, и Супермен... Но они были после Говарда, а посему ему, как родоначальнику жанра “меч и магия”, многое прощается. Для Говарда Конан — только сокрушитель черепов, собственными мозгами не обремененный. Этой же стратегии придерживались и прочие американцы. Стократ упоминавшийся здесь де Камп, Картер, Карпенстер и прочие. Больше монстров, больше крови, больше секса и как можно меньше зауми. Фраза “Конан подумал...” считалась едва ли не преступлением против жанра, ибо думал Конан лишь мечом и... Неважно.

Прошло время, и Конан начал меняться. Пример тому Джон Мэддокс Робертс, к числу последователей которого я себя отношу. Его повести “Город негодяев” и “Дикая орда” считаются классикой ничуть не меньше, чем истории Р. Говарда. Но обратите внимание — Конан здесь имеет свойство думать и делать логические выводы. Герой наконец-то начал очеловечиваться и превращаться из машины для убийства в хоть сколько-нибудь приемлемого в мифологическом пространстве деятеля. Появилась новая привычка — сначала разбираться в ситуации, а уж только потом проламывать головы. И пошло-поехало...

Детективы о Конане. Романтические новеллы. Мистические трагедии. Психологические драмы. Писатели в конце XX века неожиданно сделали открытие: “Туповатое порождение Говарда оказывается суть человек неплохой и очень даже симпатичный. Просто имидж у него такой”.

И еще одна тяжелая ошибка авторов, в результате которой достоверность психологического портрета Конана ставится под вопрос. Перечитав десятки новелл, романов и рассказов Саги, я только диву давался: Конан будто бы не взрослеет. Тип мышления, психология и ментальность у него одинаковы и в 15, и 60 лет. Будто бы не было многих лет путешествий, приключений, знакомств с различными людьми... Конан словно бы не набирается опыта, что теоретически и практически невозможно.

Итак, кем же теперь, в начале нового тысячелетия, считать Конана? Сыщиком-детективом, успешно распутывающим самые невероятные загадки, приправленные как откровенной уголовщиной, так и колдовством? Благородным романтическим героем, стоящим на палубе пиратского корабля, подобно капитану Бладу? Приземленным, но в общем-то остроумным наемником? Ловеласом, рядом с которым меркнет слава Казановы?

Подводя итоги, скажу: нет одного Вечного Героя, как такового. Есть архетипическая фигура, созданная Говардом, которую все авторы Саги воспринимают по своему. Три десятка самых разных людей органически не способны описать героя, придерживаясь единой линии. Это, кстати, относится не только к характеру Конана, но и "архитектуре мира". У всех авторов разные взгляды на государственные устройства королевств Хайбории, природу, человеческие взаимоотношения, географию, летоисчисление и так далее до бесконечности. У каждого писателя только своя Хайбория и свои логические обоснования для продолжений цикла.

Посему каждый пишет только свою историю мира и самого Конана. Можно опираться на главнейшие отправные точки, указанные Говардом. Вот они:

1249 — рождение Конана в центральной Киммерии.

1263 — штурм форта Венариум.

1264 — побег из гиперборейского плена.

1264-1268 — Замора, Туран, длительное пребывание в Шадизаре.

1268-1269 — служба в Агрануре в гвардии императора Илдиза Туранского.

1271-1273 — первое пребывание на Закатном океане. Белит.

1273-1282 — самые разные приключения.

1282 — Хауран, двор королевы Тарамис.

1282-1284 — путешествие к Закатному океану.

1284 — второе пребывание на Закатном океане — королевский корсар Зингары, история с Чабелой, Корона Кобры и все сопутствующее.

1285 — путешествие в Пограничье.

1286-1287 — следопыт в Пиктских Пущах.

1288 — захват власти в Аквилонии.

1289 — война с Офиром и Кофом.

1294 — война с Немедией.

1315 — в возрасте 66 лет Конан покидает пределы мира людей.

Все даты, разумеется, даны по исходным данным Роберта Говарда, исчислявшего года Хайбории "от времени основания Аквилонии". С истинностью перечисленных выше событий никто спорить не собирается. Но вот что происходило между этими датами и что происходило на самом деле — не известно никому. В "Полуночной грозе" я более пристально рассмотрел события рассказа Говарда "Феникс на мече", и вышло, что помпезная "официальная версия" Заговора Четырех шита белыми нитками. Повторюсь: Говард дал лишь общую схему событий, которую разные писатели по-разному истолковывают. Многие авторы долгие годы занимаются тем, что попросту переписывают историю Хайбории.

...Так вот, господа читатели, все было совсем не так!

Со времен "Полуночной грозы", написанной несколько лет назад, я (разумеется, придерживаясь общих "правил игры") создаю свою версию развития событий жизни Конана. Это можно было заметить.

Добавлю, что я основываю свои романы далеко не на пустом месте. Древняя мифология необъятна, имя Конана там встречается довольно часто, а посему я объединяю все имеющиеся у меня данные в новый цикл историй о Конане, которые будут рассказываться от имени уже небезызвестного вам Халька, барона Юсдала из Гандерланда, который, вообще-то, и написал "Полуночную грозу", позволив мне только донести рукопись до широкого читателя.

То, к чему мы все привыкли, уйдет на второй план, появится что-то новое, некоторые классические герои Говарда будут вести себя совсем по-другому (а может быть, и вообще не по-

явятся...). Главное — чтобы мои романы не были скучными. Для этого я приложу все свои силы.

Словом, поздней весной 1264 года в Шадизаре появился рослый мальчишка-варвар, проделавший длинный путь от Халогии Гиперборейской до самого беспокойного города Заморийского протектората...

*Олаф Локнит.
Окленд, Новая Зеландия, 1999 год.*

Мекст сей рукописи приписывается сочинителю Гаю Петрониусу Тарантийскому (подлинное имя — барон Хальк фон Юсдаль (1263-1342); в 1288-1305 годах по основанию Аквилонии занимал должность хранителя государственных архивов при короле Конане I Киммерийце).

Первоначальный, более краткий, вариант повести обнаружен на страницах неизвестной "Синей, или Незаконной хроники Аквилонского королевства" (том третий, условно именуемый "Неоконченные предания", записи начала 1290 года).

Подлинник расширенной и дополненной рукописи датируется 1291 годом и является собственностью Тарантийской королевской библиотеки. Неоднократно высказывалось предположение, что использованный сюжет имеет под собой реальную основу — воспоминания короля Конана о годах молодости, хотя большинство историков и литераторов склонны относить произведения "Гая Петрониуса" к разряду

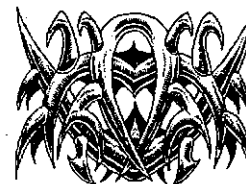

апокрифических сказаний, изрядно искажающих подлинные события в угоду непритязательным вкусам читающей публики, и рассматривать их в качестве псевдоисторических фантазий.

Ибо трудно всерьез поверить в то, чтобы Светлые и Темные божества в наше время соизволили снизить на нашу многогрешную землю и лично вмешаться в мелкие междоусобные дела смертных!..

Пролог Сокровищница

В общеизвестно, что хранилища драгоценностей должны располагаться под землей — чем глубже, тем лучше. Их запирают на всевозможные хитроумные замки, для верности снабженные паутиной заклинаний, выставляют у входов разнообразную стражу, всячески скрывают месторасположение... Однако всякий владелец мало-мальской суммы денно и нощно будет трястись над ее сбережением, выдумывая новые и новые способы борьбы с охотниками до чужого добра.

Владелец этой сокровищницы, похоже, задался целью нарушить любые мыслимые и немыслимые каноны.

Она вообще не запиралась, в высокие узкие окна свободно залетал ветер, безмятежно разгуливая по анфиладам, отделанным черно-синеватым мрамором с золотыми прожилками. Цепочка залов начиналась где-то в бесконечности и заканчивалась приблизительно в тех же краях.

Одно помещение сменялось другим, кованые бронзовые двери стояли нараспашку, и любой желающий мог совершить крайне познавательную прогулку, знакомясь с собранными здесь предметами.

Разнообразная коллекция заслуживала самого пристального внимания. Тут хранилось все, что способно представить себе воспаленное воображение вора, завоевателя или торговца древностями.

Деньги, отчеканенные во времена, когда земель правили не люди, тогда больше напоминавшие животных, а совсем иные существа.

Золотые, серебряные, бронзовые, латунные, платиновые, круглые, квадратные, шестиугольные, с отверстиями посередине, с профилями давно сгинувших королей и гербами исчезнувших стран, монеты заполняли сундуки красного дерева и просто валялись на полу, точно их небрежно раскидали, а затем поленились сложить обратно.

Оружие. Залежи драгоценных камней — граненых и необработанных. Кольца, броши, фибулы, подвески, браслеты, цепочки, диадемы. Шкатулки с крохотными флакончиками, полными разноцветно переливающихся жидкостей. Посреди одной из зал громоздится чучело вороного коня, на нем восседает скелет, принадлежавший некогда человеку огромного роста.

Лошадь и всадник с ног до головы закованы в глухие доспехи вороненой стали с золотой насечкой. По острым железным изломам безостановочно

вечно скользят красные, белые и лиловые искры. Жезлы, украшенные изображениями невиданных созданий. Кубки, вазы, чаши из металла, дерева и кости. Пестрые витые раковины. Кусочки тепло мерцающего янтаря. Статуи — мрамор, бронза, алебастр. Развешанные по стенам щиты причудливых форм, в трещинах и следах нанесенных ударов.

И ни единой живой души. Только холодный ветерок, сосредоточенная торжественность и время — медленная прозрачная река.

Распластавшись вдоль стены, человек пристально обзирал скрывавшееся за распахнутыми дверями помещение. Убедившись, что опасности вроде не предвидится, коротко махнул рукой.

Безмолвная и безлюдная комната разом ожила. Четыре быстрые, проворные фигуры закулились среди сундуков, шкатулок и хрустальных ящиков. Пятый, карауливший и вроде бы распорядившийся, застыл подле дверей, поглядывая одним глазом вдоль анфилады, другим — на своих подчиненных. Те, впрочем, в указаниях не нуждались, умело и без излишней суетливости перебирая россыпь хранящихся в зале предметов. Предпочтение отдавалось вещам поменьше и подороже, либо же необычным. Плотные кожаные мешки, болтавшиеся за спинами и на поясах грабителей, заметно оттопыривались, цепкие руки хватали сокровища, глаза оценивали чистоту камней и мастерство отделки, пригля-

нувшееся стремительно исчезало, ненужное возвращалось на место.

Тихий свист заставил всех вздрогнуть и на мгновение отвлечься, но работа не прервалась. Только предводитель сорвался со своего поста у дверей и скользящим шагом направился к подавшему тревожный сигнал — невысокому темноголовому парню, умудрившемуся где-то заработать шрам от угла глаза до уха. Воришка одолел замок большой вычурной шкатулки красного дерева и яростными жестами подзывал жоака взглянуть на свою добычу.

— Она? То, что нам нужно?

Главе шайки лет тридцать, это гибкий, жилистый, уколистый человек, из тех, что умеют растворяться в любой толпе и появляться, когда их совершенно не ожидают. Единственная примета, бросающаяся в глаза — белые, выгоревшие на солнце волосы, затянутые в длинный хвост.

Свое первое прозвище, Снежок, он получил именно из-за цвета шевелюры, но теперь его зовут Ларк, то есть Гончая. Настоящее имя он давно забыл. Белая Гончая. Для города, в котором он живет, этого вполне достаточно.

Ларк заглядывает в шкатулку, приподнимает бровь и обеими руками осторожно извлекает ее содержимое. На свет, отбрасывая радужные блики, является причудливое конусообразное сооружение из тускло горящего золота, высотой около пяти-шести пальцев, усеянное в живописном беспорядке мельчайшими алмазами и рубинами. Вершину короны или тиары украшает свернув-

шаяся в тройное кольцо серебряная змейка, держащая в пасти собственный хвост. У змейки изумрудные глаза и хитроватая мордочка.

Силли, воришка со шрамом, которому принадлежит честь находки, аж взвизгивает и подпрыгивает, поняв, что именно разыскал.

— Мешок, — бросает Ларк. Пустой мешок с предусмотрительно распяленной горловиной возникает, словно из воздуха. Сверкающая корона исчезает, шнурки затягиваются. — Представление окончено. Уходим.

Еле слышное недовольное ворчание, однако спорить с предводителем никто не решается. В кожаные торбы отправляются последние трофеи, Силли, пакостно хмыкая, достает припрятанную в кошеле крохотную золотую подковку. Дышит на нее, старательно протирает рукавом, любясь чистым блеском, и небрежно швыряет на груду рассыпанных монет.

Одновременно с тихим звяканьем приземляющейся безделушки в зале появляется новое лицо — стражник. Не врывается, не выходит из гладкой каменной стены, просто возникает в дверях, и озирается, медленно поводя головой.

Издаലെка охранник сокровищницы напоминает человека — две руки, две ноги, туловище и голова — наглухо, от макушки до пяток, затянутого в одеяние из блестящей черной кожи. Вместо глаз сияют два прозрачно-розоватых камня, на левом плече болтается легкий шарф зеленого цвета. Страж вооружен длинным, расширяющи-

мися на конце клинком, напоминающим ятаган, и пускает его в дело, не раздумывая.

Первой жертвой становится человек, к которому по неведомым причинам давно прилипла кличка Грызун. Он замешкался, не ожидая столь внезапного нападения, и даже не попытался уклониться от опускающегося на него меча. Короткий хрустяще—хлюпающий звук, и черная фигура с зеленой лентой на плече, перешагнув через рухнувшее тело, устремляется вслед за отступающими грабителями.

К нему присоединяется животное дымчатого цвета, отдаленно похожее на сторожевую собаку, но раза в два крупнее. Тварь выскользнула из колыхнувшейся складки воздуха и, цокая когтями по плитам, помчалась через залы.

Шайка удирает. Кто-то оглядывается, на бегу запускает в преследователя узкими метательными клинками, два из которых попадают в цель. Стражник, похоже, не замечает, что из него торчат рукоятки ножей. С равным успехом лезвия могли воткнуться в дерево — ни вскриков, ни крови.

Серый оскалившийся пес догоняет воров и с размаху обрушивается на типа, известного как Локет. Человек и зверь, рыча, вопя и брыкаясь, катятся по полу, сбивают с ног Силли, тот визжит и зовет на помощь. Локет наотмашь бьет собаку в бок кинжалом — раз, второй, третий. Пес истошно воет, щелкает клыками, выпускает добычу. Подоспевший к месту схватки стражник вздергивает человека на ноги. Освободившийся

Силли на четвереньках юркает в узкий проход между сундуками, волоча за собой позвякивающую торбу, и затаивается.

Животное корчится на мраморном полу, пятая его брызгами пены из пасти, суча лапами и разбрызгивая странно темную кровь. Локет голосит и отбивается от стражника. В пылу сражения позабытый пятый компаньон, Ильгар, умудряется подкрасться к охраннику сзади и набросить ему на шею петлю, сплетенную из тонких металлических нитей. Хороший рывок, и страж неуклюже заваливается набок, выпуская из рук ставший бесполезным меч.

— Быстрее, быстрее! — это кричит Ларк, но его не слышат. Уцелевшие люди витаращенными глазами пялятся на трупы собаки и хранителя сокровищницы. Вокруг них возникает ореол бледно-фиолетового, едва различимого пламени, а спустя еще миг они исчезают. На зеркально-смоляной поверхности остаются два белесых силуэта, словно неясные изображения, вытравленные кислотой на медной пластинке, и обуглившийся по краям зеленый лоскут. — Шевелитесь!

Ларк стоит возле низкой, в половину человеческого роста дверцы, за которой виднеется подвальная комната со сводчатыми потолками. Какое-то приземистое существо подпрыгивает на пороге, размахивая руками и настойчиво призывая поторапливаться.

Поняв, что слова бесполезны, Гончая переходит к активным действиям. Он летит через комнату, сгребает Силли за шиворот и пинком от-

правляет в сторону двери. Воришка кубарем вкатывается в подвал, едва не сбив наблюдателя и прижимая к себе драгоценный мешок. Ларк хватается за рукав стоящего ближе Ильгара... и тут воздух снова вздрагивает, с еле слышным звоном разрываясь и пропуская двоих — совершеннейших двойников убитого охранника, только шарфы у них соответственно красного и оранжевого цветов.

Красный совершает мгновенный длинный выпад ятаганом, пробивая Локета насквозь. Человечек хрипит, переламываясь в поясе и выплевывая на изрядно загаженный пол и валяющиеся повсюду кружочки монет густую струю крови. Ларк зажмуривается, его лицо на миг приобретает отрешенно-равнодушное выражение.

Ильгар срывается с места, увлекая за собой предводителя. Они бегут, поскользываясь, прыгая через сундуки, опрокидывая звонко разбивающиеся хрустальные саркофаги с заключенными в них непонятными творениями и путаясь в собственных ногах.

Стражники мчатся за ними — молчаливые, неотвратимые тени.

В маленькую дверцу можно проскочить только по очереди. Силли, который уверен, что сходит с ума, и трясущееся от волнения существо рядом с ним шарахаются в стороны. Ларк головой вперед прыгает в подвал, Ильгару, отставшему всего на шаг, везет меньше. Страж с оранжевым лоскутом перехватывает его и заламывает руку за спину. Грабитель отчаянно рвется к

спасительной двери, та начинает закрываться — так медленно, неторопливо и неотвратно, словно крышка гроба... Ильгар истошно кричит, за створкой раздается сухой щелчок спускаемой арбалетной тетивы и вылетевший толстый болт кладет конец призывам неудачливого охотника за сокровищами.

Створка захлопывается прежде, чем стражники успевают добежать до нее.

Еще пару ударов сердца на угольном с золотистыми разводами мраморе различима тонкая, с волосок, щель, отделявшая ее от остального камня. Вскоре она тоже исчезает — затягивается, как царапина, проведенная по тягучей смоле.

Там, с другой стороны, облегченно всхлипывает забившийся в угол Силли. Разъяренный Ларк в голос орет на низкорослое создание, только что уничтожившее его давнего напарника и друга, безуспешно требуя ответа: зачем, зачем понадобилось убивать? У Ильгара оставался шанс! Существо не отвечает, угрюмо косясь на беснующегося человека из-под нахмуренных лохматых бровей. Разряженный самострел направлен вниз, в пол.

Здесь, посреди раскиданных сокровищ, стражник с красным шарфом наклоняется, поднимает брошенный ворами предмет, молча показывает его второму и тот понимающе наклоняет голову.

— Снова, — произносит Красный. Звуки, кажется, исходят не изо рта, скрытого кожаной маской, а возникают по соседству. Может, в со-

седней комнате. — Они снова сделали это. Они улизнули, а все, что нам досталось — три человеческих трупа. Хозяин будет недоволен.

Кончик меча Оранжевого стража нерешительно тычется в стену, туда, где они оба только что видели открытую дверь. Сталь пронзительно скрежешет по полированному камню, не находя ни малейшей трещины.

Хранители переглядываются.

Бесстрастные камни-глаза наливаются багрянцем. Не произнося больше ни единого слова, они согласованно разворачиваются и маршируют по анфиладе пустынных зал. Шагов через десять их фигуры растворяются в воздухе.

Безмолвие, тоскливый посвист ветра, черно-золотая мрачность. Теперь уже не торжественная — настороженная.

Грабители проникли туда, куда доселе не входил ни один смертный. Впрочем, Бессмертные тоже попадали сюда только по особому приглашению владельца и частенько — против собственного желания. Однако сегодня нарушены любые законы и правила, значит, ожидай прихода беды. Большой беды, грозящей всем существующим мирам.

Глава 1 Явление Чужака

Qи пробыл здесь, всего ничего, от рассвета до наступления полуденных часов, но уже успел возненавидеть это место до глубины души. Рассказни о прекрасных и богатых городах Полудня обернулись ложью. Дорожные мытарства ничего не стоили.

Он не хотел оставаться тут, но не представлял, куда можно уйти.

Шадизар подавлял его скоплением огромных домов, переплетениями тесных и широких улиц, разноголосой болтовней и одуряющей, выматывающей жарой.

Солнечные лучи казались осязаемыми и тянули голову к земле, точно здоровенные камни, привешенные на шею.

Привыкнув терпеть лишения, он мог обходиться гораздо меньшим числом удобств, чем любой другой человек, но город просто сводил его с ума своим мельтешением и яростным поддельным блеском. Он устал, хотел тишины и по-

коя. И пораненным в дороге ребрам не помешал бы знахарь или лекарь, как они тут называются... Только все это стоило денег.

Денег не было.

У него вообще почти ничего не было, кроме тощего походного мешка, драной одежды, горсти чудом сохранившихся медяков и единственной по-настоящему ценной вещи — длинного тяжелого меча в ножнах, обтянутых потертой кожей. Еще сегодня утром, у городских ворот, он мог добавить к перечню своего имущества кошель с десятком золотых и серебряных монет. Однако он не заметил, когда лишился столь необходимой путнику вещи, на память о которой остались только наискось срезанные ремешки. Что ж, его предупреждали. Настоятельно советовали обойти город стороной. Он, как всегда, поступил по-своему. За что и поплатился. Придется выкручиваться.

В переулке он углядел крохотную таверну и зашел, рассудив, что в полуденный час посетителей будет немного. Значит, никто не будет глазеть на него и тыкать вслед пальцем.

Не то, чтобы его это задевало, но изрядно раздражало. Он догадывался, что кажется горожанам пугающим чужаком, и признавал за ними право на боязнь.

Он и в самом деле был другим.

Бродягой, пришедшим издалека, не имеющим ни цели, ни пристанища. Вдобавок бродягой-иностранцем, из страны, о которой здесь едва ли кто слышал.

* * *

Киршас, владелец постоялого двора "Белый лотос", пребывал в тягостных размышлениях.

Сводились они к поискам ответа на вопрос: кликнуть вышибалу и выставить подозрительно-го гостя за дверь, или все же чуток погодить, надеясь, что тот сам догадается убраться, не дожидаясь скандала?

Держись гость хоть чуточку неуверенней, хотя и не колебался. Но странный посетитель, несмотря на очевидную молодость, выглядел способным постоять за себя. Вдобавок почтенному трактирщику очень не нравился взгляд незнакомца — непривычно светлые глаза смотрели не на собеседника и даже не в заказанную кружку вина, а в никуда. Такое чувство, что пришлец или пребывает под воздействием дурмана, или близится к последней степени отчаяния.

Так или иначе, а ему здесь не место. Пусть расплачивается, если найдет чем, и убирается.

Милосердие кабатчиков, как и прочих обитателей славного города Шадизара, распространяется только на самих себя... ну, может еще на семью и близких приятелей, и ни на кого более. В том числе на мрачных юнцов дикарского обличья, таскающих с собой мечи, больше смахивающие на плохо заточенные железные болванки. Одет плохо, рубаха грязная, лицо бледное, и если бы не загар, выглядело бы сероватым... Болен? Откуда он такой взялся?

Парень словно догадался о размышлениях Киршаса. Поднялся, небрежно (хотя наверняка

испытывая при этом настоящую муку) швырнул на стол россыпь медяшек, забрал свое страховидное оружие и направился к выходу. Его слегка пошатывало — не от выпивки, от усталости.

Дверь распахнулась настежь, впустив ослепительный поток солнечного света и разноцветный вихрь, со всего размаху врезавшийся в не успевшего посторониться посетителя. Тот крикнул и отступил назад. Вихрь замер на месте, обернувшись живым существом — рыжеватой девицей в ярких разлетающихся одеждах и смешливым выражением хорошенького скуластого личика.

Впрочем, насмешка мгновенно сменилась превеличенной серьезностью. Девица едва ли не на цыпочках обошла вокруг недоуменно косящегося на нее сверху вниз молодого человека, зачем-то ткнула пальцем в давно нечищеную бронзовую пряжку на его поясе и во всеуслышанье объявила:

— Настоящий! Киршас, а я-то обрадовалась! Думала, наконец поставили лишнюю подпорку, не дожидаясь, пока крыша рухнет на головы посетителей!

Таверщик обрадованно хрюкнул, узнав посетительницу. Юнец сердито нахмурился.

Незнакомка, взмахнув широкими полами золотисто-красного туранского халатика, подлетела к стойке, где ее ожидала предусмотрительно налитая чаша кисловатого легкого вина с кусочками льда, схватила угощение и бросилась вслед уходящему посетителю с криком:

— Погоди, погоди! Стой!

Почтенный Киршас только вздохнул. Сколько он знал эту особу, известную доброй половине Шадизара под именем Ферузы, ей никогда не сиделось на месте. Впрочем, Феруза зарабатывает на жизнь, предсказывая судьбу, ей полагается вести себя не как прочие люди. Кто поверит гадалке, коли она станет похожа на обычную женщину?

Вот и теперь она догнала парня, схватила за рукав и целеустремленно потащила за собой.

Толкнула на скамью, крикнула: "Киршас, вина за мой счет! Только не местного, умоляю!", сама уселась на столешнице, болтая ногами и отхлебывая из чаши.

Мальчишка устался на нее своим тяжелым, непонимающим взглядом, но ничего не добился. Пока еще никому не удавалось смутить Ферузу или заставить ее прикусить язычок.

— Я Феруза иси-Мансур-ат'Джебеларик из Турана. Во всяком случае, мой папаша родился именно там, — весело представилась девица. — Обычно меня зовут просто Феруза. А ты кто?

Ответом послужило настороженное молчание.

— Не хочешь говорить? Ладно, как знаешь. Придется болтать за двоих, только и всего.

Таверщик принес заказанное вино, вопросительно посмотрел на Ферузу, но та махнула рукой — больше ничего не надо. Что ж, раз ее так заинтересовал этот тип, пусть сама с ним разбирается. Хотя на кой он ей сдался?

Феруза быстро оглядела выбранного ею человека. Подросток. Правда, наверняка успевший

увидеть много плохого и страшного, как случается с молодыми парнями побывавшими на настоящей войне или в плену у врагов. Высок, но с возрастом вырастет еще больше. Жилист и безусловно силен. Скорее всего сын охотника или кузнеца. По виду — смертельно устал. И полная безысходность во взгляде.

— Давно в городе? День, два или только сегодня пришел? Похоже, тебе тут не по душе? — вопросы сыпались из девицы, как горох из прорезанного мешка, и незнакомец сдался, огрызнувшись:

— Какое твое дело?

Голос у него оказался совсем юношеским, а слова он произносил с ужасающим гортанным акцентом, проглатывая часть звуков, отчего понимать его становилось весьма затруднительно.

— Ой-ля, никакого! — бодро согласилась Феруза и как ни в чем не бывало продолжила: — Видишь ли, я предсказательница. Ко мне обращаются, когда хотят узнать будущее.

— Все гадатели — мошенники, — зло буркнул парень.

— В какой-то мере, — девица согласно закивала головой. Свисавшие по обе стороны лица подвески из мелкого жемчуга сухо забренчали. — По большей части мы говорим людям то, что они хотят услышать, или то, что прекрасно известно им самим. Однако тебе ведь нужно не это?

Мальчишка против воли заинтересовался и прислушался, хотя по-прежнему глядел в изрезанные и залитые вином доски стола. Странная

женщина не производила впечатления опасной и вроде не походила на уличную шлюшку. С этим племенем он уже познакомился и решил пока держаться от них подальше. Никакого удовольствия, сплошное бедствие.

Феруза прекратила раскачивать ногами, обутыми в красные сафьяновые туфельки, расшитые дешевым бисером. Киршас встревожился. Туранка Феруза слыла одной из немногих гадалок и ведуний Шадизара, которые в самом деле являлись таковыми. Она предпочитала говорить правду, редко переходя на туманный язык иносказаний.

— Ты впервые в большом городе, — девушка запустила руку в болтавшийся на поясе бархатный кошель и извлекла из него толстую стопку обтрепавшихся кусочков пергамента. С одной стороны их украшали пестрые рисунки, с другой — потускневшее изображение свившегося в кольцо дракона. Такая вещь называлась тарок и служила для гадания, но молодой человек никогда не слышал этого названия и просто исподлобья следил, как непонятная девица ловко перемешивает картинки. — Прodelал долгий путь, прежде чем попасть сюда. Впрочем, это любой заметит. Еще ты боишься...

— Я ничего не боюсь, — с неожиданным достоинством отрезал незнакомец.

— Боишься, боишься, — Феруза снова пропустила возражение мимо ушей. — До полусмерти боишься этого города и его жителей, но еще больше боишься показаться глупым или того,

что кто-нибудь заметит твой страх. Кстати,— она прищурилась,— я не думаю, что ты глуп. Ты очень умный, но по-своему... Ты чужак. Ой-лэ, заблудившийся чужак в чужой стране! Я бы тоже испугалась до полусмерти, доведись мне оказаться одной в совершенно незнакомом краю.

Она развернула колоду тарока в огромный веер, драконами вверх, провела над ним рукой, намереваясь вытащить карту, но внезапно передумала:

— Возьми сам! Потом не сможешь сказать, что я мошенничаю! Выбери любую, которая понравится.

— Они же все одинаковые,— недоуменно сказал юнец, и, поколебавшись, вытянул из середины веера первый попавшийся под руку клочок плотной кожи.

— Не переворачивай! — девушка азартно подалась вперед.— Сейчас проверим! Если там окажется не меч или не корабль, я... — она свела брови в одну линию, придумывая,— я угощу тебя обедом, вот! Теперь смотри!

Коричневатую поверхность перечеркивало изображение серебристого меча и двух скрещенных молний желтоватого цвета. Феруза неслышно хихикнула: иного расклада она и не предполагала. Вряд ли ему досталось что-то другое. Тарок, составленный в незапамятные времена туранскими гадателями, частенько сам определял, с каким человеком имеет дело. Ей оставалось только догадаться, что означает расположение символов, и облечь его в обычные челове-

ческие слова. Со стороны — проще простого. Но случались дни, когда Феруза сожалела, что не избрала какое-нибудь обычное женское ремесло — вышивальщицы там или торговли. Скучновато, зато надежно и спокойно.

Кажется, сегодняшний денек выдался каким угодно, только не спокойным...

— Оружие,— она забрала карту.— Тебе пришлось убивать людей?

Кивок — без особого волнения и хвастовства, почти равнодушный.

— Я защищался. Защищал свою жизнь и честь.

— У тебя ничего нет. Только меч,— Феруза заговорила быстрыми, отрывистыми фразами, не заботясь, слушают ее или нет. Ей требовалось высказать все, что она успела увидеть и почувствовать. Избавиться от узанного, как ее друзья избавляются от приметной краденной вещи.— Скоро ты захочешь есть. Тебе понадобятся деньги. Достать их можно только одним способом — заработать или украсть. Работы для тебя не найдется, разве что носильщиком на рынке или вышибалой в самом грязном кабаке. Для такого у тебя слишком много гордости внутри. Воровать ты не умеешь, но наверняка попробуешь. Возможно, в первый раз не попадешься. Новичкам везет. Через день, через два твое везение иссякнет. Ты здесь никого не знаешь, и тебя никто не знает. Коли у тебя нет покровителя или заступника, непременно угодишь в Алронг или Мышеловку. Это местная тюрьма для мелкой рыбешки. Ой-лэ, плохое местечко! Попавшие туда

быстро прощаются с жизнью. Как намек, чтобы другие на время притихли. Впрочем, имея друзей, отсюда можно сбежать. Но тебе сбежать не дадут. Знаешь, почему?

Она неожиданно протянула руку, звякнув медными браслетами, легко коснулась подбородка молодого человека, заставив его повернуть голову и хмуро взглянуть на нее.

— Ты умеешь драться, — не спросила, подтвердила гадалка. — Ты неопытен, но тем не менее... Тем, кто устраивает ночные бои, такие нужны. В этих боях есть два правила: проигравший умирает, победитель долго не живет. Не знаю, чья доля лучше: победителя или побежденного.

— Нет, — выдохнул парень быстрее, чем успел сообразить, что говорит вслух. — Нет. Еще раз все сначала — нет.

Девушка посмотрела на него с отстраненным сочувствием. Для нее больше не имело значения, с кем она разговаривает. Она — всего лишь звучащие картинки тарока.

— В Садок приходят не только искатели новых бойцовых псов. Догадываешься ты или нет, но ежели тебя отмыть и покормить, получится... Получится нечто своеобразное и приятное на вид. Никто тебя никогда не увидит. Только тот, кто отдаст деньги и кто возьмет. И тот, кто однажды отыщет в канаве безымянный труп.

Она перевела дыхание, рассеянно глянула на зажатую в руке карту с изображением меча, сунула в колоду и убрала ее в кошель. Предсказа-

ние завершено. Юнец пялился на нее так, словно решал, что лучше — свернуть ей шею или посчитать забавной городской сумасшедшей. Феруза устало вздохнула, допила оставшееся в чаше вино, успевшее согреться и стать отвратительным на вкус, и слезла со стола.

— Иногда я не понимаю, ради чего разливаюсь перед людьми, не приглашавшими разделить их общество, — поделилась она с покрытым трещинами потолком. — Но я говорю, что говорю. Порой я указываю на развилку, где человеческая судьба может измениться. Считай, твоя развилка — в этой таверне. Неважно, куда пойдешь, когда выйдешь отсюда: налево или направо. Главное — ради чего ты это будешь делать. Ты меня понимаешь, чужак?

— Почти нет, — хмуро признался странноватый тип. — Но мне не нравится, что ты сказала. Это правда? Так будет?

— Представления не имею, — после подобных внезапных озарений Ферузе становилось тоскливо и хотелось спать. На мгновение она увидела дальнейшую судьбу незнакомца, и это видение напугало ее. Она хотела бы поскорее все забыть, но не могла. Изменить судьбу может только сам человек, и никто другой, однако любому нужна помощь. Хотя бы на первых порах. Шадизар жесток, он холоднее горных пиков и равнодушнее пустынь. — Хочешь, пойдем со мной.

— Куда? — мгновенно вскинулся собеседник.

— У меня есть друзья. Если я попрошу, они согласятся кое-чему научить тебя, чтобы ты мог

прожить в этом городе,— задумчиво отозвалась туранка. Эта мысль показалась ей вполне осуществимой. Пожалуй, так она и сделает, хотя крик поднимется до небес.— Идем!

— А если я тебе не верю и никуда с тобой не пойду?

— Как угодно,— Феруза преувеличенно тщательно разгладила несуществующие складки шелкового халата и сделала шаг к двери, крикнув: — Киршас, я ухожу! Спасибо!

Он заколебался. Кто знает, что за друзья у этой рыжей девчонки, наговорившей ему кучу глупостей? С другой стороны, в чем-то она права. Не зная, по каким правилам принято жить в городах, он рискует нарваться на излишние неприятности. Согласиться? Нельзя долго колебаться над решением, сомнения приводят к гибели.

— Ла-адно,— протянул он и встал.

Камни мостовой едва не плавилась от солнечного жара. Он невольно зажмурился. Девушка вытащила из рукава тонкий черно-прозрачный шарфик, набросила на голову, пряча лицо. Обернувшись, понимающе хмыкнула:

— Жарковато? Весной еще терпимо, начнется лето, будет совсем не продохнуть. Кстати, раз мы идем в одно и то же место... Может, все-таки приоткроешь завесу тайны и скажешь, как тебя называть? Если нельзя по имени, то прозвище какое-нибудь у тебя имеется? Ой-лэ, невозможно разговаривать с человеком, обращаясь к нему "Эй, ты!"

Ее спутник промолчал, но через десяток шагов неохотно буркнул:

— Люди обычно называют меня Конаном. Я родом из Киммерии. Это далеко за горами.

Любопытная Феруза уже раскрыла рот: поинтересоваться, где именно и за какими горами находится страна с таким странным названием, но здраво рассудила, что не стоит торопиться. Успется. Нельзя требовать ответа сразу на все загадки мира.

Идти пришлось недолго: миновать пару улиц, свернуть, подняться по длинной, скрипучей деревянной лестнице и там еще шагов двести вверх по разбитой мостовой. Прохожих на глаза почти не попадалось, дома стояли притихшие и запертые. В придорожной канаве еле слышно булькала мутная вонючая жижа.

Остановились возле обычного забора из каменных валунов. Феруза бросила взгляд по сторонам и свернула под арку, в полуоткрытые ворота. Левая створка болталась на одной петле.

Забор скрывал небольшой двор, замощенный булыжниками, между которыми кое-где пробились пыльные кусты бурьяна. В городе все так или иначе приходило в упадок — от строений до людских нравов. Посреди двора торчал фонтан: позеленевшая медная цапля с разинутым клювом, из которого в лучшие дни била струя прозрачной воды, а теперь вытекал слабый ручеек. Создавалось впечатление, будто несчастная птица находится при последнем издыхании.

Дом — двухэтажный, из желтоватого песчаника, с узкими окнами в кирпично-красном обрамлении — стоял в глубине двора. Слева к нему примыкала хлипкая на вид пристройка, откуда долетало приглушенное гоготанье, криканье и кудахтанье. К дверям вели щербатые ступеньки, сбоку на ржавом крюке болтался не горевший сейчас масляный фонарь. Над входом покачивался ярко размалеванный лист жести, укрепленный на паре цепей. Кто-то со всем тщанием и весьма похоже изобразил на нем стол, полный тарелок и кувшинов. За столом восседала большая толстая крыса с чрезвычайно самодовольным выражением морды, сжимавшая в одной лапе нечто вроде окорока, а в другой — кружку. Внизу полукругом шла надпись: "Уютная нора. Таверна со сдачей комнат внаем".

К сожалению, молодой человек не умел читать и потому не понял значения вывески. Он просто толкнул дверь (беззвучно провернувшуюся на хорошо смазанных петлях), еще раз подумал, насколько неосторожно доверять первой встречной девчонке, пусть она и выдает себя за предсказательницу, и вошел.

Внутри оказалось прохладно и темновато, откуда-то тянуло запахом поджаривающегося мяса и острых специй.

Под ногами хрустели сухие тростниковые циновки, брошенные на деревянный пол.

Несколько человек, расположившихся за столами и стоявших возле стойки, оглянулись. С равным недоумением они уставились на вошед-

шего, тот — на них. Разговоры и смешки затихли.

На пороге распахнутой двери, ведущей в кухню, появилась высокая фигура в пронзительно-зеленой рубашке и замшевом жилете, украшенном бахромой. Присмотрелась и озадаченно спросила:

— Феруза, это что? Я имею в виду, что ты притащила?

Взгляд в настоящее: Хозяйка гостиницы

"Нора" вот уже пять с половиной лет принадлежит женщине по имени Лорна. Довольно-таки странноватой женщине, с привычкой произносить свое имя так, что оно звучит подобием боевого клича или вызова на поединок.

Лорна из Пайрогии.

Она гордилась своими многочисленными прозвищами, своей независимостью и способностью в любой момент ввязаться в драку и победить. Лорна Бритунийка не боялась никого и ничего, кроме старости и маячившего не遠далеке одиночества.

Поэтому в один прекрасный день Лорна Неукротимая, охотница, наемница, телохранитель и — по мере необходимости — воровка, с величайшей неохотой подсчитала прожитые годы, вздохнула и задумалась о своей дальнейшей судьбе.

Становилось ясно, что молодость прошла и более она не может скакать целый день, потом

пить, петь и веселиться ночь напролет, а утром с хорошо соображающей и высоко поднятой головой встречать новые каверзы судьбы.

Она поразмыслила над тем, какие возможности предоставляет этот мир женщине средних лет, привыкшей к ремеслу воина, и пришла к неутешительному выводу: очень и очень немногие. Можно плюнуть на все и вернуться на родину, в Британию, откуда она некогда сбежала в поисках приключений, богатства и, возможно, счастья. Она вдоволь получила первого, поменьше — второго, и самую капельку третьего, но домой ей совершенно не хотелось. Кроме того, она не представляла, чем там заняться.

Еще можно разыскать кого-нибудь из давних друзей, кто уже успел остепениться и обзавестись подходящим ремеслом, жениться ("Выйти замуж!" — в очередной раз напомнила себе Лорна, привыкшая за пятнадцать лет бурной жизни думать о себе в мужском роде) и попытаться стать добропорядочной матроной.

Этот план ей не слишком нравился, и она отложила его в самый дальний уголок памяти. На случай, если не придумает ничего лучше.

Наконец, она способна завести собственное дело. У нее имеются кой-какие сбережения, почему бы не пустить их в оборот? Но каким образом? Она умеет торговаться, неплохо разбирается в лошадях, оружии, припасах и дорогах, не мошенничает без необходимости... Может, податься в проводники или сунуться в какую-нибудь купеческую гильдию — не нужен ли надеж-

ный человек, способный и товар сохранить, и хозяйскую выгоду не забыть?

Да кто ее возьмет, с ее-то лошадиной физиономией и впитавшейся в кровь привычкой распоряжаться?

И тут ей пришла в голову простая и незамысловатая мысль. Она хочет иметь постоянное и надежное пристанище, но при этом оставаться хозяйкой собственных поступков?

Отлично! Тряхнем слегка растолстевшей за время странствий мошной!

Лорна Воительница превратилась в Лорну Тавернщицу. Она приобрела небольшую таверну в самом беспокойном городе, который знала — в Шадизаре. Он вполне отвечал ее слегка взбалмошному характеру: тут всегда приходилось держать ухо востро, а разнообразные посетители заведения никогда не позволяли ей заскучать. Лорна потратилась на ремонт, наняла десяток слуг и после нескольких стычек — как словесных, так и физических — заставила уважать себя как мелкую окрестную шпану, так и хозяина квартала. Она не возражала против досадной необходимости платить наравне с налогами в казну города определенную сумму местным законам, "Нора" исправно приносила доход, и бывшая наемница наконец-то почувствовала себя на своем месте.

Порой рядом с ней возникали люди, становившиеся чем-то большим, чем просто близкие друзья, но надолго не задерживались. Лорна не огорчалась — знала, что долгое соседство с ней

способен вынести далеко не каждый. Уйдет один, вскорости непременно появится другой. Вдобавок кое-кто из бывших дружков являлся сюда, вынашивая пакостную мыслишку присвоить вместе с хозяйкой и таверну, а этого Лорна допускать не собиралась. Она слишком многое вложила в этот двухэтажный дом из светло-желтого песчаника, над входом в который лет пять назад собственноручно повесила лист жести с нарисованной на нем нахальной крысой. Вывеску сотворил один из первых постояльцев — не в счет оплаты долга, как сплетничали, а просто из симпатии к госпоже тавернщице.

Так она и жила: высокая, крепко сбитая женщина, годков тридцати пяти на вид (в действительности Лоркане исполнилось сорок два), светловолосая, с вечно прищуренными серыми глазами.

Презирая все законы и правила приличия, преспокойно разгуливала в мужском костюме, носила с собой парочку кинжалов — один на поясе, один за отворотом сапога, держала под стойкой увесистую дубинку вместе с арбалетом и с легкой усмешкой наблюдала за бурлящим вокруг водоворотом страстей, интриг и взаимного надувательства.

Потом в таверне поселилась Компания... Иногда Лоркане казалось, что лучше бы они тут не появлялись, иногда — что они придали ее хозяйству тот необходимый штрих, без которого любая картина не производит впечатления завершенной.

* * *

Обосновавшиеся в обеденной зале люди выглядели не просто посетителями, забежавшими выпить-перекусить, а постоянными жильцами, находящимися у себя дома.

Конан окинул их всех одним быстрым взглядом, прикидывая, кто может быть опасен в возможной драке (хотя этого хотелось сейчас меньше всего). Правда, нападать вроде не собираются, просто смотрят.

Человек в зеленом при более пристальном взгляде оказался решительно настроенной женщиной средних лет. Судя по слегка возмущенному тону, заведение — ее собственность. Значит, хозяйка.

Парочка у стола, заваленного пергаменами, какими-то склянками, баночками, связками перьев, шкатулками и вещицами непонятного названия и предназначения. Девушка в настолько узкой юбке, что удивительно, как она умудряется ходить, и пестрой блузке с огромным вырезом, не оставляющим сомнения в ее телесных достоинствах. У девушки пышные волосы каштанового цвета, прореженные чисто-белыми (наверняка крашеными) прядями, множество позванивающих украшений на руках и шее, точеная фигурка и слегка растерянные карие глаза. На всякий случай она отступила за спину дружка, лохматого рыжего парня с острой умной физиономией, похожей на мордочку хорька или куницы. Тот сообразил быстрее: отбросил перо, которым царапал на листе пергамента, на мгновение

в его руке мелькнуло лезвие ножа, тотчас же скрывшееся под бумагами.

Еще один тип — невысокий, юркий, с желтоватой кожей и бегающими глазками шадизарского уроженца — расположился прямо на стойке. Перед ним выстроился полукруг различных кувшинов и бутылей, и он занимался тем, что сливал по нескольку капель их содержимого в большую прозрачную чашу, помешивая настой тонкой серебряной палочкой.

Когда Феруза и ее спутник появились в зале, он как раз собирался добавить очередной ингредиент, но остолбенел, не закончив движения. Бело-золотистая жидкость продолжала литься, пока его приятель, пристально наблюдавший за ходом приготовления напитка, не рявкнул с неподдельной мукой в голосе:

— Ши, ты все испортил!

— А? — коротышка встрепенулся, глянул на плод своих трудов и ойкнул. Феруза тихонько рассмеялась, сказав:

— Спорим на золотой, ты это выпьешь?

— Не пропадать же добру, — человек по имени или прозвищу Ши скорбно разглядывал содержимое чаши, приобретшее загадочный лилово-розовато-голубоватый оттенок. — Ничего вы не понимаете, это ж был настоящий "Укус дракона"!

— Переименуешь в "Укус гадюки", — неуверенно подала голос чернявая девица. — Все равно ведь никто не заметит разницы... Феруза, кто это?

— Вот и я хотела бы знать, — с расстановкой проговорила хозяйка. — Феруза, это посетитель, твой клиент или?..

— Или, — беспечно ответила туранка. — Я хочу, чтобы вы приняли его к себе.

— Не понял, — человек, стоявший рядом с Ши — судя по внешности, тоже местный, замориец, но постарше лет на пять — озадаченно нахмурился.

— Ой-лэ, чего тут непонятного, Джай! — Феруза прошла к стойке, понюхала творение Ши и брезгливо скривилась. — Тарок считает, ему самое место здесь. Все остальное он вполне способен рассказать сам. Правда, он говорит с каким-то жутким акцентом, но, раз я поняла, значит, ты тоже поймешь. Лорна, его надо хорошенько накормить и где-нибудь устроить.

Хозяйка не тронулась с места, продолжая внимательнейшим образом изучать гостя.

— Феруза, — осторожно начал рыжий, тщательно подбирая слова, — при всем моем уважении к тебе... Зачем нам еще один человек, тем более — такой? Мы ведь не благотворительное общество навроде Друзей Нуждающихся.

— А мне он нравится! — внезапно заявила его подруга и ослепительно улыбнулась. Гостя передернуло, он сделал крохотный шагок назад, к спасительной двери.

— Кэрли, дорогуша, не сочти за обиду, — холодно проговорил тип, носивший имя Джай, — но тебе нравится любое создание мужского пола в возрасте от шести до шестидесяти, которое

способно пережить хотя бы ночь в твоём обществе.

— Нахал,— красотка высокомерно задрала подбородок. Рыжий украдкой кивнул, соглашаясь.

— Какой есть,— отрезал Джай и запрыгнул на стойку.— Феруза, Хисс прав. Нам пока ни к чему лишние люди. Вдобавок, если мне не изменяет память, мы договорились брать новичков только по общему решению и моему одобрению...

— Джейвар Сигдим! — туранка будто стала повыше ростом. В её голоске зазвучала ярость.— Разве я давала тебе плохие советы? Встревала в твои дела? Отказывала в помощи? Забирала больше, чем причитается? Или я больше не одна из вас? Неужто ты хочешь сказать, что женщина должна знать свое место? А может, просто угождаешь своему гонору?

— Что? — рявкнул Джай, сваливаясь на пол и делая угрожающее движение в сторону девушки. Кэрли взвизгнула, рыжий парень, отзывавшийся на имя Хисс, закатил глаза и сокрушенно покачал головой.

— Джай, Феруза,— умоляющим тоном заканял Ши, быстро проскальзывая между ними.— Может, хватит? Давайте поговорим, как подобает разумным людям! Джай, раз она утверждает, что нам пригодится этот тип, может, так оно и есть?

— У нас уже имеется один варвар,— как бы невзначай заметил Хисс.— Не вижу проку в со-

держании двоих. Все они одинаковы и почти ни на что не годны, кроме...

— Придержи язык,— резко посоветовала молчавшая до того хозяйка.

— Я не имел в виду присутствующих,— вернулся рыжий.

Предмет разгоревшегося спора недоуменно внимал перепалке и, наконец, не выдержал. Его изрядно задевало то обстоятельство, что какие-то люди брали на себя право решать его судьбу, даже не интересуясь его мнением.

Он не лошадь на базаре, чтобы быть проданным кому угодно!

— Я ухожу,— он постарался сказать это как можно спокойнее.— Не знаю, с чего вы решили, будто кто-то по доброй воле согласится быть с вами. Вы умом тронутые.

Ши присвистнул и красноречиво повертел пальцем у виска:

— Я еще собирался за него заступиться... Да делайте с ним, что хотите, хоть на мелкие кусочки режьте тупым ножом. Упаси меня боги вмешиваться!

— Слушай,— обозлившийся Джай круто повернулся к гостю.— Ты здесь никто и звать тебя никак! Молчи, пока не спрашивают! Коли такой умный — катись на все четыре стороны. Посмотрим, долго ли ты протянешь! Занятые люди, понимаешь, тратят дорогое время на остолопа, вытащенного из канавы, а он еще смеет открывать рот и что-то лепетать! Кто ты вообще такой? Грязный, вонючий, тупой варвар!

— Несет от тебя, парень, в самом деле изрядно,— с ухмылкой поддержал Хисс.— Феруза, в какой выгребной яме ты его отыскала?

— В "Белом лотосе",— буркнула туранка.

— Действительно, яма и дыра,— весело согласился рыжий.— Нет, радость моя, твои предчувствия — предчувствиями, а я против. Кэрли, подумай, прежде чем говорить.

Девушка последовала совету друга, хотя физиономия у нее стала весьма разочарованной.

— Лорна! — в отчаяние Феруза воззвала к содержательнице заведения.— Скажи хоть ты!

— Я даю вам крышу над головой и присматриваю, чтобы никто не оставался голодным,— пожала плечами тавернщица.— Принимать кого или нет — целиком и полностью дело вашей шайки и Джая как предводителя.

Натолкнувшись на столь дружный отпор девушка сникла. Приведенный ею человек, впрочем, и не рассчитывал на иной прием. В этих городах люди давно забыли о гостеприимстве. Все, о чем они способны думать — деньги и выгода. Надо убираться отсюда. И поскорее.

— О чем крик?

Голос доносился сверху, с маленького балкона, куда вел десяток деревянных ступенек, и сопровождался грузными шагами. Услышав их, Кэрли торопливо удалилась за стойку, поближе к хозяйке и открытой двери кухни. Хисс соорудил недовольную гримасу и отступил за стол. Джай и Феруза покосились друг на друга: она — сердито, он — чуть презрительно.

По жалобно поскрипывающей лестнице неспешно спускался гигант. Если бы стеноломная башня приобрела человеческий облик, она, наверное, выглядела бы именно так.

Башню звали Райгархом. Полгода назад Лорна имела неосторожность поверить рекомендациям Джая и нанять одного из его знакомых в качестве вышибалы взамен прежнего, уволенного за пренебрежение обязанностями. Вообще-то в случае необходимости Лорна отлично могла сама надавать по головам и подвернувшимся частям тела любым забиякам, но предпочитала, чтобы этим занимался кто-нибудь другой. Хватит с нее драк. Положение обязывает и все такое.

Спустя луну ехидный Хисс осведомился, в чем состоят обязанности нового стража порядка и кого он охраняет — таверну или собственно Лорну. Бритунийка собралась выдать насмешнику все причитающееся, но махнула рукой и ответила:

— Много ты понимаешь...

— В тяготах одинокой женской души? — уточнил Хисс, привычно увертываясь от подзатыльника, и вкрадчиво добавил: — Подобное, впрочем, всегда тянется к подобному.

К чести Райгарха надо признать, что своим положением он не злоупотреблял, честно отбывая получаемое жалованье, помогал по трактиру и с удовольствием ссорился с Лорной по меньшей мере раз в пять дней по любому удобному ей поводу. Вдоволь накричавшись друг на друга, хозяйка и вышибала отправлялись на вто-

рой этаж, где располагались комнаты постояльцев — мириться. Жильцы и прислуга понимающе кивали и разбредались кто куда, ибо до наступления следующего утра всяческая жизнь в "Норе" прекращалась.

Как и Лорна, Райгарх вполне заслуживал наименования варвара, и, подобно своей подруге, сделал из прозвища ремесло. Наполовину асир, наполовину гандер, он лет уже тридцать шлялся по всем странам от Заката до Восхода, то в одиночку, то с компанией, оказываясь везде, где требовались люди, способные носить оружие, выполнять приказы и не задавать лишних вопросов.

Пятидесятилетие он встретил в Шадизаре, решив, наконец, осесть и остепениться. Ему всегда находилось занятие — многим нравилось иметь в телохранителях эдакое обманчиво-добродушное чудовище четырех с небольшим локтей ростом, некогда ярко-рыжее, а теперь поседевшее до странного пегого цвета. Райгарх стал одной из городских достопримечательностей, но как судьба свела его с Джейваром Пронырой, неплохим, хотя не хватающим звезд с небес взломщиком, доселе оставалось неизвестным. Зато никто не удивился, прослышав, что варвар-асир служит в трактире, который содержит женщина из Бритунии, бывшая наемница на покое.

* * *

— ...Так что стряслось? — Днем Райгарх предпочитал отсыпаться, и, если его будили, стано-

вился крайне раздражителен. — Провалиться мне на этом месте! Откуда это взялось?

— Я привела! — раздраженно заявила Феруза, притопнув ногой. — И говорю, что он останется здесь! Потому что так надо! И если вы против, то я тоже уйду!

— Детка, ты хоть догадываешься, что именно приволокла в наше благороднейшее собрание? — неожиданно вежливо поинтересовался вышибала и наставительно продолжил, обращаясь к притихшим друзьям-приятелям: — Ежели мне не изменяет зрение — а я не вижу к тому ни единой причины — это ж самое настоящее, неподдельное киммерийское отродье! Сколько лет живу на этом свете, и каждый раз убеждаюсь — дерьмо... простите, дамы, но иногда нужно называть вещи своими именами — дерьмо не тонет, но всегда всплывает! Пропал славный город Шадизар, окончательно пропал, помяните мое слово...

Договорить он не успел. Точнее, не дали.

Мальчик-варвар, вроде бы туповато пялившийся куда-то в сторону, сорвался с места и бросился вперед. В точности бык, завидевший красную тряпку. Он никогда не отличался завидным терпением.

Его и Райгарха разделяло около двадцати шагов, весь общий зал таверны. Кэрли и Феруза завизжали дуэтом — как пара кошек с прищемленными хвостами. Лорна нырнула за стойку, появившись с увесистой дубинкой в руках. Ши сиганул в сторону и юркнул под стол, удручен-

но пробормотав: "Где варвары, там драка, спасайся, кто может". Джай посторонился, однако проявил недостаточную ловкость и опрокинул чашу с изготовленным Ши зельем. Та ухнула на пол, разбившись и расплескав содержимое.

Хисс, оценив ситуацию, вылетел из-за стола, аккуратнейшим образом подставив атакующему гостю подножку. Тот успел заметить и сделать прыжок, но (как многие до него) не учел печального обстоятельства, что при нужде Райгарх способен двигаться куда стремительнее, чем кажется на первый взгляд. Уклонившись, асир пропустил нападающего мимо, еле заметным движением придав ему иное направление и попутно наградил парочкой ударов.

Человек и каменная стена трактира встретились. Стена выдержала. Человек — нет.

Мир качнулся и поплыл, как большая снулая рыба, удаляющаяся все глубже и глубже. Голоса, раздававшиеся совсем рядом, постепенно таяли в сером тумане.

— Я думал — сейчас пробьет и дальше понесется,— восхищенно-удивленный шепот наверняка принадлежит Ши.

— Райгарх, ты же его прикончил! — причитает странная девушка по имени Феруза.

— Только трупов нам не хватало,— спокойно-деловитая речь хозяйки, Лорны.

— Кого, его? Детка, сие есть порождение Киммерии, и ваше счастье, что вы живете в благословенном краю, где такие не водятся. Сейчас оклемается и полезет мне морду бить,— смешок

Райгарха, больше похожий на погромыхивание далекой лавины.— Хисс, за мной должок.

— Принимается. Зачем ты его дразнил? — невозмутимо интересуется рыжий Хисс.

— Чтоб проверить, конечно,— искренне удивляется Райгарх.— Кинется или нет. Вообще-то я думал — не решится.

— Кровь! — панически вскрикивает Кэрли.

— Какая кровь? Я ж легонько приложил

— Вон течет.

— Помогите его повернуть.

Чьи-то руки расшнуровывают драную безрукавку, нож разрезает ткань рубашки.

Короткая вспышка боли, когда начинают разматывать присохшую к ране повязку. Изумленный свист.

— Слушайте, да у него весь бок порван! И он в драку лез? Райгарх, откуда он, говоришь? Надо бы запомнить, чтобы впредь обходить эту страну за сотню лиг. Там все такие?

— Не только полез, но и убить бы постарался... Ладно, Феруза, твоя взяла. Я — за то, чтобы его оставить.

— Райгарх!

— Что "Райгарх"? Шестой десяток как Райгарх. Такого отпустить на улицу — сложится в первом переулке, и все из-за собственного упрямства.

— Кэрли, только без обмороков! Быстро раздобудь мне чистых тряпок и горячей воды. Да не помрет он, не помрет, не хнычь. Пару деньков проваляется, а там посмотрим. Хотелось бы

знать, когда он ел последний раз? И сколько ему лет — двадцать? Больше?

Гремящая лавина устремляется вниз — Райгарх смеется. Искренне, от души.

— Пятнадцать, радость моя. Дай боги, если недавно стукнуло шестнадцать. В жизни не поверю, коли начнет утверждать, что семнадцать. В горах взрослеют гораздо раньше, чем в городе, поэтому парень и выглядит так... не по-детски. Однако доставалось ему в последнее время крепко. Ошейник, что ли носил? Похоже на то.

— Зачем он нам? Возни не оберешься, голову даю на отсечение — он ничего не знает и не понимает.

— Научим.

— Райгарх, от тебя ли это слышу?

— От меня, от меня. Ну, что вытаращились? Да, я берусь его учить. И ты, Джай, тоже.

— Чему? Скажите, чему можно научить эдакую орясину? Феруза, признайся — ты решила нам всем отомстить, мол, разленились, успокоились, расслабились?

— Он нам нужен.

— Бел, отвори беду, даруй удачу! Для чего, Феруза? Для чего, я тебя спрашиваю? Можешь хоть раз ответить по-человечески?

— Я не знаю.

— Спасибо. На редкость исчерпывающе.

— Джай, заткнись. Потом доругаетесь. Рилна, где тебя демоны носят? Марш наверх! Возьми ключ, открой комнату в конце коридора. Поднимайте его. Вот так, осторожнее...

Хлопотливая возня. Топот ног, поднимающихся по ступенькам. Скрип деревянного остова кровати. Тишина. Наконец-то тишина.

* * *

Место, в котором он очнулся, напрочь незнакомо — маленькая комнатка со скошенным потолком. За открытым окном колыхалась душная ночь. Ощущения — как после хорошей взбучки или целого дня, проведенного за преодолением отвесных горных склонов.

У кровати кто-то сидит, привалившись к стене, смотрит внимательно-блестящими глазами.

— С возвращением в мир живых, — незнакомец мотает туго стянутым на затылке хвостом жестких черных волос. — Пить-есть хочешь?

— Г-где я?

— Все там же, приятель. В тишайшем городке Шадизаре. Обманный переулок, постоялый двор "Уютная нора". Хозяйку кличут Лорной. Я — Ши. Помнишь такого? Ши Шелам. Ловкач Ши, Ши — Затычка-в-каждой-бочке. Ташу всеж, что плохо лежит, и тем более — что лежит хорошо. Феруза сказала, тебя зовут Конан. Собственное имя не позабыл, когда о стену треснулся?

Болтая, Ши возится с чем-то, стоящим то ли на полу, то ли на низком столике. Запах. Вкусный. Звяканье ножа по тарелке. Бульканье наливаемой в кружку жидкости.

— Ага, готово. Жуй, только не торопись. Райгарх тебе поддал немножко, так ты едва таверну не разворотил. Вспомнил?

Кивок, сопровождаемый чавканьем.

— Это хорошо. Значит, голова соображает. В общем, Джай согласен, чтобы ты пока немного пожил здесь. У нас тут вроде как товарищество на вольных хлебах. Джай — наш старший. Полностью он Джейвар, для нас — Джай Проныра. Мастер по замкам, отмычкам и взломам. Райгарха, тутошнего вышибалу, сразу узнаешь, варвар почище тебя. Еще Кэрли и Хисс. Кэрли по-настоящему будет Кэтерлин, это чернявая малявка с такой аппетитной попкой, в точности спелый персик. Только укусить не дает, — Ши облизывается, разочарованно хмыкает и продолжает: — Хисса кое-кто называет Змеиным Языком. Он на пару с Кэрли кому угодно голову задуриет и еще заставит приплатить за это. Эй, ты что, опять заснул? Ладно, дрыхни... Пойду Джаю скажу, что ты очухался, пусть с досады на желчь изойдет. И Ферузе надо бы шепнуть. Сдался же ты ей... Предсказательница, тоже мне... Меня бы кто так обхаживал. Только и слышишь: "Ши сюда, Ши туда!". Нашли мальчика на побегушках...

Все еще недовольно ворча, Ши уходит, унося поднос с остатками еды и оставляя дверь приоткрытой. Лежащий человек открывает глаза, долго смотрит ему вслед, ерзает, устраиваясь поудобнее, и снова засыпает.

Глава 2. Очень деловые люди

Два месяца спустя

Вамые темные ночи, как известно, в Шадизаре. Эта ничем не отличалась от всех прочих. Темное небо поры новолуния, знакомые каждому астрологу, караванщику и путнику созвездия. Скорпион и Лягушка, Жеребец и Цапля, Охотник со своими Псами и вечно убегающая от них тройца — Заяц, Олень и Антилопа, дремлющий Лев, готовая к прыжку Пантера и меланхоличная Черепаха. Небесные звери перемигивались разноцветными огоньками глаз, под ними плыла земля со своими океанами, реками, горами, лесами и городами, с высоты тоже отдаленно похожими на звездную россыпь.

Скопище каменных домов и хлипких лачуг, раскинувшееся возле предгорий Карпашских гор, погружалось в беспокойную дремоту.

Этот город никогда не засыпал, особенно ночью, ибо самые важные события в нем творились не днем, а после захода солнца. Ночи же

тут, как ведомо всем и каждому, самые темные на всем великом материке. Хоть глаз выколи.

Бронзовый трехлапый крюк, увлекавший за собой тонкую веревку, взлетел над утыканным острыми шипами гребнем каменной стены высотой в два добрых человеческих роста. Упал, заскользил вниз, но быстро остановился. Кто-то, находящийся за стеной, торопливо выбирал слабинку, пока три растопыренных крюка, три надежных когтя из металла, не вцепились в трещины между камнями. Веревка натянулась, как струна, и задергалась.

На стене появился человек — сгорбившаяся и съежившаяся фигурка, почти неразличимая в полутьме, вдобавок украсившая себя целым ворохом обрезков черной ткани. Человек замер, стоя на четвереньках и опасаясь лишней раз пошевелиться, чтобы не наступить на торчащие из плит острые — ой, какие острые! — штыри длиной в два пальца.

Он прислушивался, присматривался и, кажется, даже принюхивался, но не замечал ничего подозрительного. Глянул вниз. Узкий, воняющий кошками и гниющими отбросами переулочек между смыкающимися стенами задних дворов пустует в обе стороны. Оглянулся назад — шелестящий ночной сад, за которым смутно различается приземистая громада богатого двухэтажного дома.

Тихо. Все, как и положено. Сторожевые псы, которым надлежит обшаривать сад, дрыхнут вповалку, объевшись дармового мяса с весьма

своеобразной начинкой. Двое охранников у дверей хозяйской половины утром очнутся с сильнейшей головной болью, также, как еще четверо слуг. Невовремя высунувшаяся на подозрительный шум старушенция с рожей спившейся ведьмы — дальняя родственница владельцев дома — упокоилась в запертой кладовке, предварительно нюхнув порошка из одного полезного растения. Желтый лотос называется. Растет на болотах Иранистана. Смесь изготавливается очень просто. Берешь горсточку лепестков, мелко крошишь, аккуратно высушиваешь на медном противне над огнем, полученную пыль тщательно собираешь в плотный мешочек и прихватываешь с собой. Всегда пригодится. Можно украдкой сыпануть в вино, тогда собеседник очень быстро возжелает вздремнуть, можно просто сунуть под нос — вдохнувший тут же сложится пополам и отчалит в мир приятных сновидений.

Правда, возникает одна загвоздка. Ма-аленькая такая загвоздочка. Иногда тот, кому полагается мирно спать, почему-то вскакивает раньше времени и начинает голосить. А голосит он известно что. Любимые словечки славного города Шадизара:

— Обокрали! Ловите мерзавцев!

— О, нет,— пробормотал себе под нос человек на стене и снова покосился через плечо. Доселе темный и спокойный дом оживал. Вот мелькнул свет в одном окне, спустя мгновение — в другом и в третьем. Кто-то оглушительно распоряжался, приказывая обыскать сад и, если понадобится,

заглянуть под каждый куст и перевернуть каждый камень.

Вор — в том, что жавшийся на стене человек принадлежал именно к этой славной гильдии, сомнений не возникало — философски пожал плечами, сделал парочку аккуратнейших шажков, добравшись до внешнего края толстой стены, извлек из-под своего одеяния еще один моток веревки и сбросил его на улицу. Другой конец тонкого каната уходил в сад, где, видимо, обвивался вокруг подходящего ствола.

Грабитель не стал отцеплять верно послуживший ему крюк, а начал спускаться в переулочек, отталкиваясь ногами от стены и уже не стараясь особенно скрываться. Когда он добрался до основания стены и встал на твердую землю (не слишком твердую — под ногами что-то глухо чвакнуло, то ли помой, то ли горка жидкого навоза), наверху возник еще один силуэт. Этот казался повыше и ступал менее осторожно. Он торопливо сматывал веревку с трехлапой "кошкой", все время краем глаза наблюдая за происходящим в саду и возле особняка. Огоньки теперь горели по всему первому этажу и в некоторых окнах второго, разъяренные вопли разносились далеко за пределы имения, между деревьями мерцали факелы и слышался азартный собачий лай. Видимо, они угостили не всех собак и уцелевших непременно попытаются натравить на нарушителей мирного покоя.

Гавканье и выкрики приближались. Приближались слишком быстро. Человек в проулке за-

метался, отчаянно жестикулируя и приказывая шевелиться. Его напарник, остававшийся на стене, без особого успеха сделал попытку одолеть коварные шипы, не преуспел, зацепился носком сапога и кувырнулся головой вниз.

Стоявший внизу сдавленно зарычал, увидев рушащееся тело, и зажмурился, ожидая услышать шум падения и непереносимый вскрик. Если между стражниками отыщется наделенный мозгами и не страдающий глухотой, он непременно догадается проверить, кто это там бухается со стены и орет на весь квартал. Значит, начнется погоня. Они, конечно, уйдут, затеряются в переулках, но сколько времени будет потеряно зря! Сколько драгоценного времени и не менее драгоценного здоровья! Не-ет, Малышу пока рановато заниматься серьезными делами. Его призвание — стоять на страже, выполнять поручения, не требующие большого ума, и крушить черепа. Надо отдать должное, это у него получается неплохо. Но почему нет ни шлепка, ни сопутствующих ему проклятий? Он что, не долетел до земли? Запутался в веревках?

Воришка боязливо приоткрыл один глаз, затем второй.

Долетел. Везучий ублюдок — смог приземлиться, не покалечившись. Сидит, трясет лохматой башкой, пытается встать.

— Резвей, резвей! — подскочив, грабитель затормозил своего подопечного, слегка потерявшего ориентацию из-за падения, заставил подняться и потрусить в сторону еле различимого

выхода из смердящего проулка.— Малыш, нас здесь нет и никогда не было. Шевели ножками, левой-правой, левой-правой! Да двигайся, демон тебя побери! Счас до них дойдет, что мы где-то поблизости!

— Отвяжись,— не до конца окрепший голос подростка как-то не соответствовал изрядному росту и вполне мужской фигуре. Человек уже больше не шатался из стороны в сторону и бежал вполне уверенно.— Говорили тебе — не настоящий лотос, больно дешево отдают. Иначе бы они так рано не очухались.

— Повсюду мошенники,— горько вздохнул вор и поправил висевший на плече вместительный кожаный мешок, в котором что-то еле слышно позвякивало.— Или мы его пересушили? Бежим, бежим, Малыш, сегодня на редкость подходящая ночь для поздних прогулок.

— Я не малыш,— раздраженно буркнул его спутник, в который раз убеждаясь, что его недовольство осталось никем не замеченным.

В конце проулка завершивших свое дело грабителей ожидали. Из стенной ниши выскочила приземистая юркая тень, на лету перехватила брошенную торбу, заливчатски свистнула и растворилась в сумерках. Двое воришек продолжили путь, миновали три или четыре перекрестка, свернули в лабиринт внутренних дворов и заплетая по ним, штурмуя глинобитные заборы, пытаясь в бельевых веревках и спотыкаясь о мусорные ведра. Добравшись до соседнего квартала, где бурлила тихая ночная жизнь и пока ник-

то не подозревал о только что завершившейся удачной краже, компаньоны пошли шагом, переводя дыхание и время от времени отвечая на оклики знакомых. Потом еще несколько раз свернули, избежали по хлипкой деревянной лестнице, промчались по пустой улице, огляделись и по очереди юркнули в приоткрытые ворота, спрятавшиеся в глубокой арке забора из крупных валунов.

* * *

За воротами скрывался обширный двор, мощный желтоватым булыжником, посредине которого позеленевшая медная цапля-фонтан с величайшим отвращением изрыгала из клюва тоненькую струйку воды.

На чудом сохранившемся парапете расположилась увлеченно воркующая парочка. Завидев входящих, девушка поспешно отодвинулась и закрыла лицо прозрачной вуалью. Ее спутник с заметной неохотой поднялся на ноги.

— Всегда думал, что для занятий подобными вещами существуют места поудобнее,— ехидно поделился соображениями низенький воришка.— Спальни там или кровати. Впрочем, было бы желание, фонтан тоже сойдет, только жестко будет и мокро.

— А мне казалось, что число твоих друзей изрядно увеличится, если взять на себя труд малость укоротить твой язык,— преувеличенно любезно откликнулся человек, стоявший возле фонтана.

— Альс, не связывайся,— мягко попросила женщина.— Джай скончается на месте, если перестанет болтать. Почему вы так долго? Мы подумывали, не пора ли начинать беспокоиться.

— Ха! — Джейвар по прозвищу Проныра презрительно хмыкнул.— Могли бы обернуться в три раза быстрее, только Малыш копошился, ровно улитка на сносках. Кстати, где Ши?

— Еще не явился,— ответил человек, носивший имя Альс.— Джай, хочешь добрый совет? Перестань задевать мальчика. Настанет день, когда он заставит тебя ответить за каждую сказанную гадость. Учти, я ради спасения твоей шкуры и пальцем не пошевелю. Он, в отличие от тебя, наверняка выполнил свою часть работы без лишних криков и шума.

— Иногда я сомневаюсь в том, что он вообще способен говорить,— буркнул Джай.

— Ши идет,— быстро произнесла девушка, пресекая грозивший начаться спор. В ворота проскользнула давешняя тень, горделиво помахивая доверенным ей мешком. Говорить Ши Шелам начал издали:

— Вы что натворили? Все бегают, как ошпаренные! Полквартала перебудили! Я задержался глянуть, они там едва друг другу головы не потрывали! Твердят, мол, в доме наверняка есть сообщник, значит, с утра начнется сущее веселье! — он предвкушающе захихикал.

— Обойтись без этого разумеется, было нельзя? — с легким раздражением спросила девушка и тоже встала, звякнув многочисленны-

ми браслетами и ожерельями.— Когда вы наконец повзрослеете?

— Феруза, свет очей моих, не ворчи,— возмущился Джейвар.— Пошли лучше глянем, что нам нынче упало с небес.

Компания пересекла двор, поднялась по трем выщербленным ступенькам и скрылась за дверями, возле которых на крюках болталась жестяная вывеска с упитанной крысой и надписью "Уютная нора".

* * *

Внутри все оставалось по-прежнему: пустующий зал, ибо ближе к полуночи Лорна выставяла посетителей, предоставляя трактир в распоряжение жильцов, вымытые и натертые маслом столы, еле горящий очаг и придвинутые к нему скамьи. На одной восседал Райгарх, пристально изучая новое творение Хисса — помятый и присыпанный золой лист пергамента, слегка обгоревший по краям. На нем красовалось изображение некой местности, с горами и реками, а также странными пометками и указующими стрелками. На вид — настоящая карта дороги к затерянному городу и наверняка скрытым там кладом. Хисс за последние полгода нарисовал с два десятка подобных чертежей и выгодно сбыл их желающим быстро разбогатеть.

Хисс и его напарница Кэрли уже несколько лет успешно промышляли торговлей разнообразными "древними сокровищами", почти подлинными драгоценными камнями и партиями вся-

кого рода товаров, существовавших только в их воображении. За определенную мзду они также могли начертать любой официальный документ — от завещания до королевского указа, снабдив его печатями и подписями, неотличимыми от настоящих. Под настроение они приторговывали снадобьями от любых недугов и амулетами от злобных духов, которые покупали в ближайшей лавочке или изготавливали сами.

Особенно им удавалось исполнение драматической сцены, именуемой "Получение разъяренным братом платы за оскорбление чести его невинной сестры". На эту удочку чаще всего попадались молодые супруги престарелых жен, отличавшихся вдобавок скверным характером и не прощавших своим благоверным подобных загулов на стороне.

— По-моему, город Мхваларинду ты уже использовал, — Райгарх скомкал новенькую карту, старательно помял между ладонями, а затем плеснул на лист пива, чтобы придать ему надлежащий старинный вид.

— Возможно. Название хорошо звучит, — рыжий Хисс, по происхождению немедиец, когда-то носивший имя Хэлкарса из Альстейна (и утверждавший: "Я мог бы оставаться приличным человеком!"), а ныне ставший Хиссом Змеиным Языком, изготовителем поддельных грамот и фальшивых артефактов, складывал в бронзовую шкатулку расставленные на столе пузырьки с разноцветными чернилами и неиспользованные перья. — Сомневаюсь, что моим покупателям

когда-нибудь доведется встретиться и сравнить хранящиеся у них сокровища.

— А вдруг? — вышибала развернул пергамент и удовлетворенно кивнул. Теперь любой поверит, что карта нарисована лет сто назад и все это время провалялась забытой в прадедушкином сундуке.

— Скорее небо упадет на землю, — беспечно отмахнулся Хисс. — Кроме того, никто из толстых денежных мешков не захочет проверять, истинен ли план. В глубине души им нравится быть обманутыми. Они, наверное, даже догадываются, что красная цена их приобретеньицу — медный сикль в базарный день. Но побывать в Шадизаре и не привезти оттуда что-то, несущее на себе отпечаток возможной жуткой тайны, предмет, которым можно хвастаться перед друзьями? Это выше человеческих сил. Поэтому я могу смело рисовать сии занимательные картинки и не тревожиться за будущее.

Райгарх внимательнее присмотрелся к линиям чертежа.

— Или мерещится на старости лет, или твои каракули смахивают на нечто знакомое

— Кварталы возле Блошиного рынка, — Хисс запер шкатулку на ключ. — Тайник, соответственно, закопан на месте курильни Старого Ишмика, как бишь ее?

— "Храм Трех Устремлений" или что-то в этом духе, — асир свернул карту в трубочку, по лошадиному фыркнул и предупредил: — Нарвешься когда-нибудь.

— Кто не рискует... — пожал плечами Хисс и удовлетворенно кивнул: — Ага. Вот и они.

Загадочные тени, миновав дверь и попав в освещенный зал, превращались в обыкновенных людей. Призрак в черных лохмотьях стал Джаем Пронырой, его спутники — мальчишкой-варваром, по молодости и неразумию прозванным Малышом, и неизменным Ши Шеламом. Парочка, ждавшая их возвращения на ограде фонтана, оказалась предсказательницей Ферузой и ее другом, недавно примкнувшим к Компании.

Познакомились они отчасти благодаря Джейвару, смирившемуся с тем, что у него отныне имеется ученик и решившему соблюдать все неписанные традиции Города Воров. После первой успешной кражи Джай потащил Малыша в старейший из храмов покровителя Шадизара, Бела — совершать церемонию Первого Приношения. У бога жуликов и мошенников нет жрецов, но имеются добровольные или назначенные хранители святилищ. Новый жилец "Норы" как раз выполнял такую должность.

Его звали Аластор. На идреш, самом распространенном из шемских торговых диалектов, считавшемся в Заморе вторым языком после туранского, это означало "Дурной Глаз". Он предпочитал, чтобы его называли полным именем, имея на то веские основания: взломщика Аластора знали далеко за пределами родного края.

Собственно, в Шадизар он наведывался не часто, предпочитая обитать на Полуденном Побережье, где давно стал головной болью начальни-

ков городской стражи, богатых купцов и правителей. Как утверждали сплетники, Аластор мог управиться с любым замком, забрать все, что пожелает, и уйти, оставшись незамеченным, пусть даже сокровищницу охраняет сотня стражей и две сотни натасканных псов. Говорили, будто в торговых домах Офира или Шема у него хранится целое состояние; что, появившись у него такое желание, он с легкостью подчинил бы себе предводителей вечно враждующих шаек Шадизара, что...

— Будь он распоследним карманником, все равно мог бы поплевывать в потолок и жить в свое удовольствие, — высказал однажды свое мнение Джай, предварительно убедившись, что разговор не достигает слуха предмета обсуждения. — В нашем захудалом городишке отыщется уйма богатеньких шлюшек и благородных дам, готовых отсыпать золото горстями просто заради того, чтобы поблизости околачивался такой красавчик.

— Не только женщин, — добавил Ши, глумливо хихикнув. — Впрочем, ему это не нужно. Интересно, на сколько у него достанет терпения обхаживать Ферузу?

— Пока не согласится, — с уверенностью заявил Проныра. — Не понимаю я этих девиц. Чего артачится, убудет от нее, что ли? Вон, посмотри на Кэрли — умудряется крутить с тремя сразу, и Хиссу кое-что перепадает.

— Феруза — предсказательница, — серьезно возразил Ши. — А Кэрли обыкновенная.

— Какая разница? — не понял Джай. — Под юбками они все одинаковы.

Замечания Джейвара вполне соответствовали истине: любой другой на месте их нового приятеля немедленно постарался бы извлечь наибольшую выгоду из своей незаурядной внешности. Аластор, похоже, брезговал подобными способами разбогатеть. Его мысли занимала только Феруза ат'Джебеларик и никто более.

Вот и сейчас, пока маленькое сообщество делилось впечатлениями от вылазки и рассаживалось, Аластор с привычной ловкостью занял место рядом с гадалкой.

На это уже никто не обратил внимания, привыкнув, что — за очень редкими исключениями — он всегда пребывает неподалеку от туранки. Райгарх и Джай даже поспорили на десять золотых: когда, в конце концов, Феруза решится поменять дружбу на нечто иное? Выигрывал Райгарх: шла вторая луна, но крепость доселе оставалась неприступной.

Никто не наведывался глубоко за полночь в жилище предсказательницы, и ее двери стояли закрытыми.

Услышав голоса, из комнат на втором этаже явилась встрепанная Кэрли, кутавшаяся в нечто развевающееся и цветастое. Из кухни пришла Лорна, проверявшая, все ли готово к завтрашнему дню. Хозяйка захватила с собой чистую холщовую скатерть, немедленно расстеленную на столе у очага. В камин подбросили дров — не для тепла, для света, заперли дверь и пригото-

вились к самому волнующему мигу в жизни любого охотника за чужим добром.

Ши развязал горловину кожаной торбы и бережно высыпал ее содержимое на ткань.

— Неплохо, — после недолгого вдумчивого созерцания произнес Аластор. — Я бы сказал, весьма неплохо. Давайте-ка разгребем эту коллекцию.

Ши, мгновенно оживившаяся Кэрли и Феруза принялись в шесть рук перебирать сверкающую кучку.

Тяжелые створчатые браслеты — сюда. Перепутавшиеся золотые и серебряные цепочки — сюда. Кольца, серьги, кулоны, броши — отдельно. Бархатный мешочек с ограненными камнями — вытряхнуть, быстро раскидать по цвету, прозрачности и качеству. Большая, слегка погнувшаяся диадема с изумрудами, сапфирами и жемчужными подвесками. Короткий, с две ладони, изящный жезл-спица, оканчивающийся прозрачно-розовым аметистом — странная игрушка, непонятно к чему предназначенная. Ожерелье, собранное из увесистых древних монет. Парочка массивных ритуальных колец, поблескивающих тусклой маслянистостью золота высокой пробы. Серебряное зеркальце в оправе из черного дерева, украшенного крохотными алыми и белыми кораллами. Потешные фигурки животных из яшмы и сердолика. Кинжал, целиком вырезанный из бледно-зеленого кхитайского нефрита с золотыми накладками.

Действительно, неплохой улов.

Кэрли немедленно завладела парой длинных бирюзовых сережек с позванивающими серебряными шариками на концах, и вдела их в уши. Джай, Аластор и Лорна разошлись в оценке возможной стоимости большого золотистого топаза. Хисс, испытывавший необъяснимую тягу ко всяческого рода ножам, забрал нефритовый кинжал и попытался определить, в самом деле он цельный или склеен из нескольких частей. Феруза перебирала сердоликовых зверей, выстраивая их по росту. Ей очень приглянулся легкомысленного вида пушистый заяц, сидевший на задних лапах, и она решила выпросить его себе.

— Тысяча за все, — заявил Джейвар, довершив осмотр.

— Полторы, — помотал головой Райгарх. — Даже тысяча семьсот, коли хорошо поторговаться. У тебя врожденная тяга к преуменьшению.

— Аластор?

— Будь я перекупщиком, постарался взять подешевле, продать подороже... Сколько там положено отсчитывать в пользу бедствующего старшины квартала? У нас шесть человек, промысляющих ночным искусством, и ученик, налог с которого пока выплачиваем мы. Вот и думай.

Джай нахмурился. Подсчет суммы, которую надлежало внести хозяину Нарикано, всегда вызывал у него головную боль. Ему отчаянно не хотелось расставаться с деньгами, но таков закон. Определенная доля с каждой добычи уходит к предводителю шайки, главенствующей в

квартале, иначе теплая компания, обитающая в "Уютной норе", рискует лишиться крыши над головой и перейдет в число должников. Лорна платит свои отступные за владение трактиром, Феруза — свои, в зависимости от того, сколько ей удастся выудить из клиентов за гадание. Впрочем, с нее опасаются запрашивать многого. У туранки найдутся покровители поважнее главы квартала. Так или иначе, коли хочешь спокойной жизни — плати. Исключений нет ни для кого.

— Четыре седьмых, — вынес решение Джай. Аластор, поразмыслив, кивнул. Райгарх тоже. — Кровопийцы... Одну седьмую распродаем и платим госпоже тавернщице за жилье и прочее, одна отправляется в общий котел, остальное делим и тратим по собственному разумению. Хисс, за что тут можно получить побольше?

— Побрякушки и диадему придется отдать, — рыжий, выполнявший в компании обязанности казначея, отложил указанные вещи в сторону. — Зверюшек, кинжал, камни и прочее берусь сплавить одному из моих приятелей. Золото принесу денька через два, в крайнем случае — через три. Кто-нибудь хочет взять долю не деньгами, а вещами?

Гадалка, слегка смутившись, попросила отдать ей несколько статуэток животных и массивный витой браслет с вставками из "кошачьего глаза" — явно не продавать, а для себя. Аластор забрал серебряное зеркальце — тоже понятно, сегодня вечером оно будет преподнесено Ферузе.

Кэрли, поколебавшись, отобрала кое-что из драгоценностей поплоче. Остальные предпочли дождаться денег.

Младший из живших в "Норе" варваров наблюдал за процессом дележки с некоторым недоумением. Обращение предметов в монеты и распределение сумм между участниками сообщества по-прежнему оставалось для него тайной за семью печатями.

* * *

Ши принес несколько маленьких кожаных мешочков и принялся раскладывать добычу, дабы завтра в спешке не перепутать, что куда предназначено. Вдобавок, ценности нужно припрятать по укромным местам — ночь пока не закончилась, всякое может случиться.

Девушки, развеселившись, решили перемерить все украшения и теперь делили их между собой. Кэрли завладела диадемой, кривовато сидевшей на ее каштаново-белых кудряшках, Ферузе досталось ожерелье из монет и тяжелые золотые браслеты.

Серебряную цепь из крупных звеньев, на которой болталась чеканная пластинка с изображением скачущей лошади, нацепили на Лорну, несмотря на ее возражения. Кокетливые бусы из цветных камешков оказались повешенными на Ши, тот писклявым тенорком юного кастрата завопил, что "эти глупые женщины" его обижают и бросился искать защиты у здорового Райгарха, устроившись под его скамьей.

Усилиями Аластора и Хисса верещающего Ши выволокли наружу, скрутили и принялись изобретательно украшать всеми имеющимися побрякушками. Кэрли голосом прожженной соблазнительницы пообещала, что поцелует его, если тот будет вести себя смирно. Ши закатил глаза, сделал вид, будто падает в обморок, рухнул возле ног Лорны и загробным голосом начал перечислять, что из его имущества переходит в чье владение в случае безвременной кончины.

Когда выяснилось, что Райгарху надлежит уплатить все долги заморийца и содержать до наступления совершеннолетия четверых его незаконных отпрысков, асир взревел и потребовал немедленной переделки завещания. Он соглашался на отдачу долгов, но утверждал, что, как истинный варвар, детей признает только в двух видах — жареном или вареном. Но лучше всего — таких, как Малыш. Сидит, молчит, ничего не просит!

Общество переглянулось и радостно набросилось на подопечного Джая. Кэрли немедленно попыталась устроиться у него на коленях, но была не слишком вежливо спихнута. Райгарх пустился в глубокомысленные рассуждения о том, насколько постоянные туманы и облака, заслоняющие небо Киммерии, препятствуют умственному развитию ее обитателей. Конан вполголоса проворчал насчет гнусных асирских обычаев и сожительстве с козлами. Хисс немедля попросил уточнить насчет козлов. Ши оскорбительно замемекал.

— Тихо! — Феруза подскочила к столу и схватила блестящий жезл с аметистом на конце.— Развели хлев! Сейчас увидим, кто вы есть на самом деле!

Она состроила гримасу и замахала позолоченной палочкой, выписывая невероятные фигуры, подвывая и бормоча. Подхватившие игру Кэрли, Ши и Джай с готовностью запрыгали вокруг туранки, улюлюкая и требуя превратить Райгарха и Конана в медведей, дабы продать их в зверинец. Лорна схватилась за голову, утверждая, что стараниями жильцов таверна скоро превратится в приют для безумцев.

— Смени вывеску,— посоветовал Хисс, а Аластор почему-то встревожено нахмурился.

Феруза изобразила кончиком жезла лихо закрученную спираль и торжественно провозгласила на туранском "Да сбудется!", указав на потолочные балки.

Ничего не произошло.

Ши разочарованно присвистнул. Стоявшая рядом с Ферузой Кэрли неожиданно издала загадочный звук, вроде "Эк!", и попятилась, наступая на подол собственного одеяния.

Внутри ограненного камня бледно-розового цвета замерцали искорки. С каждым мгновением их становилось все больше, они окружили аметист ореолом зеленовато-золотистого пламени, начинавшего вытягиваться к потолку. Феруза застыла, приоткрыв рот и держа жезл на отлете. Отступавшая Кэрли окончательно запуталась в платье, врезалась в Ши и сбила его с ног. Они

упали и остались сидеть, пялясь на дрожащий прозрачный язык золотистого огня. Кто-то громко и быстро заикал — кажется, Джай.

— Феруза, пожалуйста, отдай эту штуку,— очень мягко попросил Аластор, одновременно пытаясь разогнуть пальцы туранки, крепко обхватившие жезл. Похоже, она его не слышала, да и вряд ли видела.— Феруза, выпусти его! О, демоны... Прячьтесь!

Последовать совету никто не успел. Бледно сияющий луч взмыл над головами перепуганных людей и растаял, не коснувшись стены. Однако в месте его исчезновения произошло необъяснимое — начиненный запахами готовящихся блюд и дымком от камина воздух таверны сгустился, став похожим на плоский полупрозрачный диск около трех локтей в поперечнике, окрашенный в коричневато-сиреневый цвет. Диск задрожал, его сердцевина беззвучно лопнула изнутри, в точности как рвется пергаментный лист, когда его протыкают ножом или спицей. Края разрыва загнулись наружу, с другой стороны мелькнуло черное, бездонное небо, исчерченное полосами дрожащего света.

Спустя миг разрыв затянулся, а диск развеялся, но за это мгновение, длившееся меньше двух ударов сердца, что-то маленькое и стремительное успело преодолеть границу между миром людей и сферой, где правят духи и демоны.

Феруза затряслась, отшвырнула жезл, точно он жег ей руку, и шарахнулась в сторону, угодив прямиком в объятия Аластора. Райгарх за-

мысловато выругался, попытался вскочить, но вместо этого свалил скамью и грохнулся сам.

Остальные молчали, не в силах осознать, что, собственно, произошло. Сидевшие на полу Кэрли и Ши прижались друг к другу, точно потерявшиеся дети. Джай по-прежнему безостановочно икал.

Первым, как ни странно, пришел в себя Конан. На цыпочках подобрался сзади к Ши и девице, сгреб их за шивороты и оттащил подальше. Диадема, свалившаяся с головы Кэрли, осталась лежать на полу вместе с жезлом, вокруг которого роились еле заметные огоньки.

— Сдохнуть мне на этом месте,— отчетливо проговорила Лорна.— Феруза! Что ты натворила, прах тебя побери?

Туранка не ответила, ибо занималась тем, что жалобно хныкала, уткнувшись в плечо своего приятеля и бессвязно твердила, что хотела только пошутить и понятия не имела, как действует эта штуковина. Аластор гладил ее по растрепавшимся волосам, кивал и повторял: "Все хорошо". Обращаться к ним с вопросами не имело смысла.

— Кажется, оно не опасно,— неуверенно сказал Хисс. Джай справился с икотой, вытащил из ножен широкий кинжал и решительно направился к странному предмету, без видимой опоры болтавшемуся в воздухе примерно на уровне человеческого роста.

Предмет смахивал на пустой бычий желудок, наполненный воздухом. Диаметр он не превы-

шал локтя-полутора, и имел серо-желтоватый окрас, разбавленный зелеными и бурыми бесформенными пятнами. Он висел, слегка покачиваясь и не проявляя намерений напасть. Джай собрался осторожно дотронуться до него кончиком ножа, когда его остановил задумчивый голос Хисса:

— Знаешь, на твоем месте я бы этого не делал. Мы ведь понятия не имеем, что оно такое. Тыкнешь его, он в отместку полгорода разнесет по камешку.

Проныра торопливо убрал клинок, в душе ругая себя за несообразительность, и на всякий случай отошел подальше.

— И что теперь? — случившееся удостоилось редкой чести — изволил заговорить Конан.

— Уберите эту гадость,— потребовала Лорна, не сводившая глаз с Предмета.— Немедленно и как угодно!

— Конечно, моя дорогая,— проворчал Райгарх.— Всю жизнь только и мечтал этим заняться... Малыш!

— Что?

— Найди какую-нибудь палку и пихни эту дрянь! Посмотрим, что будет.

— Мы все умрем,— обнадеживающе высказался с пола Ши и, воспользовавшись случаем, положил руку на упругий задик Кэрли.

В иное время он бы заработал пощечину, но сейчас ошарашенная девица ничего не заметила.

— Я не потреплю, чтобы оно оставалось в моем трактире,— заявила Лорна.

— Вдруг эта штука в самом деле нас прикончит? — тревожно спросил Джай.

— Тогда начнет с Малыша, как с самого бесполезного, — утешил его Райгарх.

Упомянутый Малыш смерил всех ледяным взглядом, ушел на кухню и вернулся с длинной метлой.

Легкое прикосновение деревянной ручки к Предмету вызвало перемещение цветных пятен к месту касания и более ничего. От безнаказанности Конан осмелел и постучал шар по макушке. Пятна рванулись вверх. Толчок снизу — зеленые и бурые кляксы собираются там, вдобавок шар начинает вертеться вокруг своей оси.

— Забавно, — высказался Хисс. — Лорна, может, оставим его тут? Пусть посетители развлекаются.

Тавернщица подняла бровь, решая, шутит Хисс или говорит серьезно.

Конан с величайшей осторожностью начал подталкивать Предмет в сторону входной двери. Тот вращался, переливался всеми оттенками зелени и медленно перемещался.

Кэрли и Ши, смекнув, что шар пролетит над их головами, торопливо освободили путь, отползая на четвереньках к стойке. Встать они до сих пор не рискнули.

До выхода оставалось не больше десяти шагов, когда Конан допустил ошибку — наградил Предмет слишком чувствительным ударом. Среди зеленых пятен зародилось багровое, вытянулось, распалось на две узкие ленты и вдруг

обернулось пастью. Большой пастью, оснащенной набором ровных треугольных зубов самого непривлекательного вида.

Опешивший Конан ткнул в нее метлой, клыки незамедлительно вцепились в дерево и принялись деловито жевать. Брызнули щепки и обломки.

По быстрому размышлению Конан счел, что отступление не всегда является позором и махнул через стойку. Кэрли открыла рот, чтобы заверещать, но не смогла выдать ни звука. Летучий пузырь догрыз палку до середины, презрительно выплюнул и огляделся. Огляделся в самом прямом смысле этого слова. Кроме пасти, он обзавелся глазами — тремя выпуклостями мутно-белого цвета, похожими на крупные виноградины.

— Ой-ей-ей, — пробормотал Ши. — Мамочка моя дорогая, заberi меня отсюда, я больше не буду...

— Никому не двигаться, — свистящим шепотом произнес Аластор, отодвигая еле слышно попискивающую Ферузу себе за спину. — Может, само уберется.

Неведомое создание покидать трактир явно не торопилось. Сорвавшись с места, описало несколько кругов под потолком, по пути перекусив веревку, на которой болталось утыканное свечами тележное колесо.

Люстра обрушилась вниз и раскололась. Лорна зло поджала губы и начала ритмично хлопать себя дубинкой по ладони. Предмет отхватил ку-

сок лестничных перил, попробовал на вкус столешницу, остался недоволен и завис над головой Хисса.

— Убирайся отсюда, — чуть дрогнувшим голосом потребовал тот. Серо-зеленый шар спустился пониже, словно не расслышал. — Сгинь, тебе сказано!

Как всякий уважающий себя обитатель Шади-зара, Хисс таскал с собой нож — отточенное до немыслимой остроты короткое лезвие с необычной поперечной рукоятью, легко прячущееся в ладони.

Теперь он мгновенным движением крест-накрест полоснул воздух перед защелкавшим зубами Предметом.

Шар отпрянул, дав Хиссу возможность нырнуть под стол и выскочить с другой стороны.

Опомнившаяся Феруза схватила со стойки тяжелую глиняную кружку и швырнула в загадочного супостата. Попала. Предмет отлетел на пару шагов, кувырнулся, поймал брошенный в него снаряд и стиснул клыками. Кружка рассыпалась на черепки. Половина из них исчезла в глотке существа — теперь никто не сомневался, что оно живое. Или почти живое. Только куда исчезают сожранные пузырем предметы? Кроме пасти и неместительного желудка он вроде бы ничего не имеет.

За кружкой последовал настоящий град из всего, что попало под руку — клинки, миски, кувшины, подсвечники и большая медная кастрюля, уволоченная с кухни и запущенная лично

Кэрли. К сожалению, вместо цели она поразила голову Райгарха, что отнюдь не способствовало улучшению его настроения. Девушка побледнела и предпочла укрыться под лестницей.

Шаровидное существо металось по зале, увертываясь и перехватывая летящие в него предметы обстановки. Джай взобрался на стойку и с видом заправского полководца командовал сражением, пока буро-зеленый вихрь не пронесся прямо над ним и Проныра не рухнул вниз. Райгарх и Конан удачно опрокинули на зажатый в угол Шар стол, однако тот быстро прогрыз в дереве круглую дыру и выбрался наружу. Лорна с размаху треснула его дубинкой, отправив на другой конец залы. Тварь с чмоканьем врезалась в стену и растеклась тонким слоем буровой жижи.

Обрадоваться победе никто не успел — через миг шар вернулся к прежним очертаниям и, кажется, изрядно разозлился. Из распяленной пасти начали вырываться звуки, нечто среднее между собачьим ворчанием и стрекотом кузнециков. Он затрясся, рванулся вперед, обошел Хисса, метнувшего в него тесак для рубки мяса, проскочил мимо Конана и нацелился на Райгарха, норовя вцепиться в человека своими желтыми клыками. Асир, не долго думая, врезал по супостату оторванным сиденьем табурета.

Кувыркающееся и злобно трещащее Нечто стрелой пронеслось через помещение, угодив точно в оконный проем, выбило затягивающую раму слюду и вывалилось наружу. Таверница и

Райгарх наперегонки бросились к окну, выглянули, но в ночной темноте разглядели только смутные очертания удаляющегося Предмета. Он промелькнул над двором, едва не зацепив фонтан, преодолел стену и сгинул в глубинах квартала.

— Ох,— Лорна перевела дыхание и немедленно возопила: — Что ты творишь, негодяй?!

Пока компания выпроваживала незваного гостя, Ши наведася в кухню и приволок оттуда страховидные железные щипцы с длинными ручками, которыми шуруют в печной топке. Бесцеремонно подхватив ими золотой жезл — вокруг него опять зарождалось облако желтоватых искр — он устремился к неприметной двери черного хода. Пинком отбросил створку, выбежал на задворки птичника, суетливо огляделся и, не колеблясь, швырнул жезл вместе со щипцами в стоявшую нараспашку дверь щелястой деревянной будки.

Раздалось смачное "бульк". Таинственная находка канула в недра выгребной ямы.

— Там глубоко? — испуганным шепотом осведомилась Феруза.

— Лично мне измерять не доводилось,— огрызнулась Лорна и, ткнув кулаки в бока, требовательно воззрилась на Ши: — Зачем? На кой ляд ты это сделал?

— Э-э... — более подходящего ответа в голову не приходило. Положение спас Джейвар, заявив:

— Туда ему и дорога. Пойдемте-ка лучше выпьем.

С этим предложением согласились все.

"Нора" напоминала поле боя или хорошей драки.

Повсюду валялись перевернутые столы, обломки скамей, под ногами хрустели черепки от разбитой посуды.

Таверница только сокрушенно покачала головой, глядя на учиненный ее постояльцами разгром.

— Мы заплатим,— буркнул Джай, посылая Ферузе убийственный взгляд. Туранка съежилась, укрывшись за спиной Аластора.— И прибедемся.

Лорна ничего не ответила, но кивнула в знак того, что слышала и запомнила.

Взгляд в прошлое: Смотритель храма

То, что приземистое здание из серого с золотыми прожилками камня под горбатым куполом является святилищем, любому становилось понятно с первого взгляда.

В приличных кварталах земля стоит изрядных денег и домовладельцы предпочитают возводить дома стена к стене, чем плотнее, тем лучше.

Это сооружение стояло отдельно от своих соседей и могло похвастаться десятком высаженных вокруг чахлах кипарисов.

Пузатенькие колонны подпирали треугольный фронтон без всяких украшений и надписей,

над входом покачивались два зажженных четырехгранных фонаря: слева с зелеными стеклами, справа с оранжевыми. К дверям вели три широкие ступеньки, толстые створки из орехового дерева обшиты полосками давно нечищенной меди, ручки похожи на птичьи лапы, сжимающие кольца.

Джай потоптался на пороге, кинул через плечо взгляд на подопечного.

Тот озирался вокруг с обычным невозмутимым видом. Тоже мне, ходячее воплощение варварского хладнокровия. Когда вчера ночью удирал от сторожей, наверняка перетрусил до дрожи в коленках!

"Как же, держи карман шире,— Джейвар Проньра в очередной раз мрачно позавидовал воспитаннику, навязанному ему отчасти против воли, но пока не особо разочаровавшего наставника.— В миг, когда он хоть немного испугается, я уже давно отдам концы от ужаса. Скорее всего, я не доживу до этого счастливого мгновения. Ненавижу варваров".

Он перешагнул невысокий каменный порог. Удушающе жаркий вечер остался позади, внутри храма царила благословенная прохлада и мерцали разноцветные огоньки. Конан вошел следом, вопросительно покосился по сторонам. Джай не сказал ему, куда они собираются, а излишнее любопытство не входило в число его привычек. Придем — увидим.

— Мы в гостях,— полушепотом начал Джейвар и невольно хмыкнул, вспомнив, как лет де-

сять — или двенадцать? — назад его собственный учитель и воспитатель, стоя на этом самом месте, говорил ему почти такие же слова. Он тогда с любопытством глазел вокруг, краем уха прислушиваясь к голосу мастера. Правы люди: история повторяется, следуя по кругу.— В гостях у нашего общего покровителя. Я собираюсь представить тебя ему. Не уверен, что это поможет или вообще будет иметь какое-то значение в твое судьбе, но коли ты стал одним из нас, все должно идти, как полагается. Традиции — дело святое.

Ученик, свинья неблагодарная, снисходительно кивнул, показывая, что слушает. Удобно ему, верзиле, изображать снисходительность, пялясь на всех сверху вниз! Куда только катится мир, никакого почтения к старшим...

Святилище, даже на непритязательный взгляд Конана, выглядело слишком просто и отчасти запущено.

Длинный зал с узкими окнами под потолком, ряды толстых, нарочито грубоватых колонн, между которыми на потускневших цепочках болтаются фонарики совершенно легкомысленного вида. На праздниках такие вывешивают в садах возле богатых домов.

В дальнем конце виднеется нечто вроде алтарной плиты, возле нее горят самые обычные факелы.

— А почему нет никаких служителей? — спросил он, усвоив, что в любом храме тебя в первую очередь окружает толпа разодетых в пух

и прах дармоедов, кланчащих милостыню или всучивающих какую-нибудь ритуальную ерунду.

— Потому что это место Бела, — с некоторой торжественностью в голосе ответил Джай. — И потому что все мы, кто... э-э... предпочитает зарабатывать на жизнь за счет богатеньких и доверчивых раззяв, в сущности являемся его служителями. Вообще-то сюда должен иногда заглядывать человек, подметать пол, менять свечи и приглядывать за порядком.

— Похоже, в последний раз он наведывался не меньше полугода назад, — справедливо заметил Конан, указывая взглядом на толстый слой пыли и паутину, натянутую возле капителей колонн. Проныра не ответил, а целеустремленно зашагал вперед.

Алтарь тоже весьма скромный: обтесанная глыба зеленоватого мрамора высотой в три-четыре локтя. Вокруг нее в беспорядке расставлены всевозможные блюда, тарелки и чаши — от глиняных до хрустальных. В чашах и на полу лежат монеты, по большей части медные, но кое-где поблескивают серебряные и золотые, чеканки всех известных стран и городов. Словно прошел денежный дождь. Место подношений отделено от визитеров полосой мелких красных камешков, очерчивающей полукруг от одного угла храма до другого.

В стену за алтарем вделана плита из бледно-розового с коричневыми жилками песчаника. Она выглядела самой примечательной деталью обстановки. Довольно большая, в размах челове-

ческих рук, и явно древняя. Когда-то на ней вырубили барельеф, но время уничтожило почти всю работу скульптора. Впрочем, ежели приглядеться внимательнее, заметишь смутные очертания полулежащей фигуры с рукой, вскинутой в очень знакомом жесте... Ну конечно, сколько веков минуло, но посейчас любой из живущих поднимает кубок точно таким движением. Часть кубка уцелела — выступающая округлость со следами резьбы и наполовину отбитой фигурной ручкой.

Джейвар быстро почесал в затылке, вспоминая завершение своеобразной молитвы — представления новичка. Не вспомнив, положился на собственную выдумку:

— В общем, это храм Бела, бога Ночного Братства. В него можно верить, можно не верить... Лично я предпочитаю думать, что там, в высоких небесах, обитает некто, присматривающий за нашими делишками и не позволяющий нам пропасть задаром. Думаю, что большинство наших тоже на это надеются, хотя вслух твердят, что чихали они на любых богов купно, раздельно и поочередно. Разок я нарочно решил проверить: засел в укромном местечке неподалеку и что ты думаешь — за вечер и ночь здесь перебивали самые рьяные крикуны!

Ученичок беззвучно хмыкнул. Этот странный парень, явившийся с Полуночи, как иногда казалось Джаю Проныре, совершенно не умел радоваться жизни. Или запрещал себе проявление любых человеческих слабостей. Ихние варварс-

кие обычаи нормальному человеку понять невозможно.

— Так вот,— Джейвар покопался в поясе, выудил пару серебряных монет,— чтобы наверху знали, что в благословенной и вонючей дыре под названием Шадизар отныне обитает столь жуткое чудовище, как ты, найди-ка денежку, что досталась тебе после вчерашней ночной прогулки, и брось ее во-он туда. Все равно куда попадешь — на пол или в вазу.

— Что-нибудь произойдет? — воспитанник явил легкую заинтересованность.

— Откуда мне знать? — чуть раздраженно ответил Джай.

Ему совсем не хотелось признаваться в том, что, приходя в храм, он всякий раз втайне ожидал этого "чего-нибудь".

Знака какого, что ли. Видения. Предсказания. Ну хотя бы намек на то, что его, Проныру, в ближайшем будущем ожидает блистательный успех и жирный куш!

Монета пролетела серебристой рыбкой и с тихим шелестом канула в горку своих подружек. Даже здесь подопечный не смог обойтись без доказательства своей ловкости и хорошего глазомера. Выбрал самую дальнюю чашу и попал блестящим кругляшом точно в вершину металлического холмика.

Сам Джейвар поступил проще — кинул монетки к подножию алтаря. Они четко и коротко звякнули о мрамор.

— А теперь?

— Теперь можно уходить,— Джай потихоньку попятился к дверям. У него никогда не хватало решимости повернуться к алтарю спиной.

— Странный бог этот ваш Бел,— заметил мальчишка-варвар, разглядывавший старую плиту с барельефом.— Храм у него какой-то... заброшенный. Ему что, все равно, поклоняются ему или нет?

— Кое-кто утверждает, будто для него даже не имеет значения, строят ли люди святилища в его честь,— Проныра досадливо дернул плечом.— Якобы ему достаточно того, что смертные от начала времен залезают в чужие кошельки и всегда не прочь обвести ближнего своего вокруг пальца. А храм этот — самый древний в городе. Его построили лет семьсот или восемьсот назад. Тогда и Шадизара-то не было — так, деревушка.

— Собственно, этому зданию ровно пятьсот восемьдесят два года,— прозвучавший в тишине голос заставил обеих посетителей резко развернуться, шаря взглядами по сторонам в поисках его владельца.— Оно возведено на месте другого храма, который, в свою очередь, проторчал тут ровно триста с небольшим годков и сгорел во время весьма бурной церемонии, посвященной празднованию Кражи Столетия. Это случилось в 335 году от основания Аквилонии, когда шайка Тихони Себека и Ульвы Колдуньи обчистила казну тогдашнего императора Турана. Они умудрились обмануть погоню, привезти золото сюда, в Замору, и потратили его на укрепление строящегося Шадизара. Впрочем, на этом месте всегда

располагалось чье-то святилище. Сколько лет плите и кто ее изготовил, сказать не берусь. Ее доставили откуда-то с Полуденного Побережья, что называется, в незапамятные времена.

Знаток истории городских достопримечательностей вышел из полутьмы в полосу света, отбрасываемую факелами. Небрежно привалился к колонне, сунув руки за широкий пояс и с еле заметной полуулыбкой на узких губах созерцая вытаращившихся на него Джая и его спутника. Если ему требовалось броское появление, он мог считать, что преуспел.

Подпиравший гранитный столб субъект точно не относился к заурядным личностям. Предки молодого человека наверняка были выходцами из Шема, однако в потомке причудливо смешалось столько кровей, что вопрос о его национальной принадлежности становился неразрешимей тянувшегося десятилетия спора о том, кто владеет Коринфийской провинцией — Немедия, Замора или все-таки Туран?

На вид незнакомцу исполнилось лет двадцать пять или побольше.

Ростом он чуть уступал долговязому варвару, сложением напоминая не тяжеловеса вроде Райгарха, а гибкого зверя из породы кошачьих.

Смуглая кожа, кажущаяся еще темнее из-за ослепительно-белой рубашки с открытым воротником.

Иссиня-черные, цвета лепестков гиацинта, вьющиеся волосы. Горбатый нос, один к одному похожий на клюв хищной птицы, и широко по-

ставленные глаза цвета самой редкой разновидности траурного агата — в которых зрачок сливается с радужкой.

Одевался сей красавчик также, как большинство промышляющих ночным ремеслом горожан, но, с завистью подметил Джай, в наилучшее и дорогое, предпочитая черные и белые цвета. Из оружия он таскал длинный узкий стилет, украшенный на гарде желтым топазом. Как заподозрил Проныра, прочие неприятные колюще-режущие сюрпризы таились либо за отворотами сапог, либо под широкими рукавами.

Насладившись произведенным впечатлением, черноволосый осведомился:

— Вы уже уходите? Я только-только собирался запереть дверь, когда услышал, что тут кто-то есть.

— Запереть? — удивленно переспросил Джейвар, с неудовольствием обнаружив, что в горле почему-то пересохло.

Двери храмов Бела никогда не закрывались — ни днем, ни ночью. В святилищах не прятали ничего, что стоило украсть.

Пожертвованные деньги порой тоже исчезали — вору, находящемуся в сильной нужде или влипшему в крупные долги, разрешалось их позаимствовать. Разумеется, с условием непрямого возврата. Самоуверенные нахалы, пытавшиеся обойти этот неписанный закон, на свете долго не задерживались.

— С какой радости? Ты вообще кто такой будешь?

— В силу некоторых обязательств и неосмотрительно данных клятв я как бы смотритель сего уютного местечка, — ехидно отозвался незнакомец. — И отныне закрываю его на ночь от всяких проходимцев. Хотя поздно закрывать конюшню, когда лошадь свели, — в бархатистом голосе мелькнуло нечто вроде угрозы.

— А что случилось? — миролюбиво уточнил помалкивавший до того подопечный Джая.

Хранитель святилища несколько мгновений изучал его пристальным взглядом, затем повел рукой, очерчивая круг, и с нарочитым надрывом спросил:

— Взгляните вокруг и скажите, что вы видите? Точнее, чего не видите?

Тут до Джейвара внезапно дошло, что не дает ему покоя с того мига, как они вошли в храм. Какой привычной вещи не хватает. Вещи, которой полагалось мирно лежать на верхней грани зеленоватого мраморного алтаря.

— Отмычки! — рявкнул он. — Сперли? Какая сволочь? Зачем? Любому дураку известно — они не настоящие! Что теперь будет?

— Я тоже хотел бы это знать, — огорченно кивнул смотритель. — Видимо, кто-то побился об заклад, иначе не представляю, кому могли понадобиться несколько кусков старого железа. И все же я запру двери. Кстати, вас не затруднит шепнуть при случае друзьями и знакомым — храм на Кривоколенной улице квартала Менджи будет замкнут по ночам, пока неизвестные шутники не потрудятся вернуть взятое?

— Не затруднит, — Джая редко сердился, но тут взбесился по-настоящему.

Даже в Шадизаре должно оставаться что-то святое, и этим святым всегда считались хранившиеся на алтаре старейшего в городе храма Бела Священные Отмычки — связка покрытых толстым слоем охристой ржавчины железяк причудливой формы, считавшихся неофициальным гербом города.

У каждого божества, как известно, имеются посвященные ему животные или предметы, являющиеся знаками его воплощения. Скажем, у Митры — рыжие кони и изображения солнечного диска, у Сета — кобра и черный коршун, у Иштар — голуби и жемчуг...

Белу, божеству грабителей, в качестве амулета как нельзя лучше подходил инструмент его поклонников, сиречь отмычки.

Их изображения, выполненные из дерева, золота, бронзы или железа, украшали каждое святилище.

Их дарили в благодарность за удачно завершенное дело или перед началом такового, порой в храмах скапливались тысячи подношений самого разнообразного вида.

Поскольку никто доподлинно не знал, как они должны выглядеть и сколько их (в легендах число Отмычек колебалось от пяти до пятнадцати), облик талисмана полностью зависел от фантазии мастеров и заказчиков.

И у какого-то мерзавца, лишенного даже капли уважения к традициям, поднимается рука на

символ города, вещь, хранившуюся здесь не одно столетие!

Джейвар растолковывал историю похищенных Отмычек ученику, пока они шли к выходу и помогали молодому хранителю закрыть двери святилища на тяжеленный, цельнокованный из длинного медного бруса засов. Оба его конца утапливались в специально проделанные в стенах щели и накрепко удерживались там хитроумно сооруженными замками. Без ключей и знания некоторых секретов храм становился неприступной крепостью.

— Может, это научит их немного соображать,— злобно сказал незнакомец, стукнув кулаком по намертво перекрытым створкам.— Кстати, в благодарность за труды... Тут неподалеку есть одно славное заведение, его владелец — мой приятель, и оно должно вот-вот открыться. Я угощаю.

* * *

Маленький постоянный двор в укромном переулке в самом деле оказался вполне приличным — тихим, чистым и немногочисленным.

Для хранителя здесь держали отдельный столик, отодвинутый в дальний угол и отгороженный легкой деревянной перегородкой. Как требовали местные правила приличия, после первой кружки назвались — сначала гости, потом пригласивший.

— Джейвар, Джай Проныра. Это — Малыш. Он в Шадизаре совсем недавно, пока не заслу-

жил ни приличного прозвища, ни имени. Он откуда-то с Полуночи.

— Думаю, у него еще все впереди,— черноволосый качнул головой, точно соглашаясь со своими мыслями, и с коротким смешком представился: — Я Альс, полностью — Аластор. Знаю-знаю, у моих родителей были нелады с юмором. Их можно понять: я появился на свет не то, чтобы совсем неожиданно, но крайне невовремя. Потому они и подобрали мне такое имечко — Дурной Глаз.

В какой-то степени оно соответствовало истине. Вблизи замечалось, что красавчик Аластор слегка косит. Этот физический недостаток считался одним из непреложных признаков обладания "дурным глазом", приносящим несчастья не только окружающим, но и самому владельцу.

Однако Джай, узнав, как зовут их нынешнего собеседника, поперхнулся слюной и закашлялся.

— Что-о? Ты — Аластор? Тот самый?

— Тот самый, который что? — безмятежно уточнил смотритель храма, разливая вино.

— Пять лет назад — казна немедийской управы по земельным и рудным делам в Барнетте. В конце того же года — оружейная сокровищница загородного королевского замка возле Керста,— с плохо скрываемым восхищением начал перечислять Джейвар.

Конан удивленно глянул на наставника. Насколько он понял, нужно изрядно постараться, чтобы обитатели Города Мошенников начали

испытывать к тебе уважение и знать твои сомнительные достижения наперечет.— Спусти два года — прогулка по офирским торговым домам от Ианты до Хорины. Нынешняя зима — дело в Аграпуре...

— Не слишком удачное, по правде говоря,— Аластор невозмутимо пригубил из своей кружки.— Много ненужного шума и беготни. Надо отдать должное тамошней страже — меня едва не сцапали на границе Турана и Заморы. Что ж, полезно иногда возвращаться домой, узнаешь о себе много любопытного. Время потрачено не зря, мне удалось чего-то добиться.

— Тебя называют лучшим,— осторожно заметил Пронрыра, все еще не веря, с кем свела его судьба, и уточнил: — Лучшим за последние пять или, может, шесть лет.

— Лучшим и непревзойденным мастером минувшего десятилетия, начиная от года Красного Быка, остается покойный Бисенмейя Корноухий,— твердо возразил Аластор.— О том, что удавалось ему, я могу пока только мечтать. Утешает одно — такие подвиги не по силам и всем прочим. Что нового случилось в нашем тишайшем захолустье? Я вернулся всего луну назад и не особенно прислушивался, о чем шепчутся по углам.

Сплетничать и обмениваться слухами в Шадизаре любили все и каждый, а потому компания из трех человек засиделась почти до полуночи. Потом Аластор сослался на назначенную встречу и ушел.

Джай с сожалением посмотрел ему вслед и преувеличенно тяжело вздохнул:

— Конан, мы узрели живую легенду. Мне так его и описывали — редкостный воображала, но знающий себе цену и настоящий кудесник в том, что касается замков. Поразительно, отчего на перекрестках не треплются о том, когда он вернулся и что намеревается делать. Впрочем, он всегда держится в одиночку и его планы известны только ему. Чует мое сердце, скоро поднимется жуткий вой — каждый мало-мальски серьезный тип пожелает залучить это сокровище под свое крылышко. А мы, как всегда, останемся ни с чем.

— Почему?

— Посмотри правде в глаза, Малыш,— Пронрыра трагично потряс в воздухе полной кружкой, умудрившись не пролить ни капли.— Что мы из себя представляем? Шайку более-менее процветающих неудачников. Нас не трогают, ибо мы ни с кем не ссоримся и не суетимся в чужие дела. И еще потому, что старина Джай из шкуры вон лезет, пытаясь сохранить это положение дел, а вы ему всячески мешаете. Не-ет, такому человеку, как Аластор, у нас делать нечего.

— Однако ты сказал ему, где нас можно найти,— напомнил ученик.

— Что с того? Помяни мое слово — он забыл о нас, как только вышел отсюда... Но хотелось бы знать, у какого мерзавца хватило ума свистнуть старые бедные Отмычки? Они наверняка рассыпались у него в руках, так проржавели.

Джай Проныра ошибся. Аластор вскоре заглянул в "Уютную нору" — отдать дань вежливости и поболтать.

По несчастливой — или счастливой, смотря как посмотреть — случайности в этот день там сидела гадалка Феруза.

Вскоре Джейвар и его приятели с горечью убедились: легендам тоже свойственны слабости.

Аластор решил, что мир вращается вокруг госпожи иси-Мансур-ат-Джебеларик из Турана, и сделал очевидный вывод — он должен находиться там, где живет она. О своем решении он вежливо и доходчиво сообщил Ферузе. Та, несколько растерявшись, кинулась за советом к Лорне и Кэрли.

— Хватай за шкурку и держи крепче, пока не опомнись и не сбежал, — заявила практичная Кэрли и грустно подумала: — Несправедливо! Почему она, а не я?

— Или построю ему будку во дворе, или выкину вас обоих, — пригрозила хозяйка таверны. — Мне надоело, что ты витаешь в облаках, а этот тип околачивается под дверями и ноет: "Где Феруза, да где Феруза?"

— Но... — туранка выглядела донельзя смущенной. — Не могу же я сказать ему, чтобы он уходил! Я... Лорна, что мне делать?

Лорна закатила глаза, разразилась долгой (и наверняка неприличной) речью на бритунском, закончив насквозь деловым предложением:

— Коли жить без тебя не может, пусть перебирается сюда, и весь сказ. Такой человек вам

пригодится. Заодно присмотришься и сообразишь, нужно тебе эдакое добро или нет.

— Если нет, я постараюсь его утешить, — междо пропела Кэрли.

Ради общества Ферузы Аластор соглашался на все. Даже на смешки за спиной и грубоватое утверждение невоспитанного Райгарха: "Нет дурака хуже, чем втюрившийся дурак".

Аластор не скрывал, что считает рыженькую туранку лучшим, что может породить этот город и эта страна, но не требовал от девушки большего, чем она могла дать.

Боги наделили его неиссякаемым запасом терпения — он спокойно ждал, не навязываясь и не пытаясь добыть желаемого силой. Когда и если Феруза примет решение, он узнает об этом первым.

По мнению жившей в "Норе" компании, гадалке, угодившей в настоящую тихую осаду, давно следовало сдаться.

Однако она тянула, не спеша с ответом.

Как-то само собой, без обсуждений и долгих споров, вышло, что Аластору досталось второе место после Джая.

Все признавали, что он умнее, сообразительнее и опытнее их сообщества, и вполне заслуживает места вожака. Сам взломщик утверждал, что ненавидит принимать решения и командовать, а посему вполне удовольствуется скромной ролью советника.

Такая точка зрения не имела ничего общего с шадизарскими порядками, ибо каждый стремил-

ся занять местечко повыше, однако Аластор всегда поступал только в согласии с собственными воззрениями. Таким уж он уродился на свет и не собирался меняться.

В общем, тип по имени Дурной Глаз относился к небольшому числу тех редко встречающихся людей, которым, как гласила местная поговорка, "удобно в их собственной шкуре".

Глава 3. Утренние заботы

Кэрли лежала, прислушиваясь к разудалым выкрикам с заднего двора, и копила злость. Когда накопится достаточно, она встанет, отыщет двух мерзавцев — Ши и наверняка помогавшего ему Аластора — и выскажет им все, что о них думает. Бабушка Кэрли по материнской линии родилась в Асгалуне, и внучке (подлинное имя которой звучало как Кэтерлин-Нирена Бар-Азарак) передалось ее несравненное умение затевать скандалы, после которых противник долго не мог очухаться.

Ши, по мнению Кэрли, вполне заслуживал небольшой взбучки.

Только ему мог придти в голову столь пакостный замысел: прокрасться ночью в комнату бедной девушки, растянуть над кроватью простыню и заорать прямо в ухо: "Кэрли, пожар! Потолок рушится! Беги!"

Распахнув глаза, она увидела серое полотнище, медленно опускающееся прямо на нее. Спро-

сонья Кэрли приняла его за обвалившиеся балки, и заголосила, призывая на помощь.

Ответом ей послужил дружный хохот, шлепающие убегающих ног и стук захлопнувшейся двери. Убедившись, что это обычная ткань, Кэрли начала выпутываться из складок, проклиная все на свете.

Именно в этот момент ворвались услышавшие ее крик Феруза и Джай. Туранка, поняв, что имел место очередной розыгрыш, откровенно расхохоталась и ушла.

Лицемер Джай пообещал, что непременно отыщет виновных и поинтересовался, не нужно ли пострадавшей сторож на эту ночь, дабы происшествие не повторилось. Кэрли без малейшего сожаления выставила Проныру за дверь, а дверь подперла сундуком.

Заснула она с трудом. Сначала долго прислушивалась к малейшему скрипу в коридоре и на лестницах, попутно размышляя о судьбе таинственного золотого жезла, два дня назад похороненного в нужнике. Джай и Конан затруднялись даже представить, что такое они могли прихватить в доме городского советника Намира по прозвищу Гнус. Вещица, уложенная в бархатный футляр, хранилась вместе с остальными безделушками.

Проныра счел ее вполне привлекательной, чтобы забрать, сунул в мешок, остальное компания видела сама. Феруза несмело предположила, что жезл мог оказаться пресловутой "волшебной палочкой" или предметом какого-либо культа.

Это вызвало сдержанное отвращение Конана — по неведомым причинам он недолюбливал магию и все, с ней связанное.

Сошлись во мнении, что Ши поступил верно. Таверница Лорна покривила губы, сказав, что лучше бы жезл бросили в огонь, но, поскольку извлечь его невозможно, пусть остается там, где есть.

Зевая, Кэрли неохотно выбралась из-под покрывала и поковыляла к умывальному тазу. Умылась, попутно напомнив себе, что надо будет нажаловаться Лорне — слуги опять лениятся менять воду по утрам.

Протянула руку к щетке для волос... и нахмурилась, заметив подозрительный выступ на резной спинке кровати, которого еще вчера не существовало. Опять чьи-то шуточки?

Не долго думая, девушка запустила в неведомо откуда взявшуюся завитушку расческой. Та издала короткий недовольный звук, сорвалась с места и, враскорячку пробежав по одеялу, запрыгнула на подоконник. Конечно, Мириана. Кто же еще? Влезла через открытое окно и устроилась ночевать.

Мириана принадлежала Райгарху.

Это была ящерица — здоровенная нахальная тварь длиной в пять или шесть ладоней. В Туране ее сородичей именуют *ксилу*. Они обитают в пустынях, охотятся на мелких зверьков и довольно непривлекательны на вид: в каких-то выростах, складках, морщинах, да еще с маленькими рожками на чрезвычайно самодовольной

морде. Однако Райгарх полагал свою любимицу редкостной милашкой.

К сожалению, за время жизни с асиром Мириана обзавелась уймой дурных привычек содержанки — вороватостью, склонностью к подхалимству и невоздержанностью в еде и питье.

Красть она предпочитала мелкие блестящие вещицы, которые изобретательно прятала. Пищу и выпивку с милой бесцеремонностью заимствовала из тарелок постояльцев. Райгарха это забавляло, прочих раздражало. Хисс проникся к ящерице лютой ненавистью — после того, как она разбила и вылакала купленную им втридорога бутылку редкого вина — и вынашивал планы ее убийства.

Худшим из качеств Мирианы являлась способность быстро менять цвет в зависимости от окружающей местности. Стоило ей неподвижно посидеть на столе или стене — и ее не отличишь от досок или камня.

Последняя выходка Мирианы едва не привела к тому, что трактир лишился старшего повара. В поисках тени ксилу забралась в кладовку, где хранились колбасы и другие копчености, уцепилась за свободный крюк и задремала. Почтенный Гикол, явившись за припасами к ужину, снял ее оттуда и бросил в общую корзину, пребывая в полной уверенности, что имеет дело с безобидным окороком. Очутившись на разделочной доске, ящерица внезапно проявила любовь к жизни, вернулась к истинному обличью и дала деру.

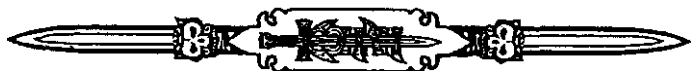

Гикол клялся, что треклятая зверюга нарочно ждала, пока над ей не занесут нож и только тогда пошевелилась. Ужин в тот вечер подали после наступления темноты, ибо Лорне пришлось уговаривать разгневанного кухаря не бросать "Нору" и заверять, что подобного впредь не повторится. Райгарх в течение двух последующих дней вел себя на удивление тихо, а ксилу где-то пряталась.

— Кыш отсюда! — Кэрли замахнулась на чешуйчатое создание подушкой. Мириана прошипела нечто оскорбительное и гордо удалилась вверх по стене. Девушка выглянула в окно, подтащила поближе табурет и уселась совмещать приятное с полезным — взирать на бесплатное представление и причесываться.

Обычно на задних дворах принято разбивать огороды, строить загоны для животных или сараи для лишнего имущества. Лорна поступила в согласии со своим разумением и наперекор традициям. Невысокий каменный забор разделял двор на два участка — побольше и поменьше. Тот, что поменьше, расчистили и засыпали мелким песком. В углу возвели диковинного вида постройку из тонких брусьев, канатов и перекладин. Жильцы "Норы" частенько имели отношение к военному делу, вот бритунийка и решила создать для них место, где можно размяться и позвенеть оружием без помех и лишних глаз.

Другую часть двора занимал крохотный садик — узкие дорожки, ровно подстриженные кусты акаций, неизменный туранский жасмин и ред-

кий в Заморе белый шиповник. Лорна потратила кучу денег, чтобы ей привезли несколько кустов аж из самой Аквилонии. Посреди рощицы виднелся легкий полосатый навес, под ним стояли вкопанные в землю стол и скамейки из бамбуковых стволов. Здесь велись переговоры, обсуждались дела и заключались сделки. Небольшой круг людей также знал, что в глубине сада прячется беседка из лиан, а в ней находится низкая и очень удобная кушетка с одним большим недостатком — она скрипела. Мужская часть постояльцев время от времени меняла разболтавшиеся пружины и чинила порванную обивку. Ши заверял, что кушетка служит отличным способом проверить, есть ли у вашей подруги чувство юмора. Если засмеется, слыша ритмичный скрип, значит, с ней можно иметь дело. Если нет — подыскивайте другую.

С утра сад пустовал, зато на песчаной площадке жизнь была ключом. Сооружение, прозванное Аластором "Костоломкой", облюбовали Хисс и Джай, но вместо того, чтобы подтягиваться, они глазели на Райгарха и Конана. Хисс заметил торчавшую в окне комнаты девушку, махнул ей рукой, указав на парочку варваров.

Кэрли не разбиралась в воинских искусствах, однако, как всякая жительница Шадизара, знала многое о приемах уличных потасовок и том, как отвадить чересчур назойливого ухажера. Насколько она понимала, Райгарх патаскивал Конана на владение именно этими уловками, вполне заслуживавшими наименования "грязных". Вдо-

бавок асир считал необходимым сопровождать занятия потоком разнообразных указаний, перемежаемых с прямыми оскорблениями. Кэрли вначале решила, что так и полагается, но позже догадалась: столь странным образом Райгарх пытался отучить Конана от вспыльчивости и привычки по любому поводу кидаться в драку. Тот порой слишком болезненно воспринимал любые шутки и высказывания в свой адрес.

Две луны относительно спокойной жизни сделали диковатого мальчишку-варвара отчасти похожим на человека. Кэрли с сожалением размышляла, что Малыш мог бы обращать побольше внимания на тех, кто живет рядом с ним, и старалась почаще попадаться ему на дороге. Хисс, заметив ее поползновения, безжалостно высмеял приятельницу, заявив, будто Малыш по причине крайней молодости и совершенно иного воспитания вряд ли понимает ее намеки. Потом добавил:

— Никак не могу определить, о чем он думает. Он впитывает все, что видит и слышит вокруг, точно сухой песок — воду, но попробуй-ка догадайся, что творится в этой лохматой черепашке!

Кэрли поневоле пришлось согласиться. Конан успешно осваивал местное наречие (этим занимались Феруза, Джай и иногда Аластор), вроде бы завел дружбу с Ши, питал уважение к Райгарху и почему-то к Лорне, но оставался такой же загадкой, как в первый день своего появления. Феруза вынала, что до прихода в Шадизар

Конан побывал в Халогe, столице далекой полуночной страны Гипербореи, и вынес оттуда не самые лучшие воспоминания. Он никогда не говорил, почему решил покинуть родину, куда направляется и что пережил по пути. Райгарх предположил, что в Халогe его ученик угодил то ли в рабы, то ли в гладиаторы поневоле, и лучше умрет, чем скажет словечко о прошлом.

Компания не настаивала — здесь, в Шадизаре, расспросы не приветствовались. Ты то, что ты есть, что о тебе думают и на что ты способен. Этот город и его люди живут нынешним днем, а не вчерашним и не завтрашним. Конан стал одним из них, все остальное не имеет значения.

— Шевелись! Моя бабушка, когда ей стукнул девятый десяток, и то скакала резвее! Да двигайся, не стой на месте! Вот напасть на мою голову... Кувырок! Разворот налево! Налево, я сказал, нечего щелкать клювом! Ты лево от право отличаешь? Пошел!..

Задумавшаяся Кэрли вздрогнула. Голос Райгарха обладал способностью разбивать вдребезги любые мечтания. Асир безостановочно гонял Конана по площадке, тот увертывался, совершая порой, по мнению зрительницы, настоящие чудеса проворства и гибкости. Ей нравилось смотреть, как движется Конан — стремительно и непредсказуемо. Звери в лесу, наверное, так ходят. Кэрли не доводилось побывать в настоящих чащобах (она надеялась, что никогда не доведется, что там интересного?), диких животных она видела только за решеткой зверинца, но, если ве-

рить рассказам... А Малыш красивый. Вернее, не столько красивый, сколько необычный. Аластор, вот кто действительно красив и сам это отлично знает. Малыш, похоже, даже не догадывается. Какие у него глаза, Кэрли ни у кого не встречала похожих — яркого светло-голубого цвета... Станный парень. Очень странный. Шкатулка с секретным замком. Пожалуй, хорошо, что Феруза привела его сюда и настояла, чтобы ему разрешили остаться.

Во дворе ничего не изменилось. Преимуществом по-прежнему владел Райгарх, старательно изображавший, будто поддается. Конан немедля атаковал, был отброшен, упрямо повторил попытку и вновь улетел шагов на пять, пробороzdив песок. Джай, сидевший верхом на перекладине, азартно засвистел. Асир на миг оглянулся. Это его и сгубило.

Девушка даже рот открыла и выронила щетку. Она не подозревала, что можно вскочить, прыгнуть и нанести удар — за время, достаточное для одного толчка сердца. Конан бил ногами, и, приземляясь, потерял равновесие. В другое время он здорово поплатился бы за такую ошибку, но не сегодня.

Райгарха швырнуло в точности на Костоломку, Джейвар и Хисс еле успели спрыгнуть и отскочить в сторону. Асир с размаху врезался спиной в опорный столб — тот заметно качнулся — мешком съехал вниз и остался сидеть, ошеломленно мотая головой. Конан осторожно приблизился к нему, готовый в любой миг ретировать-

ся, если окажется, что наставник подготовил ему ловушку.

— На сегодня достаточно,— просипел Райгарх.— Можешь идти. Давай, проваливай.

Конан озадаченно глянул на наставника, кивнул, развернулся и ушел. Джай и Хисс присели возле вышибалы и попытались его поднять. Разумеется, у них ничего не вышло — Райгарх весил больше, чем они оба, вместе взятые.

Забеспокоившись, Кэрли высунулась в окно и крикнула:

— Эй, что там?

— Ребра целы, зато самолюбие истекает кровью,— задрал голову, ответил Проныра.— Видела, как Малыш его? Хорош ударчик, правда?

— Варвары,— буркнула девушка.— Угробят когда-нибудь друг друга со своими дикарскими забавами.

Она торопливо оделась и побежала вниз. Завтрак и свежие новости — вот с чего начинается день в Шадизаре любой уважающий себя человек.

* * *

Несмотря на ранний час, в нижнем зале околачивались личности из числа постоянных гостей трактира.

Кэрли помахала знакомым и прошла в дальний, самый прохладный угол, облюбованный постояльцами "Норы".

Она рассчитывала застать там Малыша, и не ошиблась: он сидел в компании Аластора. Конан,

как и подождено всякому нормальному человеку, закусывал. Аластор, напустив на себя меланхоличный вид, бренчал на потрепанной виоле — под настроение он сочинял забавные песенки про Шадизар и его обитателей.

Ши неустанно подбивал приятеля сложить возвышенную балладу для Ферузы, Аластор отнекивался, утверждая, что его скромных способностей едва хватает на простенькие куплеты.

— Врешь ты все,— не верил оправданиям Ши.— Скажи лучше, почему стал не менестрелем, а взломщиком?

— Выгоднее,— хмыкал Аластор.— Нынче миром правит не слово, а золото.

Кэрли уселась, кивнула Конану и прислушалась к тихому мурлыканью:

По дороге, что как лента
Вьется меж холмов и гор,
Шли раз четверо поэтов —
Воин, маг, священник, вор.
Долог путь, изгибов много,
Что за каждым ждет всех нас?
Знаем лишь, ведет дорога
В славный город Палантас...

— Палантас — это где? — спросила Кэрли, дождавшись перерыва в мелодии.— И что случилось дальше?

— Дальше я пока не придумал, а Палантас где-то в Немедии,— последовало в ответ.— Доброе утро.

— Феруза еще спит? — осведомилась Кэрли, удивленно отметив, что туранки нет поблизости.

— Она меня бросила,— с насмешливым отчаянием пожаловался Аластор.— Договорилась, что сегодня утром к ней придет госпожа Как-ее-там, желающая узнать, сколько лет ей предстоит осквернять своим присутствием этот мир, и сочла неприличным принимать столь высокорожденную гостью в нашей развалюхе. Она убежала домой — развешивать паутину, начищать хрустальные шары и наводить всяческую таинственность.

Феруза в самом деле владела крохотным домом, доставшимся в наследство от родителей и расположенным выше по склону холма, на котором раскинулся квартал Нарикано. Собственность туранки отчасти смахивала на чудом не развалившуюся халупу, но Феруза упорно отказывалась с ней расстаться. Там она иногда принимала клиентов благородного сословия, мнивших, что предсказания следует выслушивать в подобающей обстановке, а не в обыденном трактире. Сама гадалка здраво полагала, что для колоды тарока не имеет значения, в каком месте ее будут раскидывать, но, как гласит пословица, покупатель всегда прав. Потому одна из комнат ее жилища являла собой "обитель вещуны", какой ее принято представлять — поеденные молью ковры, ароматические курильницы, пугающие амулеты и настоящий человеческий череп с прилепленными изнутри свечками. Феруза от души развлекалась, наводя трепет на приходивших к ней визитеров, а затем в лицах изображая их перед своими приятелями.

К столу пробралась Рилна — тихая белокурая девчонка-прислужница лет четырнадцати, бухнула перед Кэрли поднос и убежала. Та с отвращением воззрилась на вареные овощи, мелко нарезанные яблоки и полную кружку густого травяного настоя.

— На что только не приходится идти ради поддержания фигуры,— горестно заявила девушка, цепляя ножом обрывок капустного листа и награждая его убийственным взглядом.— Вам, счастливчикам, этого не понять и не оценить!

Она сжевала лист, принялась за другой и вздохнула:

— Скоро я стану похожа на овцу.

— Если тебя не задает подобное сравнение, ты скорее напоминаешь эдакую очаровательную резвую козочку,— подольстился Аластор и уточнил: — Особенно с пучком травы, свисающим из рта.

— Как? — Кэрли торопливо провела ладонью по губам, убедившись, что вновь стала жертвой подначки: — Ты... Ты просто невыносим, вот!

— Стараюсь,— с преувеличенной скромностью наклонил черноволосую голову взломщик. Конан сдавленно фыркнул. Кэрли, вспомнив недавнее намерение, попробовала рассердиться, не смогла, и спросила:

— Что слышно новенького?

— Гнус велел высечь всю прислугу в доме, но сообщника грабителей так и не нашел,— гортанный акцент Конана упорно не желал исчезать, хотя стал менее заметным.— Теперь хочет пожа-

ловаться в городскую стражу. Твердит, что похитили все его сбережения и он этого не простит.

— Клевета! — искренне возмутилась девушка. — Взятое не тянет и на сотую долю от его запасов! А жаловаться он может куда угодно, все равно ничего не вернет. Мы Город Воров или захудалая провинция, в конце-то концов?

— Есть такое умное слово — "репутация", — подал голос Аластор. — Знаете, что оно означает?

— Нет, — признался Конан.

Недавно он открыл для себя удивительную вещь — в его положении ничего не знающего варвара имелась определенная выгода. Достаточно с наивным видом заявить, будто чего-то не понимаешь, и большинство людей с готовностью бросится растолковывать. Им льстит ощущение собственной значимости. Конечно, могут попытаться и обмануть, но для чего дана собственная голова? Чем больше знаешь о мире, тем интереснее в нем живется.

— Мнение о каком-либо человеке, сложившееся на основании его поступков, — незамедлительно блеснула Кэрли.

— У городов тоже бывает репутация, — взломщик лукаво покосился на слушателей. — Не поверите, но число ночных умельцев в Шадизаре не так велико, как кажется. В Бельверусе, в Тарантии, не говоря уж об Асгалуне, их намного больше и работают они ничуть не хуже. Однако Столицей Воров называют именно Шадизар. Секрет в том, что здешние жители в незапамятные времена стали известны как отъявленные мо-

шенники, а нам, их потомкам, приходится из всех сил поддерживать это убеждение. Не будь сей двусмысленной славы, Шадизар оставался бы обыкновеннейшим укреплением на Дороге Королей, не представляющим большой важности. Зато жилось бы в нем куда спокойнее.

— И скучнее! — с чувством заявила девушка.

— Вот и я о том же, — согласно откликнулся Аластор и, пробежавшись пальцами по струнам виолы, вполголоса исполнил очередной куплет неоконченной пока песенки:

Мир не белый и не черный —
Всех тонов не сосчитать,
Среди истин иллюзорных
Правду трудно отыскать.
Но не зря в дорогах дальних
Мы уже немало лет;
Для себя открыли тайну,
Что дороже чести — нет...

— Кстати, хотите свеженькую сплетню? — к манере Аластора перескакивать с одной темы на другую все давно привыкли. — Тварюшка, которую умудрилась вызвать Феруза, по-прежнему в городе. Прошлой ночью она ворвалась в заведение Хорги Живоглота, как там оно зовется?

— "Сбывшиеся надежды", — шепотом подсказала Кэрли.

— Оно самое. Шла большая игра, на кону стояло не то пять, не то шесть тысяч золотых. Существо принялось метаться по залу и кусать всех, кто не успел увернуться. Половина игроков рванула наутек, другая половина, прежде чем

удалиться, запасливо прихватила оставшиеся без присмотра ставки. Живоглот рвет и мечет, обвиняет конкурентов в том, что они наняли колдунов, натравили сотню демонов и разорили до основания. Последнему я не верю. А не далее как сегодня под утро бойкий летающий шарик заметили около дома городского Совета — он старательно грыз колонну.

— Оголодал, бедняга, — приснула девушка.

— Но вдруг это в самом деле демон? — Конан забеспокоился, хотя старался казаться невозмутимым.

— Что с того? — беспечно пожал плечами Аластор. — Демоном больше, демоном меньше, какая разница? Либо его кто-нибудь прикончит, либо сам уберется. Малыш, сия зловонная лужа, наш безумный и любимый городок Шадизар, переживала и не такое.

— Ты, порождение туманных полуночных гор, в следующий раз думай, что творишь, — на скамью бухнулся незаметно подошедший Джай и обличающе ткнул пальцем в Конана.

— Что наше буйное дитя природы натворило на сей раз? — заботливо осведомился взломщик.

— Ничего особенного, только вздул Райгарха, и теперь тот злится на весь белый свет. Нам пришлось тащить его наверх, в его конуру.

— Почему же мы до сих пор не отметили это славное событие? — Аластор потянулся за неоткупоренным кувшином.

— Потому что оно... как говорится... случайная удача, — спокойно ответил Конан. — Он от-

влекся. Вечером он подметет мной двор и успокоится.

— Даже слепой курице иногда случается найти зерно, — дополнил Проныра и, бросив взгляд на тарелку Кэрли, озадаченно поднял бровь: — Давно хочу узнать, прелесть моя — как можно такое есть?

Девушка не успела придумать достойный ответ. Ее опередил Аластор.

— Ты разве не слышал? Наша Кэрли отныне верная последовательница культа Молчащих и Жующих. Их девиз — "К совершенству через травоедение". Ей предстоит в безмолвии поглотить ровно тысячу двести тарелок зелени, триста из которых она уже употребила. Тогда она в точности познает, как устроен этот мир, получит ответы на любые вопросы...

— И отрастит вымя, как у коровы, — вполголоса, однако достаточно отчетливо проговорил Конан. Оскорбленная до глубины души девушка запустила в него огрызком яблока, но промахнулась. Аластор изобразил праведное возмущение:

— Дорогая, как можно! Ты публично нарушаешь первую заповедь собственной веры! Да не отвлекут тебя насмешки невежд от великого и достойнейшего в мире занятия — тщательного пережевывания гнилой чечевицы. На вот, съешь листочек, успокойся, подумай о вечном.

Кэрли взвыла. Похоже, любящие друзья задались целью довести ее до белого каления. И Малыш туда же! Что за омерзительная штука жизнь!

Ее мучения оборвало чье-то вежливое покашливание. Общество недоуменно оглянулось, ибо к ним никто не подходил, а кашель раздавался совсем рядом. Джай внезапно насторожился и сделал остальным знак, приказывающий держать язык за зубами. На его лице появилось странное выражение — недоверчивое и предвкусующее.

* * *

— Я пришел говорить с человеком, которого называть Джаем Проньрой. Это есть ты?

Существо не дотягивало ростом даже до трех локтей, зато самоуверенности в нем с избытком хватало на всю Компанию. Оно не относилось к роду людей, хотя на первый и любой другой взгляд смахивало на низкорослого, весьма бойкого старика, выраженного в одежду ярких красных и зеленых тонов. Сморщенную физиономию, похожую на перепеченное яблоко, украшали длинные висячие усы, пышная борода и маленькие, азартно блестящие глазки. Из-за оттопыренных ушей торчали длинные жидкие пряди дымчатого цвета, окружавшие блестящую лысину. В ожидании ответа создание нетерпеливо притоптывало носком дорогого сапога из пестрой змеиной шкуры с россыпью мелких кристаллов фионита на отворотах.

Глянув на эти роскошные сапоги, Аластор испытал мимолетный приступ зависти. Он сам давно мечтал купить такие, да вот беда: они нигде не продавались. Договариваться же с мастером-сапожником напрямую он не решался, ибо

между ним и сородичами сегодняшнего визитера имелась застарелая неприязнь, вспыхнувшая после таинственного исчезновения некоего ожерелья. Со времени этого досадного происшествия минуло немало лет, однако Аластор подозревал, что память у бывших владельцев драгоценности долгая. Никогда не забывая причиненных им обид, они могли потерпеть с возмездием как сто, так и двести лет, однажды сполна отомстив наследникам бывшего врага. Они жили намного дольше людей, что неудивительно — они ведь относились к роду подгорных карликов или, как их еще называли, dwarves, gnomes.

— Он самый, — Джай кивнул. — Чем... — он запнулся, сглотнул и выдавил: — Чем обязаны, почтеннейший?

Ему пришлось быть вежливым — рисковать ссориться с гномами мог только безумец, решивший как можно быстрее и болезненнее свести счеты с жизнью.

В Шадизаре горному народцу принадлежал целый небольшой квартал, расположенный на восточной окраине города. Звалось это местечко Чамган и представляло из себя пять довольно уродливых домов с наглухо зарешеченными окнами, обнесенных высоченной стеной, сплошь усеянной поверху острыми железными опилками. Даже самые заядлые городских хвастуны не отваживались заикаться, что побывали внутри Чамгана, тем более — совались в выкопанные под ним подземелья. Впрочем, приглашенных в гномский квартал людей можно пересчитать по

пальцам — этой сомнительной части не удоставлялся почти никто.

Гномы, поселившиеся в Шадизаре с полтысячелетия назад, явились из-под Кезанкийских гор, где пряталось одно из их королевств. Поначалу, пока Чамган не стал достаточно укрепленным, они предпочитали не иметь никаких дел с людьми. Затем под стенами, как поганки после дождя, начали вырастать лавки — оружейные и ювелирные. Нынче гномы вели обширную торговлю через Дорогу Королей, давали деньги в рост, тайком скупали краденое и по-прежнему оставались накрепко замкнутой от посторонних глаз общиной, живущей по своим законам. В городе они появлялись крайне редко и только при очень большой необходимости.

Зачем одному из них могла понадобиться ничем особенным себя не прославившая шайка из "Уютной норы" — Джай совершенно не представлял. Однако, как любой в Шадизаре, твердо знал: где гномы — там золото. Если этот недомерок желает что-то предложить, Проныра не намерен упускать подвернувшийся шанс.

— Меня называть Альбрих,— коротко представился обитатель Чамгана и, не дожидаясь приглашения, вскарабкался на скамью. Кэрли с откровенным любопытством разглядывала невиданного гостя, Аластор на всякий случай отодвинулся в тень, Конан скривился и пересел подальше. Ему уже доводилось сталкиваться с подземными племенем, и нельзя сказать, чтобы эти встречи заканчивались мирно.

Гном подозрительно изучил сидевшую за столом компанию и повернулся к Джая, скрипуче осведомившись:

— Они есть ваши люди?

— За неимением лучшего,— хмыкнул Проныра. Шутку не оценили.

— При них можно говорить?

Джейвар ограничился кивком.

— Мой знакомый, который жить в город, утверждать, будто вы неплохо справляться с поручением, требующее ловкость и сообразительность.

— Благодарствуем,— по возможности серьезно проговорил Джай.— Ваш знакомый, кстати, не добавлял, что мы не беремся за ускоренную доставку на тот свет, не крадем детишек из колыбелей и не душим престарелых тетушек?

Кэрли захихикала, но под испепеляющим взглядом Проныры быстро замолчала, закрыв себе рот ладонью.

Альбрих пожевал губами, вновь пристально осмотрел четырех человек, и поинтересовался:

— Это есть все ваши помощники?

— Двоих недостает,— Джай решил, что самое время начать набивать себе цену.— Слушайте, почтеннейший, хватит толочь дерьмо в ступе, вертеть круг без точила, короче, маяться дурью. Вам нужны наши услуги? Замечательно, выкладывайте, где, что и как. Если нам не подходит — разбегаемся и более не вспоминаем друг о друге. Подходит — договариваемся об условиях сделки и приступаем. Быстрее начнем — быстрее закончим.

Из полусумрака одобрительно закивал Аластор. Конан вроде собрался что-то сказать, но промолчал. Гном строил гримасу, означавшую глубокую задумчивость.

— Вы можете быть сегодня вечером подле Чамган, на площадь Трезубца? — наконец решился он.

— Смотря по обстоятельствам, — ушел от ответа Проныра. — Что дальше?

— В переулке рядом стоять пустующий дом. Привести четыре или пять человек. Войти. Встретиться со мной. Пройти потайной ход и взять указанную вещь.

— Подробности? — вмешался Аластор. — Куда ведет ход? Что в доме — тайники, сундуки? Он охраняется? Сколько человек стражи?

— Узнать, когда придти, — отрезал Альбрех.

— Э-э, так дела не делаются, — замотал головой Джай. — Извините, почтеннейший, поросят в мешке не покупаем.

Повисла долгая неуютная пауза. Аластор принялся насистывать, Джай сделал вид, будто полностью поглощен содержимым своей кружки.

— Охраны нет, — через силу выговорил карлик. — Никого нет. Пусто.

— Тогда зачем вам понадобились мы? — вполне разумно заметила Кэрли. — Я так понимаю, хозяева дома в отъезде, раз туда можно беспрепятственно войти?

Джейвар пнул под столом болтливую девчонку ногой. Гном пропустил вопрос Кэрли мимо заросших сероватой шерстью ушей, залез в пояс,

извлек приятно округлый кошель и ловким движением, так, что ни одна монетка не звякнула, перебрал его Джай.

— Для подумать, — невозмутимо сообщил он. — Вы ни о чем не спрашивать, только делать — находить нужную вещь и уносить. После всего — получать столько же на каждого, и в доверок — забирать, что понравится в доме. Уговор?

Джай вопросительно покосился на Аластора. Тот, перейдя на язык жестов, быстро зашевелил пальцами. Движения складывались в слова: "Я склонен согласиться. Гномы известные жулики, но туповаты. Вдобавок это может оказаться любопытным и выгодным".

Конан пока не имел права голоса в обсуждениях, Кэрли и ее рыжий дружок домушничеством не занимались и в подобных делах не участвовали, Ши всегда поддерживал Проныру, так что решение оставалось за ним.

— Идет, — в мешочке, куда Джай успел бросить быстрый взгляд, лежало не меньше двадцати полновесных, масляно-желтых туранских империалов.

— После захода солнца, у Трезубца, — прошамкал Альбрех, проворно соскочил со скамьи и едва ли не трусцой просеменил к двери.

— Зря, — тяжеловесно уронил Конан, как только гном выкатился во двор.

— Почему "зря"? — вцепился в него Проныра. — Думаешь, коротышка что-то скрывает?

— Не сомневаюсь, — Аластор выбрался из своего укрытия. — Обитатели Чамгана редко прибе-

гают к помощи людей, значит, готовится нечто из ряда вон выходящее. Заметили, он не назвал нам ни своего семейства, ни клана? Только имя. Возможно, фальшивое. Кстати, возле Трезубца есть хоть один богатый дом?

— Совсем необязательно, чтобы дом стоял неподалеку от Трезубца, — Кэрли происходящее представляло величайшее удовольствие. — Он же сказал — пойдете через подземный ход. Может, дом вовсе на другом конце города!

— Прекрасная девица глаголет сущую истину, — поддержал Аластор. — Все это до чрезвычайности странно, однако странности украшают жизнь. Лично я с удовольствием присоединюсь к грядущей вылазке. Что-то мы засиделись в четырех стенах, не находите?

Он побарабанил пальцами по корпусу виолы, кивнул и пропел:

Меч — твое перо, воитель,
Шкура вражья — чистый лист.
Сотни опусов творитель,
На сто первом — распишись!
Я ж певец замков с ловушкой,
Стихотворец мокрых крыш,
И пою свои куплеты,
В час ночной, когда ты спишь...

— Вот именно, — недовольно проворчал Джай. — Мешая честным людям вкушать заслуженный отдых. Ладно, раз взяли работу, начинаем готовиться. Где носит Ши, кто-нибудь знает?

— Хочешь прихватить его с собой? — уточнил Аластор.

— Его и Малыша. Хватит ему отсиживаться в трактире и выбивать дух из бедняги Райгарха.

— Ши дрыхнет, — наябедничала Кэрли. — Расскажите потом, как сходили?

— Эй, — вполголоса произнес Конан. Он смотрел в сторону черного хода, и Джаю пришлось обернуться, чтобы увидеть, что его так заинтересовало.

В проеме стоял Ши, озираясь с таким видом, будто не мог понять, куда его занесло. Зацепившись взглядом за Конана, он отчаянно замахал руками, подзывая его к себе и одновременно настойчиво тыча в сторону хлопотавшей за стойкой Лорны. Убедившись, что привлек внимание, он шарахнулся назад и сгинул в коридоре.

— Пошли глянем, с чего вдруг его разбирает, — Аластор почему-то забеспокоился и начал поспешно выбираться из-за стола. — Кэрли, мне кажется, что тебе следует остаться и занять господам таверницу увлекательной беседой.

Девушка недовольно надула губы, но возражать не рискнула. Кажется, запас неожиданностей этого утра еще не исчерпался до конца.

* * *

Ши ждал их у выхода из черного хода, заканчивавшегося на задворках птичника. Маленький воришка сидел на пороге, раскачиваясь взад-вперед, и еле слышно подвывал. Поблизости обнаружился Хисс — этот устроился на перевернутой кормушке, и вел себя весьма странно: то начинал безостановочно хихикать, то мрачнел и ста-

рался дать пинка важно ковылявшим мимо уткам.

— Ну? — грозно спросил Джай. — Что теперь?

— Смотри сам, — Хисс поднялся, подошел к некогда выкрашенной в зеленый цвет, а теперь безнадежно облупившейся будке нужника, повернул щеколду, широким жестом распахнул дверцу и отступил в сторону. — Я второй раз такого зрелища не вынесу.

Аластор успел первым. Бросив внутрь единственный взгляд, сделал пару шагов назад, плюхнулся на усыпанную соломой и куриным пометом землю и захохотал, жмурясь и запрокидывая голову.

— Не вижу ничего смешного! — возмутился Ши. — Ты представь, каково с утра наткнуться на эдакий кошмар! Я уж решил, что умом повредился!

— Искренне соболезную, — с трудом выговорил Аластор, сгибаясь вдвое и всхлипывая.

Нужник претерпел удивительнейшее изменение.

Там, где вчера находилась обычная, небрежно оструганная толстая доска с прорезанным посередине отверстием, теперь красовался рот.

Большой — около трех ладоней длиной. Несомненно, принадлежавший женщине, ибо пухлые губки ярко блестели от нанесенных на них кроваво-алых румян и то складывались в очаровательную улыбку, то призывно вытягивались. Иногда между ними мелькал кончик языка.

Джай созерцал их ровно три удара сердца, после чего захлопнул дверь, запер на щеколду и обессилено привалился к ней спиной.

Выражение его лица стало, что называется, неопределенным.

Аластор перестал смеяться, вытер слезы, уселся поудобнее и язвительно осведомился:

— У кого имеются мысли по поводу и без одного?

— Я туда больше в жизни не сунусь, — заверил приунывшее общество Ши. — Открываю дверь, а оно... оно... ухмыляется...

— Это все из-за штуки, которую мы туда бросили, — убежденно сказал Конан, единственный из всех сохранивший внешнее присутствие духа.

— Хочешь сказать: "Которую Ши туда бросил"? — внес поправку Хисс.

— Какая разница, кто? — заступился за приятеля Джай. — Вопрос в том, что теперь делать?

— Можно нанять с десяток золотарей, вычерпать яму до дна и попытаться найти игрушку, — внес предложение неутомимый Аластор. — Только, думаю, это займет не день и не два. Может, целую седмицу. Привлечем внимание.

— Лорна меня убьет, — севшим голосом проговорил Ши.

— Вряд ли, она женщина донельзя практичная. Привяжет на веревку и скинет вниз — выуживать жезл, — хладнокровно отозвался рыжий Хисс.

— Заткнись, а? — попросил Ши. — Без тебя тошно.

— Может, само прекратится? — неуверенно предположил Джейвар. — Заколотим дверь, скажем Лорне, что доска сломалась или еще чего...

— Она непременно пойдет проверить, — напомнил Конан.

— Нас погубит варварское упрямство и стремление увидеть все своими глазами, — скорбно провозгласил Аластор. — Еще есть идеи?

— Надо рассказать хозяйке, — гнул свое Конан. — Она поймет.

— Мне бы твою уверенность, — Ши печально глянул на приятеля снизу вверх. — Не-ет, она сначала прикончит меня, а потом станет разбираться.

— Хочешь, я с ней поговорю? — не дожидаясь ответа, Конан повернулся и ушел в дом. Ши равнодушно пнул зазевавшуюся курицу и засвистел мелодию похоронного марша.

Ждать пришлось недолго. Лорна вылетела во двор, точно боевая лошадь, слышавшая сигнал атаки. Сходство усиливали развевающаяся грива светлых волос и светившаяся в глазах мрачная решимость покарать виновных. Неизвестно, что успел наговорить ей Конан, но настроение тавернищицы весьма точно описывалось словом "смертоубийственное". Не обращая ни на кого внимания, она едва ли не строевым шагом направилась к будке, отпихнула Джая, попытавшегося преградить ей путь, и распахнула дверь.

— Та-ак, — только и сказала она.

Соблазнительный ротик корчился в судорогах. Из его углов стекала мутно-розовая вязкая

жидкость, а движения напоминали кашель подавившегося человека, старающегося вытолкнуть застрявшую в горле кость. Очередная попытка увенчалась успехом, изо рта вылетело что-то блестящее, описало в воздухе крутую дугу и упало, подкатившись к ногам Хисса. Тот наклонился посмотреть и сдавленно ахнул.

Рот удовлетворенно облизнулся, наградив хмурую Лорну милой извиняющейся улыбкой. Хозяйка "Норы" сплюнула и с оттяжкой захлопнула дверь, да так, что со стен нужника посыпались чешуйки краски.

— Не верь глазам своим, — еле слышно пробормотал Хисс, бережно поднимая валявшийся предмет. — Вы только посмотрите!

Он держал в ладонях темно-синий кристалл, размером никак не меньше продающихся на городском базаре дынь и ограненный в такой же продолговатой форме. При малейшем движении камень переливался всеми оттенками голубого, лазоревого и бирюзового, напоминая гигантскую каплю.

— Если эту неведомую особу и дальше будет тошнить такими стекляшками, она навеки покрит мое сердце, — Джай, не веря своим глазам, дотронулся до прохладно сияющего камня и ласково провел пальцем по граням.

Спустя миг синее великолепие покрылось сетью мельчайших трещин, и с легким шорохом — такой, наверное, издают рушащиеся воздушные замки мечтаний — превратилось в горстку сизоватой пыли, просочившуюся между пальцев Хис-

са на землю. Курицы, бродившие вокруг, внезапно решили, что это самый вкусный корм на свете и устремились склевывать мельчайшие крупинки.

Проныра с Хиссом дружно и разочарованно застонали, а из-за запертой двери нужника донеслись частые удары — рот извергал поддельные камни, словно откладывающая личинки муха-навозница.

— Тащите доски, гвозди и молоток, — Лорна приняла решение. — Мало ли какая гадость оттуда выползет, — она озабоченно пощелкала пальцами. — Колдуна, может, какого позвать, пусть посмотрит, нельзя ли что сделать... Или лучше жреца?

Ши, чувствующий себя виноватым, умчался на поиски требуемых инструментов. Бритунийка отправилась за ним, одарив напоследок притихшую компанию уничижающим взглядом.

— Надеюсь, она не имела в виду, что за услуги колдуна придется расплачиваться нам? — нерешительно подал голос Хисс, разгонявший куриц в тщетной надежде отыскать уцелевший осколок кристалла.

— Боюсь, мой друг, наша решительная хозяйка подразумевала именно это, — Аластор поднялся на ноги, отряхивая штаны от приставших к ним соломы и песка. — Джай, во сколько может обойтись изгнание демона или прерывания действия заклятья?

— Понятия не имею! — зло рывкнул Проныра. — Зато старый хрыч сегодня вечером изрядно

порадуется: мы будем носиться с высунутыми языками, пытаюсь загрести в карман как можно больше. Этот проклятый Ши со своими выходками нас окончательно разорит!

— Кто ж знал, что так получится, — успокаивающе заметил Аластор. — В конце концов, не впервой. Да не смотрите вы, точно плакальщицы на похоронах! Придумаем что-нибудь. Это всего лишь рот, рыгающий фальшивыми камнями, а не разгневанный дракон и не налет стражников! Короче, вы как хотите, я иду собираться.

Он ушел, легко ступая по земле и продолжая украдкой посмеиваться. Хисс глянул ему вслед и безразлично осведомился:

— Какой такой старый хрыч?

— Приходил уродец из Чамгана. На нынешний вечер подвернулась небольшая работенка, — объяснил Джай. Подумал и заявил: — Тебе, пожалуй, тоже стоит пойти. Знаю, это не совсем твое ремесло, но там вроде не требуется особых умений. Поторчите на пару с Малышом у входа, поглядывая по сторонам и отвлекая чрезмерно любопытных. Выручку делим на всех. Согласен?

Хисс кивнул. Ему позарез требовалась кругленькая сумма, но в силу кое-каких причин он опасался даже заикнуться о своем бедственном положении. Возможно, сегодняшняя ночь поможет ему поправить свои дела, и тогда все уладится без особых хлопот. Только при чем здесь Чамган? Да, гномы охотно скупают вещи, чье происхождение весьма сомнительно, однако сами никогда не вступают в людские развлечения

навроде грабежей и обшаривания чужих домов. Хотя кто их знает, этих подземных выродков... Они ведь из тех, кто предпочитает загребать жар чужими руками.

Один из главных неписаных законов Шадизара гласит: "Не треплись без надобности".

Хисс, поразмыслив, решил следовать ему. Какая разница, что задумали гномы? Дело их компании — выполнить задание, получить деньги и смыться. Просто и незамысловато. Проще, чем отобрать погремущку у младенца.

Взгляд в прошлое: Предупреждение

Мужчина и женщина — хозяин и гостья — за накрытым столом напротив друг друга. Круглый стол — начищенная медь, единственная ножка в виде ствола тонкого дерева, по которому беспечно скользят играющие ящерицы. Он стоит на огромной открытой террасе, на пересечении сверкающих болезненно-белых и темно-охристых квадратных плит.

Над террасой распахнулось застывшее небо, украшенное светлым осколком нарождающейся луны. Купол нависает над пустыней — огромной, живой, наполненной посвистом ветра, шелестом пересыпающегося песка и твяканьем охотящихся шакалов. На горизонте, где пустыня и небо сливаются воедино, дрожит еле различимый зеленоватый отсвет. Там начинается морское побережье, дремлющий Великий Океан кача-

ет сонные, прозрачные волны. Отражение луны и звезд дробится на миллионы частей, Океан превращается в огромный, текущий алмаз с множеством граней, доступный всем и неподвластный никому.

Хозяин и его гостья избегают прямых взглядов. Странные, должно быть, между ними отношения: то ли враги, вынужденные стать друзьями, то ли друзья, поневоле оказавшиеся врагами. А может, то и другое, и третье вместе. Они сидят здесь, посреди холодной, геометрически выверенной террасы, вокруг на многие лиги тянется пустыня, и ничего, кроме пустыни, редких оазисов, караванных путей и звериных троп.

Крылатая тень кружит над ними — неразличимая во мраке, описывая круг за кругом, круг за кругом, черная и безмолвная в черноте. Тень пристально смотрит и слушает.

Мужчине на вид лет тридцать — тридцать пять. Цвета его одежда — красные и черные с золотой каймой. Лицо... Такие лица принадлежат наследникам старинных династий, давно потерявших любые права на трон, последним в роду, помнящим наизусть все легенды о славном прошлом и знающим, что оно не вернется никогда. Он обладает властью, этот человек, но, похоже, она не приносит ему радости, ибо не завоевана, а получена изначально. У него странные, яркие глаза — глубоко посаженные, желтовато-карие, с черным вертикальным зрачком, сжимающимся и расширяющимся. Глаза животного или, скорее, пресмыкающегося. Он смотрит на пустыню, бе-

лесо-голубую, исчерченную неуловимыми тенями, и безостановочно верит между пальцами правой руки крохотную золотую подкову. Камни в тяжелых перстнях вспыхивают искрами, подкова вращается, издавая еле слышный звон.

Приехавшая к нему в гости женщина красива. Пожалуй, даже чересчур, вызывающе красива.

Ее возраст не поддается исчислению. Миг назад она выглядела наивной девчонкой, сейчас задумаешься, давно ли она справляла свое двадцатипятилетие, спустя еще мгновение сочтешь ее замечательно сохранившейся сорокалетней матроной, чтобы со следующим ударом сердца понять — ей никак не больше шестнадцати. Она высокая, тонкая, затянутая в облегающее платье из переливающейся золотистой ткани. Русые с ярко-рыжим отливом волосы заплетены в косы, уложенные венцом вокруг головы. Она носит вычурные украшения из сплава золота и серебра, у нее зеленоватые глаза, слегка вытянутые к вискам.

В отличие от мужчины, женщина только кажется надменной, распространяя вокруг себя некий осязаемый аромат доступности. Она не королева, хотя отчаянно старается выглядеть таковой, скорее, первая придворная дама, если не случайно угодившая в фавор к правителю уличная красотка. Ее совершенство лишено тепла, несомненная привлекательность не задевает чувств, вызывая только восхищение внешней оболочкой, не более того.

Мужчина зовет ее "Кэто" или, с оттенком снисходительности — "Моя дорогая Кэто". Она называет своего собеседника "Господином" — большая буква отчетливо слышится в хрипловатом насмешливом голосе — и иногда обращается к нему "Саммах". Впрочем, это не может быть подлинным именем — на древних языках Побережья такое слово когда-то тоже означало господина или наставника.

Женщина протягивает руку, схваченную в запястье обручами браслетов, берет чеканный серебряный кубок, но не пьет, а держит перед собой, точно пытаясь разглядеть нечто в его глубинах.

Мужчина неожиданно резким жестом швыряет подкову на пол, та скользит через белые и охристые плиты, мимолетно сверкая подобием ночной зарницы. Долетев до края террасы, исчезает за срезом.

— Всякий раз — подковы, — говорит мужчина. Он чуть растягивает слова, его голос похож на отдаленный размеренный звон бронзового гонга. — Это повторяется уже трижды, и только в последний раз стража вовремя заметила присутствие чужаков. К сожалению, охранники едва не забыли о необходимости взять живьем хоть одного мошенника. Двое убиты, третьего, пойманного, воры прикончили сами. Остальные убили. Стражники клянутся, что грабители прыгали прямо в стену. Я потом лично осмотрел это место. Стена как стена, никаких трещин, никаких потайных проходов. Монолит.

— А убитые — они кто? — невозмутимо уточняет женщина. — Знаю, некромантия — не самое приятное занятие в мире, но ты не пробовал их допросить?

— Люди из Шадизара, — помедлив, нехотя отвечает мужчина. — Выполняли чьи-то указания. Больше ничего не знают.

— Значит, кто-то наконец додумался до способа проникать в Сокровищницы незамеченным, — весело заявляет красавица. Саммах одаживает ее весьма нелестным взглядом.

— Случись это только со мной, я бы не удивился. В нашей теплой компании я не пользуюсь особенной любовью. Однако, как я узнавал, гости наведывались ко всем.

— Кроме меня, — женщина делает глоток из кубка.

— Кроме тебя, если ты не лжешь, — соглашается мужчина.

— Похоже, ты заподозрил меня и поэтому пригласил сюда. Для частной беседы, так сказать, — ее голос становится язвительным. — Только, знаешь ли, кражи не относятся к числу моих излюбленных развлечений. Но, даже если бы я увлеклась грабежами, у меня хватило бы ума не разбрасывать после себя золотые подковки. Этому все равно никто не поверит. Слишком просто и незамысловато. Надо полагать, другие находят знаки, указывающие на их врагов?

Молчаливый утвердительный кивок.

— Кэто, я не собираюсь обвинять и выяснять отношения, — сквозь бесстрастную маску просту-

пает раздражение. — Я хочу предупредить тебя — это раз. Второе — я хотел бы услышать твои предположения. Может, ты не слишком умна, но я неоднократно убеждался в том, насколько ты хитра и изворотлива. Теперь ты знаешь все, известное мне. Скажи, что думаешь.

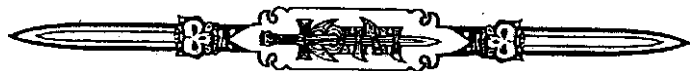
— Гм, — прекрасная Кэто многозначительно возводит глаза к ночному небу и старательно хмурится. — Воры появляются и исчезают, стража ничего не может поделывать... Ладно, вот моя первая догадка — оживился кто-то из наших старых врагов, решивших отомстить за прежние обиды. Также не исключено, что мы имеем проделки заклятых друзей. Скажем, сии визиты отмечают начало нового круга Игры.

— Мы вроде договорились прекратить эту глупость, — бросает Саммах. — Что до старых врагов... В этом есть некий смысл. Продолжай, моя дорогая.

— Ты не пробовал обратиться к тому, кто рожден красть и обманывать? — выпаливает женщина. — Вдруг он принялся за старое?

— Он почти не вылезает из своего владения, — качает головой мужчина. — Разумеется, этого типа я проверил в первую очередь. После всего, что случилось в последний раз, когда его вынудили дать клятву оставаться в стороне, он совершенно потерял интерес к нашим делам. Его волнуют только его проказы, его маленькие войны, его друзья и подружки.

Женщина надолго задумывается, кусает губу и нерешительно спрашивает:

— А Ключи... Ключи Обманщика? Вдруг это они?

— Ключи Обманщика — вымысел от первого до последнего слова! — на этот раз ее собеседнику изменяет выдержка. — Кэто, ты же отлично помнишь: его приперли к стене и он, спасая свою шкуру, незамедлительно выдумал эти Ключи! Их не существует! Они плод его не в меру развитого воображения! Он же Обманщик, Кэто! Обманщик до мозга костей!..

— Вот именно, — тихо произносит женщина, и Саммах замолкает. — Если бы они существовали, они обладали бы именно такими свойствами: открывали все, в том числе и Сокровищницы. Мы не знаем. Он вполне мог создать их и спрятать.

— Но зачем? С какой стати, спустя столько лет, он вдруг решил бросить нам вызов? — недоуменно обращается к луне и пустыне человек в алом и черном. — Он не обладал особенной силой и старался ни во что не вмешиваться.

— Может, ему надоело, что с ним никто не считается, — взмахивает ресницами Кэто. — Или он обрел какой-то новый источник могущества. Ты ведь сам сказал — он Обманщик. Никто из нас не может поручиться, что проведал хоть немного о его замыслах.

— Это так, — вынужден согласиться Саммах. — Но я уверен — у него не хватит решимости на подобное.

— Смог же он наведаться к тебе и улизнуть безнаказанным, — легкомысленно бросает женщи-

на. — Или поручил кому-то. Во всяком случае, если такая история произойдет в моем доме, я знаю, что немедленно сделаю.

— Что? Отправишься к нему? — мужчина презрительно хмыкает. — Он надает тебе кучу ничего не значащих обещаний, заверит в своей полнейшей невинности, под конец затащит в постель и к утру ты безоговорочно поверишь всему, что он говорит. Так случалось уже не раз.

— Слышу голос зависти и уязвленного самолюбия, — патетически возглашает Кэто, поднимая бокал. — Позволь узнать, что предлагаешь ты, о мудрейший?

— Подождать, — холодно роняет Саммах. — Впрочем, если считаешь нужным провести нашего давнего друга в его убежище — воля твоя. Я лишь предупредил, чтобы ты знала, откуда ожидать удара.

— Премного благодарна, — фыркает Кэто. — Что тебя вообще больше волнует — наказание виновных или возвращение похищенного? Кстати, я не вижу особых причин для беспокойства. Пусть украденные безделушки немного поболтаются среди людей. Так даже забавнее.

Женщина встает и, постукивая каблуками, идет к низкой ограде террасы. Золотая гибкая фигура пересекает красные и белые квадраты, грациозно присаживается на парапет — каждое движение выверено и отточено. Мужчина равнодушно смотрит вслед: о чем бы не заходила речь, у Кэто на уме всегда только одно. Конечно, она хороша. Хороша до головокружения, ко-

торое очень быстро проходит. Никто не остается с ней надолго, кроме таких же хорошеньких пустышек, как она сама. Сколько не учи, не втолковывай, не разъясняй, Кэто верна себе. Однако высказанная ею мысль насчет Ключей не лишена некоторой привлекательности. Вызвать бы достоверно, есть эти распроклятые Ключи на свете или нет... Пожалуй, стоит отправить Кэто к Обманщику. Даже если она ничего не разузнает, то привлечет его внимание. Пусть помается головной болью, стараясь отвязаться от настырной красоти. Почему, почему этот упрямец предпочел отказаться от всего, стать изгоем, похоронить себя в глуши вместо того, чтобы согласиться на взаимовыгодный союз? Или?.. Или там, в своем захолустье, укрывшись от всех, он без помех вымыслил новую затею? С него станется... Ладно, придется уделить Кэто заслуженную толику внимания, а подумает невесть что.

Полумесяц луны устремляется к неровной, зыбучей поверхности Океана. Серая лиса, пригнувшись, трусит через барханы, оставляя за собой ровную строчку неглубоких следов, заносимых песком. Два человека смотрят с высоты террасы на пустыню, мужчина обнимает женщину за плечи, поворачивая лицом к себе. Та с готовностью запрокидывает голову, прикрывая глаза. Тень в высоте наклоняет крыло, поворачивая на новый круг, и испускает долгий, пронзительно-звонящий крик.

Глава 4. Изящное искусство грабежа

икто в Шадизаре в точности не помнил, в честь каких событий площадь Трезубца получила свое название и что символизирует установленный в ее центре монумент — вырубленный из серого гранита трезубец высотой в десяток локтей. С одной стороны площадь ограждала глухая стена Чамгана, с другой — склады, лавки и дома торговцев. Днем тут собирались продавцы и перекупщики шерсти, ночью засыпанное щебнем пространство пустовало, если не считать бродячих собак, сторожей и прикормивших под стенами нищих.

Дом, возле которого гном Альбрих поджидал нанятых им людей, оказался двухэтажным сараем, принадлежавшим, если верить крикливым гербам и вывескам, торговому сообществу "Фарсул и Компаньоны — Шерсть, Ткани, Кожа". Здание охраняла троица скучающих громил и крупный черный пес, страдавший несварением желудка и громко пускавший ветры. Джай, указав

на стражей, вопросительно поднял бровь, безмолвно намекая, придется ли от них избавляться. Альбрех помотал головой и повел компанию в обход, на задворки склада. Там он жестами велел отодвинуть какие-то бочки и ящики, подцепил замаскированную крышку лаза и, дрыгнув ногами, скрылся в темном отверстии.

Изнутри склад почтенного товарищества Фарсула и Компаньонов выглядел точно также, как любое иное сооружение подобного назначения. Громоздкие тюки с шерстью, свертки тканей, сундуки, лестницы, столы приказчиков, кипы выделанных кож — ничего примечательного. Гном зажег один из принесенных с собой потайных фонарей и тщательно задвинул заслонку, оставив пробивающийся наружу тонкий лучик света.

— Куда? — шепотом спросил Хисс. Ответом ему послужило раздраженное шипение гнома и тычок, полученный от Джейвара.

Альбрех рыскал между грудями ящиков, как выслеживающий мышей кот. Дважды он заставлял людей перетаскивать тяжеленные кипы шерсти с места на место, пока не забрался в закуток, признанный требуемым. Поставив фонарь на деревянный пол, гном сосредоточенно забрел в связку ключей, подбирая нужный. Отыскал, на ощупь сунул в скважину, закричал, открывая створки, но на предложение помощи огрызнулся, велел смотреть по сторонам.

За дверцей, искусно сделанной заподлицо с полом склада, начинались ступеньки вниз. Ши,

заглянув через плечо Альбреха, насчитал около десятка — дальнейшие терялись во мраке — и озадаченно подумал: как гномам удалось незаметно от владельцев и работников склада отгрохать такое сооружение? Может, торговцы входят в долю с обитателями Чамгана? Тогда к чему разводить такую таинственность?

— Идти, — Альбрех начал спускаться вниз, светя себе фонарем. Джай, повозившись, зажег второй и сунул его Хиссу. Люди цепочкой потянулись за удаляющимся гномом, бросая по сторонам удивленные взгляды, но помалкивая.

Судя по некоторым признакам, ход был не творением подземного народа, а уцелевшей частью какого-то древнего сооружения. На протяжении спуска вниз и первых пяти—шести шагов стены вокруг складывались из обыкновенной желтовато-серой глины, внезапно сменившейся отполированным черным обсидианом, прорезанным более светлыми жилами. Коридор имел локтей пять ширины и полтора человеческих роста высоты, никуда не сворачивал, боковых ответвлений на глаза тоже не попадалось. Альбрех бодро шлепал впереди, замыкавший цепочку Конан вдруг догнал и окликнул Джая, задав неожиданный вопрос:

— Почему нет пыли? По запаху это давно брошенное место, отчего тут чисто?

— Наверное, гномы каждый день шлепаются тут со щетками и тряпками, и подметают, — со смешком предположил Хисс. — А вообще Малыш прав, местечко более чем загадочное.

— Говорят, под Шадизаром лежит целый лабиринт забытых катакомб,— зловеще зашептал Ши.— Раз гномы любят копать в земле, неудивительно, что они тут все знают. Наверное, Альбрих наткнулся на этот проход, узнал, куда он ведет и не захотел делиться найденным с остальными

— Со своими не захотел, а столь презираемых гномами людей, значит, позвал? — еле слышно процедил Аластор. Чем дальше компания удалялась по подземному ходу, тем ему становилось беспокойнее. В какой-то миг, заколебавшись, он собрался предложить Джаю повернуть обратно. Тихий и безмолвный коридор внушал ему тревогу. Слишком все гладко шло, слишком безобидным и хорошо сохранившимся выглядел туннель. Аластор попытался вообразить план города и прикинуть, в каком направлении проложен коридор, но не смог этого сделать. Редко подводящее его чувство направления отказывалось служить. Если он не сбился со счета, они прошли не меньше трех перестрелов и сейчас могут с равной вероятностью находиться как под Чамганом, так и под торговым кварталом Сахиль.

Взломщик замедлил шаг, поравнялся с мальчишкой-варваром. Тот казался спокойным и полностью занятым наблюдением, но Аластор не поверил этой привычной маске.

— Можешь определить, куда мы идем? — тихо спросил он.— Сторону света?

— Полдень и слегка к закату,— чуть поразмыслив, отозвался Конан. Вопросительно нахму-

рился и поправил сам себя: — Нет, к восходу. Или все-таки к закату?

— Не трудись, со мной то же самое,— признался Аластор.— Кажется, будто все сместилось. Полдень на восходе, закат на полуночи.

— Дурное место,— вынес приговор Конан.

— Что поделать, соглашение превыше всего. Придется топтать до конца.

— Оба вы бредите, мы идем точнехонько на полночь,— встрял нахально подслушивавший Ши.— И вообще, чего вы разводите панику? Коридор как коридор, странноватый, что с того? В этом паршивом городке полно мест, о которых мы слышим в первый раз или ничего не знаем. Ах, не трепыхайся по пустякам. Хотите, спрошу лысого недомерка, чья эта нора?

Не откладывая намерения в долгий ящик, Ши трусцой побежал догонять гнома. Однако проявить законное любопытство ему не удалось: Альбрих остановился, жестом приказывая соблюдать молчание, и собрал донельзя заинтригованных людей вокруг себя.

— Конец,— сипло проронил он.— Прийти. Сейчас вы войти и начать искать вещь. Они походить на маленький бутыль. Вот такой,— он показал разведенными пальцами.— Из хрусталь или цветной стекло. Берите любой, какой увидите. Мне нужны только флакон, прочее — вам.

Сочтя раздачу наставлений законченной, Альбрих посветил в глубину коридора. Луч тусклым пятном отразился на полированной бронзовой поверхности. Черный туннель завершался низ-

кой дверью, внахлест обшитой узкими металлическими листами. Посредине торчала отлитая из ярко-красной меди кошачья голова, державшая в зубах кольцо. Гном небрежно потянул за него, створка, издав приглушенный скрип, приоткрылась. В коридоре стало светлее — изнутри просочился неяркий дрожащий отсвет.

— Начали,— Альбрих отступил в сторону, командование перешло к Джаю.— Ши, проверь, как и что.

Маленький воришка беззвучно юркнул в щель и сгинул. Проныра начал шепотом отсчитывать проходящие мгновения, стараясь не частить и подозревая, что остальные заняты таким же делом.

Он добрался до шестого десятка, когда дверь отворилась пошире и высунулась голова Ши.

— Что-то вроде приемной залы, по сторонам две комнаты без выходов, большая лестница наверх,— торопливым шепотом доложил лазутчик.— Свечи горят, однако никого не видно и не слышно.

Джай кивнул и шагнул к дверному проему. Страх он не испытывал, только жгучее любопытство и незнакомое волнение — неужели к нему наконец-то пришел давно ожидаемый успех? Проныру не заботило, кому принадлежит дом, в который они собираются проникнуть, он больше тревожился, как бы его приятели не наделали глупостей и как бы введливый гном не попытался надуть их при расчете. Начнет твердить, мол, нужную вещь не нашли и договор

расторгнут. Скарედные они, эти гномы, воды в дождь не допросишься, а у самих в Чамгане, как говорят, полные подвалы золота накоплены. Все им мало, только и думают, где бы еще добыть! Одно слово — нелюди. Нелюдя и обмануть не жалко, только как бы это половчее устроить? Надо намекнуть Аластору, он сообразительный, авось придумает.

* * *

Конану ни разу в жизни не доводилось оказываться в столь богатых домах, и посему он испытывал настоящие мучения. Очень хотелось рассмотреть обстановку повнимательнее, но в нынешнем предприятии на него возлагалась роль охранника и сторожа. Он честно пытался ее выполнять, однако любопытство постоянно оказывалось сильнее.

Дом, куда они попали, выглядел как настоящий дворец.

Во всяком случае, именно такими в представлении Конана рисовались прославленные дворцы Полуденных стран. Даже особняк городского советника Намира, куда они с Джаем наведались не далее, как два дня назад, изрядно проигрывал по сравнению со тутошним великолепием. Здешний хозяин, похоже, мог выполнить любую свою прихоть. Даже приказать обтянуть стены разноцветным шелковыми тканями. Интересно, для чего?

— Здесь живет сорока в человеческом облике,— бросил Хисс, обшаривавший высокий

шкаф черного дерева с многочисленными ящиками.

— Почему сорока? — немедленно уточнил Конан. — Мне кажется, тут... — он запнулся в поисках подходящего слова; — ...красиво.

— Слишком криливо, слишком блестяще, слишком много золота, истраченного напрасно, — снисходительно отозвался рыжий, выковыривая ножом заупрямившийся ящик. — Денег у владельца завались, только воображения не хватает. Нельзя на красную стену вешать оранжевый ковер, вдобавок цеплять на окна зеленые шторы и лепить повсюду золоченые карнизы. Конечно, получается ярко, но совершенно безвкусно. Глаз режет.

— Не понимаю, — честно признался Конан.

— Так может выглядеть дорогой бордель, а не приличный дом, — ящик сдался, выплунув пригоршню разномастных украшений. — И безделушки такие же — ценные, но донельзя аляповатые. Интересно, к кому мы наведались? Будь другом, кинь сюда мешок — вон тот, на кресле валяется.

Убедившись, что Ши не заблуждается и в нижних помещениях нет ни одной живой души, компания осторожно поднялась на следующий этаж. Альбрехт с ними не пошел, отговорившись необходимостью караулить дверь в подземный ход.

Наверх вела широченная лестница бело-желтоватого мрамора, украшенная вазами, в которых росли цветы — с первого взгляда настоя-

щие, со второго — искусно вырезанные из цветного камня. Площадки между пролетами охраняли бронзовые статуи, слегка тронутые зеленоватой патиной — лежащие и сидящие пантеры. Таких площадок насчитывалось ровно три. Преодолев их, маленькое незванное сообщество рассыпалось по комнатам, обшаривая на предмет вещиц, представляющих ценность.

Джай и Аластор разыскивали тайники, Ши и Хисс под охраной Конана потрошили сундуки и туалетные шкафчики, перебрасывая их содержимое в мешки и уделяя особое внимание любым флаконам.

Таких попадалось множество — совсем крохотных и побольше, заполненных непонятными жидкостями, хранящихся в отдельных шкатулках и просто стоящих на столах. Сначала хватали все подряд, потом Аластор высказал дельную мысль, что самые ценные наверняка отложены отдельно. После этого начали собирать только футляры и коробочки — пусть Альбрехт сам выбирает, что ему нужно. Когда набирался мешок, Ши убегал вниз, относя добычу гному. Тот, бурча под нос нечто неразборчивое, возился со сверкающе-звонящей горкой, нависая над ней, как сказочный демон над своими сокровищами.

— Альс, подойди-ка сюда, — Хисс стоял у высокого окна, завершавшегося изящно выгнутой на туранский манер аркой, и, отодвинув багрово-алую штору, всматривался в темноту. Аластор, только что отыскивавший за большой картиной с весьма игривым сюжетом подозрительный

камень, слегка отличавшийся по цвету от соседей и собиравшийся проверить, не прячется ли за ним какого секрета, с неохотой оторвался от своего занятия. — Посмотри, какой туман.

За окном колыхалось пепельно-черное марево, сквозь которое иногда с трудом пробивался блеклый лунный свет.

— Откуда он взялся? — недоуменно спросил Хисс. — Чтобы летом в Шадизаре туман? Его и осенью не часто увидишь! Вдобавок, когда мы болтались возле Трезубца

— Никаким туманом не пахло, — закончил Аластор.

— Угу, — рыжий оглянулся и перешел на почти неслышный шепот: — Я слышал, вы с Малышом пытались прикинуть, в какую сторону мы идем. Так вот, я поразмыслил... В окрестностях Чамгана нет таких дворцов. Сомневаюсь, чтобы в нашем убогом городишке вообще кто-то владел подобной роскошной игрушкой, а, владея, оставил без присмотра. Если хозяева отбыли на лето в горы, то где сторожа? Почему мебель не в чехлах? Такое чувство, что миг назад здесь околачивалась сотня человек, но, услышав нас, попряталась. Признаться, я несколько сбит с толку. Нашему сегодняшнему улову позавидуют все, но нужно еще выбраться отсюда...

— Не доверяешь Альбриху?

— Я вообще никому не доверяю, — пожал плечами Хисс. — А гномам — больше всего. По-моему, пора сматываться. Мы ведь не сможем унести весь дворец.

Аластор нахмурился, став похожим на нахолившегося ястреба. Размышлял он недолго, а поступил и вовсе неожиданно, вместо разумного предложения спросив:

— Ты помнишь Ларка?

— Белобрысого? — уточнил Хисс. — Гончую? Конечно. Он со своими оболтусами частенько заглядывал к нам в "Нору", посидеть, поболтать.

— Когда ты видел его в последний раз?

Хисс пожевал губами, уточняя.

— С поллуны будет. При чем тут Ларк?

— Может, и не при чем, — задумчиво протянул Аластор. — Витали разные слухи... Их компания вдруг стремительно пошла в гору, при том условии, что никаких крупных дел они не проворачивали. Прошлой луной, в самом конце весны, я как-то заглянул в "Золотой павлин", ты его знаешь, трактир возле площади Скачущих Коней. Там как раз околачивался Силли, дружок Ларка. Золото у него аж из задницы сыпалось. После второго кувшина шемского он начал плести какую-то околесицу о дворцах, откуда они вынесли все до последней монетки, и дверях, ведущих в небывалые места.

— Гм, — Хисс выглядел озадаченным. — А дальше?

— Дальше пересказываю со слов Ши и за точность не ручаюсь. Одна из танцовщиц в "Павлине", некая Элата — его подружка. У Элаты есть приятельница из тамошних красоток, Ньяра. Она девушка Гончей. Около трех седмиц назад Ларк примчался в трактир, и, по словам Элаты,

вид у него был как у человека, увидевшего собственную смерть. Он швырнул хозяину с полтысячи золотых, объявил, что выкупает контракт Ньяры, и, не дав ей даже толком собраться и попрощаться, утащил с собой. Больше их в городе, как я понимаю, не видели. Силли с тех времен странствует по кабакам Нарикано и Скены, беспробудно пьет и через слово поминает злобных духов. Прочие люди из компании Ларка исчезли. Остальное додумывай сам.

— Может, поссорились с кем и их того? — Хисс выразительно отчеркнул ребром ладони по горлу. — А Ларк забрал девчонку и дал деру, пока его не прикончили. Или наоборот, разжились деньжатами и решили перебраться в местечко получше, чем Шадизар.

— Возможно, возможно, — Аластор покосился в вязкую муть за окном. — В этом ворохе трактирной болтовни меня крайнестораживает упоминание о невиданных сокровищах, хранящихся в несуществующих дворцах.

— А про гномов Силли не говорил? — проявил способность к увязыванию разрозненных сведений Хисс.

— Про гномов — нет, — разочаровал его Аластор. — Ладно, будем начеку. Авось, все обойдется. Чудовища пока из стен не лезут и разъяренные хозяева тоже не показываются.

* * *

В дверь сунулся Джай, возившийся в соседней комнате, и с ехидной ухмылкой позвал глянуть,

что он обнаружил. Его находка, к сожалению, не двигалась с места, но внимания заслуживала — огромное, человек на пять или шесть, роскошное ложе, стоявшее на возвышении, застеленное отрезами шелка и пестрыми леопардовыми шкурами. Вычурная изогнутая спинка красного дерева с позолотой, витые столбики по углам, бархатные складки балдахина...

Хисс восхищенно засвистел, и именно в этот миг, ни раньше и ни позже, компания увеличилась на одного человека.

Возле изголовья гигантской кровати открылась низкая дверца, из нее, наклонив голову, выбрался человек, аккуратно закрыл створку и выпрямился. Узрев пялившееся на него общество, панически ойкнул и совершил ошибку — вместо того, чтобы попытаться юркнуть в тайный ход, которым пришел, бросился к дверям.

На пути беглеца оказался Ши, а замориец всегда таскал с собой маленький увесистый мешочек, под завязку наполненный обычным песком и болтавшийся на длинном ремешке. Неизвестный даже не успел понять, что прилетело ему в висок, отправив пряником в страну снов. Ши на лету подхватил падающее тело и обрадованно провозгласил:

— Мне везет! Девчонка!

Критически оглядев трофей, уточнил:

— Причем хорошенькая.

Незнакомка, так невовремя появившаяся в спальне, походила на уроженку Кофа — чернявая, пухленькая и довольно смазливая. Одета в

полупрозрачную ярко-голубую тунику, перехваченную в талии серебряным пояском, она выглядела весьма соблазнительно.

— А твердил: никого нет, никого нет,— с досадой бросил Джай.— Ладно, свяжите ее, заткните рот и положите куда-нибудь.

Ши пристально рассматривал потерявшую сознание девушку и совсем не торопился выполнять приказание. Наоборот, его подвижная физиономия приобрела на редкость мечтательное выражение.

— Честное слово, я насквозь вижу, что за гнусные замыслы роятся в твоей голове,— укоризненно протянул Аластор.— Оставь бедную крошку в покое. Ты не забыл, зачем мы сюда пришли?

— Может, я встретил мечту всей жизни,— Ши уложил незнакомку на кровать и осторожно похлопал по щеке.— Слушайте, имейте хоть каплю совести! Когда мне доведется снова угодить в столь роскошное местечко?

— В "Алмазном водопаде", уверяю тебя, ничуть не хуже... — начал Хисс.

— Ага, только ночка там стоит больше, чем мне удастся добыть за год,— Ши умоляюще воззрился на Проныру.— Я быстро! Ну будь человеком!

Джай сокрушенно махнул рукой.

Проще разрешить, чем связываться, иначе хлынет целый ливень жалоб на несправедливость и горькую судьбу. Ши возликовал, затормошил медленно приходившую в себя девицу и

окликнул неодобрительно взиравшего на происходящее Конана:

— Волосатик, как насчет компании?..

— Что-о? — удивительно, сколько эмоций можно вложить в одно короткое словечко. Преобладали отвращение и искреннее презрение к намерениям приятеля.

— Говорят, варвары имеют все, что шевелится и относится к женскому полу,— беспечно отозвался Ши, успевший расстегнуть пояс девушки и теперь возившийся с ее туникой.— Разве нет? Тогда ты какой-то неправильный варвар.

Аластор остановил угрожающе шагнувшего вперед Конана и небрежно заметил:

— Возможно, мой друг, неверно именно твое представление о варварстве. Малыш у нас противник насилия по отношению к слабому полу. А тебе, Ши, кастрация изрядно облегчила бы жизнь. Представляешь, скольких неприятностей ты избежал бы в будущем?

— Пошел знаешь куда? — раздраженно огрызнулся Ши. Он умудрился запутаться в складках просторного одеяния незнакомки и, не мудрствуя, разорвал тонкую ткань на полосы.

Красотка наконец очнулась. Испуганной она не казалась, скорее, донельзя изумленной и растерянной. Вяло попыталась отпихнуть Ши, не преуспела и заплетающимся языком спросила:

— Как вы сюда попали?

— Через дверь, моя прелесть,— отозвался Ши, бесцеремонно перекатывая слабо отбивавшуюся девицу на живот.— Ты бы помалкивала, идет?

Эти господа сейчас удалятся... Сгиньте, в конце концов! Тут что, балаган?

— Скорее, зверинец,— съязвил на прощание Хисс.— Желаю удачи. Потребуется помощь — зови, не стесняйся.

Компания, похохатывая, вывалилась за дверь. Замешкавшийся Хисс собирался оставить щелку, дабы, выждав момент, слегка подпортить Ши удовольствие, но Джай прогнал его осматривать комнаты дальше по коридору.

* * *

Аластор вернулся к столь заинтересовавшему его камню в облицовке стены. Помаявшись в коридоре и убедившись, что никакой опасности не предвидится, Конан забрел посмотреть на взломщика за работой.

Неуверенно присел на хрупкого вида кушетку с выгнутыми ножками — та угрожающе хрустнула — и замер, не забывая иногда поглядывать вдоль длинной анфилады покоев.

Альс не обращал на зрителя никакого внимания. Он, насвистывая, рассматривал каменную плиту, иногда постукивая по ней странного вида инструментами. Обрадованно кивнул и занялся совершенно непонятным делом: осторожными движениями словно раздвигал натянутую перед стеной паутину.

Дождавшись, когда Аластор сделает перерыв, Конан полюбопытствовал:

— Там, в стене, что-то спрятано? Почему ты просто не вытащишь камень?

— Потому что он защищен,— весело отозвался Аластор. Он несколько раз быстро сжал и разжал кулаки, и снова принялся за уборку невидимых нитей.

— Чем? Я ничего не вижу.

— Тут что-то вроде охранного заклинания,— взломщик совершил неудовимо-стремительное движение кистью.— Сейчас попробую сделать его видимым.

В воздухе постепенно возникли мерцающие очертания переплетенных тонких жгутов — красных, синих, ярко-желтых. Они выныривали прямо из каменной толщи, частой сетью опутывая тайник. Аластор сумел проделать в бледно светящейся завесе пару отверстий, достаточных, чтобы пропустить человеческую руку, и теперь неспешно вертел в крохотной замочной скважине какими-то проволочками и хитроумно изогнутыми крючками.

— Это магия? — настороженно спросил Конан.— Ты в ней разбираешься?

— Слабенькая,— Аластор резко провернул проволоку в замке, добившись тихого щелканья.— И знаю я о ней ровно столько, чтобы уловить ее присутствие и понять, хватит ли у меня ума с ней справиться, не подняв на уши весь город... Готово,— последнее слово он произнес нараспев, довольный своими умениями.— Не слышу восхищенных кликов толпы.

Он отодвинул в сторону толстую дверцу, сработанную из нескольких железных листов и накрытую снаружи каменной плиткой. Цветные

нити начали быстро меркнуть, растворяясь. Аластор заглянул в открывшийся тайник и аккуратно выволок из него большую плоскую шкатулку, обтянутую синим сафьяном. Шкатулка закрывалась на обыкновенный позолоченный крючок, внутри нее в бархатных гнездышках красовались пять флакончиков, выточенных из цельных ограненных камней. Содержимое флаконов искристо поблескивало, переливаясь всеми оттенками розового и золотистого.

— Спорим, лысый коротышка охотился именно за этим?

Поставив коробку на низкий столик, Аластор на всякий случай еще раз пошарил в секретном ящике и присовокупил к добыче круглую хрустальную склянку, сделанную в форме апельсинового плода. Наполнявшая ее густая жидкость имела сочный оранжевый цвет. Аластор вытащил граненую пробку, понюхал и сдавленно чихнул.

— Похоже на туранские ароматические снадобья для женщин,— сообщил он.— На мой вкус, чрезмерно приторно и слишком много мускуса.— Подбросил флакон в ладони и отправил в мешок на поясе, решив: — Отдам Ферузе, может, ей понравится.

— А что ты скажешь Альбриху? — не преминул напомнить Конан.

— Ничего,— искренне удивился взломщик.— Если ты не будешь болтать, он останется в блаженном неведении и не обеднеет от потери одной крохотной бутылочки. Ведь так?

— Но...

— Малыш, Малыш,— тон Аластора обрел язвительно-сочувственные нотки.— Твоя варварская честность тебя погубит. Сдается мне, ты свалился на наши бедные головы с единственной целью — служить ходячим укором совести. В этом городе нужно заботиться прежде всего о собственной шкуре и собственном кошельке, прочие подождут. И не надо взирать на меня так укоризненно. Я все-таки прожил на свете побольше тебя и знаю, что говорю.

— Вот интересно,— обратился к распахнутому ящику Конан,— как запоеет этот тип, узнав, что беда грозит его подружке?

— Уел-таки,— с натянутым смешком признал взломщик и немедленно отомстил: — Кстати, позволь узнать, как ты умуляешься обходиться без общества таковой особы? Неужто страшные подозрения Ши имеют под собой основу?

— Не твое дело,— огрызнулся Конан и вовремя прикусил язык, чтобы не спросить, о каких именно подозрениях на его счет распространяется Ши. Он выяснит это лично и отучит кое-кого распускать слухи.

— Ой, какие мы страшные и грозные,— Аластор скорчил испуганную рожу.— Ладно, пора. Ничто не длится вечно, особенно благосклонности удачи.

Он подхватил найденную шкатулку и захлопнул язгнувшую дверцу тайника.

Хисс, дожидаясь сбора компании, устроился на перилах лестницы и по всегдашней привычке

ке вертел нож между пальцами. На вопрос, где Джай, ответил указующим кивком и вопросительно глянул на синюю коробку, принесенную Аластором.

Тот жестом базарного фокусника поднял крышку.

— Считаю до трех! — прилетел из глубины коридора рассерженный голос Проныры. — Иначе останешься здесь! Раз, два...

— Ши явно увлекся, — вполголоса заметил Хисс, оценивающе рассматривая сверкающие флаконы.

— Три! — рявкнул Джейвар. Стукнула закрывающаяся дверь, донеслись неразборчивые причитания оправдывающегося Ши. Вскоре показался сам источник неиссякаемой болтовни и жалоб, подгоняемый тычками в спину, но ухмылявшийся от уха до уха.

— Она хоть жива, эта бедная девочка? — скорбно осведомился Аластор.

— Спросил бы лучше, жив ли я, — Ши обалдело потряс головой. — Думаешь, чего я там вошел? Она меня не отпускала!

— Врет в глаза друзьям и не краснеет, — возмутился Хисс.

— Зато ты скоро лопнешь от зависти, — с достоинством отпарировал Ши.

Препираясь и делясь впечатлениями, общество достигло средней площадки между пролетами, когда наверху раздался пронзительный, режущий уши визг. Ши вздрогнул и съехался, остальные недоуменно переглянулись.

На всходе появилась растрепанная женская фигурка, кутавшаяся в обрывки голубой туники. Девушка вопила, не переставая, сжимая в высоко поднятой правой руке нечто вроде ярко-красного яблока или кристалла, окруженного аурой радужного сияния.

Размахнувшись, она изо всей силы треснула загадочным предметом по выпуклому лбу бронзовой пантеры. Алое яблоко разлетелось брызгами или осколками, издали не разглядеть. Девушка качнулась, плюхнулась на ступеньки и истерически захохотала, всхлипывая и стуча босыми пятками по мрамору. Ее неразборчивые и яростные крики внезапно превратились в отчетливые слова:

— Трепло! Евнух несчастный, вот ты кто! Ремень моченый, кишка болтающаяся!..

— Что ты с ней сделал? — голосом разгневанного папаши спросил Хисс, поворачиваясь к приятелю. — Или не сделал?

— Н-ничего... — пробормотал Ши.

Он испуганно попятился, оступился и, потеряв равновесие, загремел вниз, растянувшись на площадке и свалив вазу с каменными цветами. Разумеется, она просвистела в волоске от головы заморийца, щедро осыпав его черепками. Джай обреченно возвел глаза к небу, точнее, к заменявшему его потолку, украшенному живописной фреской с изображением штормового моря и летящего прямо на скалы корабля. Ши, надо отдать ему должное, умеет находить себе приложения!..

— Она шевелится,— очень спокойно произнес Конан. Ему не понадобилось повышать голос, чтобы быть услышанным.

— Кто? — не понял Джай.

— Пантера,— ответил неожиданно помрачневший Аластор.— Статуя.

— Че-го? — Джай решил, что ослышался или эта парочка выбрала крайне неподходящее время для шутки.

— Она живая! — истошно завопил Хисс и, прыгая через две ступеньки, ринулся вниз. Девушка торжествуя заулюлюкала. Ши с трудом поднялся на четвереньки, сел и обхватил голову руками, потеряв всякий интерес к окружающему миру.

Темно-желтая, в разводах зеленоватой патины скульптура, мирно лежавшая на низком гранитном пьедестале, медленно поднялась на ноги, потянулась и зевнула.

Она не обросла положенной черной шерстью, оставаясь гладкой бронзовой отливкой, отчего ее клыки и когти выглядели вдвойне опаснее.

Всклокоченная девушка толкнула пантеру в металлический бок, указывая на грабителей. Зрачки огромной кошки, сделанные из шариков прозрачного янтаря, скозились влево-вправо, замерли на кучке толпящихся внизу людей. Животное рыкнуло — словно неподалеку часто забил медный гонг.

Зверь мотнул коротким хвостом и сделал первый шаг. Мрамор проседал под его тяжестью, покрываясь сетью разбегающихся трещин.

— Бежим,— отчетливо проговорил Аластор, изо всех сил ударяя в бок Джейвара, застывшего на месте с полуоткрытым ртом и выпученными глазами. Пронрыра очнулся и, нащупывая ступеньки, начал спускаться, не в силах оторвать взгляд от тяжеловесно-грациозного существа. Девушка, перегнувшись назад, подтащила к себе громоздкий железный ящик, достала еще одно яблоко и вызывающе помахала им.— Ши, вставай! Вставай, тебе говорят! Надо удирать!

Ноги и глаза Ши упрямо разъезжались в разные стороны, однако с помощью Джая он заковылял по лестнице. Пантера достигла верхней площадки и припала на передние лапы, готовясь к прыжку.

— Малыш, не геройствуй! — отчаянно взвыл Аластор, поняв намерения своего спутника.— Она тебя растопчет и не заметит!

— Подумаешь, кошка-переросток,— пренебрежительно бросил Конан.

"На редкость точное и краткое описание как варварского взгляда на мир, так и собственного характера,— успел подумать Аластор.— Феруза права, впрочем, она всегда права... Мальчик не случайно пришел в город и не случайно наткнулся именно на нее".

Снизу донесся вопль Хисса, сообщавшего, что Пронрыра и Ши благополучно добрались и умолявшего остальных пошевеливаться. Девушка свесилась через перила и с явным удовольствием созерцала побоище. Аластору смутно показалось, будто он слышит топот многих приближа-

ющихся ног. Вопли оскорбленной невинности наконец достигли слуха обитателей таинственного дворца, значит, вот-вот пожалуют охранники.

Встречаться с ними совершенно не хотелось. Вдобавок только что раздался звон разбившегося стекла. Похоже, спятившая девица оживила вторую пантеру.

Бронзовый зверь и человек сцепились, покачивались по ступенькам и застряв на нижней площадке головоломным переплетением дергающихся рук, ног и лап. Взломщик удачно проскользнул мимо них, устремляясь через просторный входной зал к распахнутой двери в подземный ход.

Позади раздавался звенящий клич животного и срывающиеся вопли Конана, выкрикивавшего что-то на своем жутчайшем наречии. В дверном проеме яростно и неразборчиво голосил Джай, отталкивая Альбриха, вцепившегося в кольцо и пытавшегося закрыть створку.

Аластор добежал до них, зло врезал гному по костяшкам пальцев ребром шкатулки — удивительно, как она не потерялась в суматохе. Альбрих взвыл, отпустил медное кольцо и прижал ладонь ко рту.

Коробка полетела к опешившему Джаю, а Аластор помчался обратно, кляня себя всеми последними словами, какие только знал.

Конан умудрился вцепиться пантере в выемку на горле и медленно, страшно медленно отжимал назад лязгающую металлическими клыками голову. Они до ужасающих мелочей похо-

дили на набивший оскомину сюжет аллегорических статуй — человек, сражающийся со зверем.

— Ты идиот, — в последний раз напомнил себе взломщик, прикинул расстояние и собственные возможности, оттолкнулся от перил и взвился в воздух. — Времена подобных трюков давно канули в прошлое! Ты сейчас шею себе свернешь, придурок!..

Каблук сапога Аластора с коротким хряском ударил в левый глаз животного, отбросив зверя назад.

Ярко-желтый янтарный шарик, вращавшийся в бронзовой глазнице, треснул и рассыпался. Пантера взревела так, что дрогнули стены, и судорожно замолотила передними лапами. Конан увернулся, лихо сиганув через перила. Аластор, неуклюже приземлившись после на редкость удавшегося прыжка, не сумел повторить его успех. Мелькнувшая рядом гигантская лапа с растопыренными когтями швырнула его через весь лестничный пролет, туда, где начинались темнота и тишина.

...Первое, что увидел взломщик, придя в себя — единственный золотистый зрачок, пристально уставившийся ему в лицо. Над глазом начинался покатым гладкий лоб, под глазом тянулся расширявшийся нос, обрывавшийся в приоткрытую пасть. Из пасти торчали клыки — по два сверху и снизу, еще штук пять между ними, а также шевелился загнутый вверх лепесток языка. Полагающаяся пена с зубов не капала — статуи лишены такого свойства.

— Кис-кис,— выдавил Аластор. Пантера издавала звучное шипение, более подходящее змее. Взломщик открыл рот, не зная, что лучше сделать — заорать или выругаться. Он валялся на полу, урчащая зверюга громоздилась над ним, опустив морду к самому его лицу, и жить ему оставалось от силы мгновение.

То самое мгновение, которое порой способно растянуться до бесконечности и в которое полагается вспоминать прожитые годы, совершенные ошибки, неоплаченные долги и невыполненные клятвы.

Чья-то нога пнула животное между глаз, одновременно рванув Аластора за воротник жилета. Мягкая замша угрожающе затрещала, но выдержала. Он успел заметить стремительно пролетающие мимо косые белые и зеленые клетки пола, услышал вой Конана, со всего размаху треснувшего лбом о низкую притолоку двери, когда они ворвались в спасительный коридор. Конан врезался в кого-то, не устоял на ногах и упал, придавив пытавшегося сесть Аластора.

* * *

— Это называется — "пустой дом, охраны нет, никаких забот, просто войдите и возьмите, что приглянется"? А как насчет этих кошечек?

Орал Джай. Орал самозабвенно, брызгая слюной, и, надо заметить, высказывая совершенно справедливые обвинения.

— Мы, почтеннейший,— яда, вложенного в это слово, хватило бы на отравление всего город-

ского совета Шадизара,— как ты, наверное, заметил — воры! Мы воруем, ведомо тебе такое занятие? Если тебе нужны гладиаторы или бойцы, так это не к нам обращаться нужно! Мы такими делами не занимаемся! Не обучены!

— Джай, у меня от твоих криков голова раскалывается. Прекрати,— заикнулся Аластор, чем только дал Джейвару повод к новому всплеску ярости.

— Кстати сказать! Ты, недомерок! Ты ж едва не угробил моих людей! Залопотал, что все пропало, и полез закрывать дверь, зараза приплюснутая, с рождения молотом по башке шарахнутая!

Альбриху, наверное, никогда в жизни не доводилось выслушивать от человека — в представлении гномов, существа неизмеримо более низшей расы — таких оскорблений, однако он безмолвно терпел нападки Проныры. Бледнел, наливался дурной краснотой, тербил вислые усы, но молчал, терпеливо ожидая, когда Джай выдохнется. Тот напоследок прошелся по родословной подземных карликов вообще и Альбриха в особенности, перевел дыхание и закончил ожидаемым:

— За такие развлечения — двойная плата!

— Идет,— гном уронил первое слово после того, как захлопнулась дверь.

Джай обвел компанию торжествующим взглядом и его радость по поводу удачно заключенной сделки лопнула, как непрочный мыльный пузырь. Плохо различимое в отсветах масляного

фонаря, стоявшего на полу, сообщество выглядело весьма неважно. Убедившись, что находятся в безопасности, задышающиеся господа грабители попадали, кто где стоял, и только теперь начинали шевелиться.

Хисс физически не пострадал, но зрелище оживающих статуй оказало на него столь сильное впечатление, что теперь он сидел, бессмысленно пялясь в стенку напротив и мелко вздрагивая. Ши, изрядно приложившегося головой, тошнило, причем содержимое желудка он извергал в непосредственной близости от сапог Аластора, отличавшегося повышенной брезгливостью. Взломщик, скривившись, с трудом отодвинулся подальше и охнул — он подвернул ногу, а потом на него рухнул споткнувшийся Конан. Варвар, сидевший напротив, угрюмо молчал, хотя ему тоже пришлось несладко: выдергивая Аластора в буквальном смысле этого слова из пасти пантеры, он вывихнул плечо.

— Сборище калечных и увечных, — подал голос Аластор, не способный долго предаваться унынию. Вытянув здоровую ногу, он толкнул Конана: — Конан! Эй, очнись!

Конан, за время недолгого житья в Шадизаре успевший смириться с потерей имени, не сразу понял, что обращаются именно к нему.

— С меня долг, — невозмутимо заявил Аластор. — Только в пределах разумного. Ши, хватит изображать фонтан! Извини, от тебя несет, как от дохлой клячи, денька три жарившейся на солнце. Когда выберемся, напомним, чтобы я тебя

охластил, ты этого вполне заслуживаешь, ибо от тебя, как выяснилось, все равно никакого толку. Хисс! — цепляясь за гладкую стену, взломщик поднялся на ноги, допрыгал до Хисса и пощелкал пальцами у него перед глазами. — Хисс, время делать деньги! Кошки убежали, мыши отправляются гулять! Кто-нибудь видит шкатулку синего цвета? Ау! Кто меня слышит, отзовитесь!

Искомая шкатулка валялась рядом с Джаем. Ее подняли, отряхнули от пыли и вручили Альбриху. Приподняв крышку, гном глянул внутрь и внезапно запыхтел, точно сердящийся еж. Сквозь пыхтение донеслось:

— Господин Джай!

Проныра, которого считанные разы в жизни именовали "господином", немедля вырос в собственных глазах по меньшей мере на длину пальца.

— Я буду платить вам в... в три раза больше, — природная скупость гномьего племени вынужденно отступила, но немедля отвоевала себе новые позиции: — Если впредь вы согласитесь выполнять мои поручения.

— Всякий раз рискуя быть съеденными, зарезанными, утопленными и разделанными на кусочки? — въедливо уточнил Джай.

— Риск — неотъемлемая часть вашего, как вы изволили выразиться, занятия.

Старый гном, как выяснилось, отлично знал язык людей и умел говорить на нем без всяких ошибок. Джейвар растерянно оглянулся, не зная,

как поступить. Служба у обитателей Чамгана сулила небывалую выгоду, но если каждый раз придется переживать эдакую свистопляску, когда неизвестно, что тебе свалится на голову в следующий миг? Наверное, разумнее сесть и обдумать предложение всем вместе. Да, так и ответим: надо поразмыслить.

— Один вопрос,— Хисс поднял голову, откинув назад рыжие пряди, и намертво сцепил руки перед собой в замок, чтобы не тряслись. Однако с голосом он ничего поделать не смог, потому говорил, слегка заикаясь: — Что случилось с Ларком и его ребятами? Они тоже выполняли для вас поручения? Куда вы их засунули? В царство мертвых?

— Не знаю никакого Ларка,— отрезал Альбрех.

Джай недоуменно нахмурился, пытаясь сообразить, к чему клонит Хисс. Ларк? Какой Ларк? Тип, звавший себя Белой Гончей? Разве с ним что-то произошло?

Раньше он забегал в "Нору" на огонек. В последнюю луну запропал, так мало ли хлопот у человека?

— Хорошо, спрошу по-иному — кому принадлежит дом, который мы навестили? — не отставал Хисс.

— Какая разница? — сухо ответил гном.

Он наклонился, поднял фонарь и, полностью отодвинув заслонку, посветил в конец коридора. Дверь с медной кошачьей мордой исчезла. Подземный ход теперь завершался тупиком.

— Иногда проще не задумываться над тем, что видишь,— многозначительно провозгласил Альбрех. Его торжественную речь испортил зашедшийся в надрывном кашле Ши.

— Пойдем отсюда,— здраво предложил Конан, поднимаясь и заставляя разогнуться скорчившегося в три погибели Ши.

Альбрех повернулся, и, не говоря больше ни слова, зашагал по подземному ходу, переваливаясь на коротких ногах. Раскачивающийся фонарь бросал на непроглядно-черные стены размытые светлые блики.

— Дать бы ему по черепушке за то, что втянул нас в эдакую заварушку,— приглушенно высказал общее кровожадное желание Хисс.— Так ведь на следующий день зайвится орава его ближних и дальних родственников с топорами наперевес, и потребует возмещения — хоть золотом, хоть жизнью. Джай, на кой ты согласился и нас с собой потащил? Острых ощущений не доставало?

Ответ Джейвара вряд ли заслуживал названия вежливого или вразумительного.

Его горячий неразборчивый монолог не прерывался вплоть до возвращения маленького сообщества на склад господ Фарсула и Компаньонов.

Только там, получив с гнома положенную мзду, заявив, что никогда более не свяжется с подгорным народцем и дав невнятное обещание подумать над предложением Альбреха, Проньра слегка успокоился.

Они расстались возле Трезубца: гном посеял к стенам Чамгана, люди, поддерживая друг друга, направились к дому, то есть к трактиру "Уютная нора". Стоило Альбриху исчезнуть из вида, как Ши, словно по волшебству, перестал давиться рвотой и жаловаться на раскалывающуюся голову. Джай заподозрил, что воришка устроил это представление с некоей целью и, добившись ее, унялся. Неужели у Ши хватило глупости стащить что-то у гнома? Впрочем, руки у Ши орудуют независимо от головы — сперва крадет и только затем смотрит, что именно прихватил.

Взгляд в будущее: Аристократка

Огромная дорожная карета, называемая в Аквилонии "шермез", вся в завитушках, позолоте и гербах, ранним летним утром вползла в Карпашские ворота славного города Шадизара. Карету тянула шестерка внушительного вида немедийских тяжеловозов соловой масти, чьи подкованные копыта выбивали в песчаной почве углубления размером с хорошую тарелку.

Дремлющие на ходу стражники вечерней смены и раздраженные необходимостью приступить к выполнению долга стражники утренней смены высыпали из караульного помещения и столпились в отдалении, взирая на явившееся чудо со смесью недоверия и восторга. Нищие, разворачивавшие драные коврики и расставлявшие чашки для подающих, позабыли всегдашние ссоры из-за

лучших мест, замолчали и выпученными глазами уставились на блистательный, хотя и несколько запыленный экипаж. Две зевавшие девицы легкого поведения, молочница и водовоз, направлявшиеся по своим делам, остановились и недоуменно потрясли головами, точно не веря увиденному.

Тяжеловозы протащили отчаянно скрипящую обитыми железом колесами карету через въездную арку и послушно замерли напротив входа в изрядно обветшавший одноэтажный дом, принадлежавший таможенной управе. На красноречиво требовавшее ремонта перекошенное крыльцо выскочил предупрежденный кем-то из подчиненных капитан стражи и застыл, разинув рот и ошалело моргая.

Вслед за каретой показались сопровождающие — десяток мрачно настроенных громил, лязгавших роскошными позолоченными доспехами офирской чеканки (таможенник громко сглотнул, подавившись завистью), щеголявших алыми плащами с вышитыми гербами и восседавших на длинноногих породистых конях, выращенных на холмах Зингары. Всадники косились вокруг с плохо скрываемым отвращением. Судя по тому, как они держались в седлах и вели себя, компания точно не вчера узнала, с какой стороны рукоять у меча и никогда в жизни не опускалась до подрабатывания вышибалами в кабаках.

Старший отряда — плотного сложения коротко стриженный блондин со взглядом наемного убийцы, которому давно приелось его ремесло —

поравнялся с дверцей шермеза и коротко кивнул одному из головорезов. Тот тронул коня с места, подъехав к крыльцу и сверху вниз глянул на обалдевшего капитана таможни.

— Ты заправляешь этой лавочкой? — равнодушно поинтересовался он.

Таможенник судорожно закивал, ибо язык решительно отказывался шевелиться.

— Госпожа, три ее дамы, десять человек стражи, шестнадцать лошадей, — лениво перечислил охранник, смотря поверх головы шадизарского вояки. — Товаров на продажу нет, цель поездки — визит госпожи к ее друзьям. Сколько?

— Чего — "сколько"? — растерянно пробормотал таможенник.

— Сколько за въезд в сточную канаву, которую вы зовете городом? — у телохранителя неведомой дамы хватило сил проявить снисходительность.

— Э-э... — ожившая часть разума капитана робко заикнулась о том, что стоит увеличить положенную мзду разика так в три, но по здравому размышлению признала эту идею негодной. — Э-э... Сто двадцать туранских империалов, господин. Или, если предпочитаете, двести немецких талеров... — к концу краткой речи осипший голос таможенника превратился в точное подобие овечьего блеяния.

Охранник вытянул из-за пояса увесистый кожаный мешочек и с видом величайшего одолжения выпустил его из руки. Таможенник не успел поймать кошель, и тот плюхнулся в пыль. На-

гнуться и подобрать замориец не решился, поедая стражника взором преданной собаки.

— Где тут самая приличная гостиница? — сквозь зубы процедил человек в алом плаще.

— Э-э... — на капитана таможни опять напала немота, но, совершив нештучный подвиг, он сумел внятно произнести: — Прямо по этой улице, господин, третий поворот налево и немного вверх по склону. Называется "Рубиновая лоза"...

Договаривал он в пустоту — охранник толкнул коленями лошадь, одарившую таможенника надменным фырканьем, и возвратился к своим. Возница, выслушав указания, защелкал вожжами по крупам тяжеловозов, те вздохнули, налегли на постромки и повлекли карету далее.

Площадь перед Карпашскими воротами, наминавшая выставку раскрашенных гипсовых фигур, ожила, как по мановению магического жезла. Нищие, шлюхи и торговцы вспомнили, что намеревались заняться приготовлениями к начинающемуся дню, караульные, обменявшись утренними сплетнями, разошлись, а капитан стоял на крыльце и смотрел вслед шермезу и его эскорту, промелькнувшим, как сказочное видение.

Его заставило очнуться настойчивое подергиванье за рукав. Обернувшись, он увидел затуманенные и съехавшиеся от удивления к переносице глаза одного из своих десятников.

— Кто это был? — десятник поднял мешочек с деньгами и всучил его пребывавшему на грани яви и сна начальнику.

— Понятия не имею, — честно признался таможенник, и тяжелый кошель снова выскользнул из его ослабевших пальцев.

Чуть позже он вошел в убогую комнатку, служившую ему приемной, раскрыл потрепанную книгу записи проезжающих, присовокупив к ней обгрызенное перо и грязную баночку, на дне которой бултыхались остатки чернил. Закусив от мысленного напряжения губу, он коряво вывел на чистой странице: "Неизвестная дама с десятью сопровождающими приехала к друзьям" и вяло прикинул, какова может быть на вид эта женщина. Она ведь даже не соизволила выглянуть из заткнутого плотной парчовой занавесью окна своей повозки.

В мешочке оказались офирские золотые — ровно пятьдесят монет. Пересчитав их на империялы Турана, таможенник получил сумму, в три раза большую, и счел, что двадцать утаенных империялов вполне удовлетворят его пострадавшее высокомерие, а остальные десять можно пожертвовать в пользу караульных.

* * *

Содержатель гостиницы "Рубиновая лоза" удивился неожиданным визитерам не менее стражей у Карпашских ворот, но быстро смекнул, что будущий доход напрямую зависит от его расторопности. Потому Варрин рывкнул на прислугу, велел готовить лучшую комнату, рассыпался в любезностях перед мрачным главой охраны приехавшей госпожи и поспешил лично

засвидетельствовать свое почтение благородной гостье.

Шермез возвышался посреди двора, вокруг него мельтешила свора конюхов, распрягавших тяжеловозов и хлопотавших возле коней эскорта.

Хозяин "Лозы" понимающе глянул на доспехи охранников, затем на увенчанный графской короной Офира герб на дверцах кареты, оценил количество и тяжесть сундуков, перетаскиваемых слугами в дом, и положил себе не забыть накинуть к общему счету постояльцев сотню-другую империялов. Кажется, с сегодняшнего дня на гостиницу начнетливаться золотой дождь.

Предводитель стражи с необычной для такого головуруба вежливостью постучал ладонью по зашторенному окну экипажа и распахнул дверцу.

Наружу выпорхнули — иного слова и не подберешь — три прелестные юные особы. Зашелестели складки одеяний и полился звонкий поток непрерывного щебета: дамы с любопытством молодости озирались вокруг, считая своим долгом высказать мнение обо всем увиденном. Охранник нахмурился, девицы немедленно примолкли, встали полукругом возле открытой дверцы и склонились в нижайшем поклоне.

Варрин подобрался поближе. Сейчас появится таинственная госпожа, обеспеченная женщина, которая за чем-то решила наведаться в самый неустроенный и опасный город Материка — Шадизар, и он хотел непременно ее увидеть.

Она неспешно спустилась по ступенькам откидной лесенки, опираясь на руку охранника, благосклонно кивнула потерявшему дар речи владельцу "Лозы", обвела взглядом двор, где каждый из присутствующих невольно вытянулся в струнку, и прошествовала в дом. Свита потянулась за ней.

Когда они скрылись за дверьми, Варрин перевел дух, поймав себя на том, что ему очень хочется грохнуться на колени и во всеуслышанье проорать что-нибудь эдакое, вроде: "Моя жизнь отныне и навеки принадлежит вам, госпожа!" К счастью, он не совершил подобной глупости, а вместо этого прикрикнул на замешкавшихся слуг и бросился проверять, как выполняются его другие распоряжения. Пока эта женщина живет в его гостинице, она и ее люди будут получать все самое лучшее.

Если бы не опасение прослыть безумцем, Варрин предложил бы гостье жить в "Лозе" бесплатно.

— Зачем мы сюда приехали, Рейф?

Из окна гостиницы открывался неплохой вид на переплетение главных улиц Шадизара, а поскольку лучшие покои располагались на третьем этаже, грязь, отбросы, попрошайки, уличные девки и прочие нелицеприятные стороны городской жизни не слишком бросались в глаза.

— Таково было желание госпожи, — невозмутимо отозвался стражник. — Вы сказали, что вам срочно нужно в Шадизар. Мы здесь.

Женщина испытующе посмотрела на начальника своей охраны. Рейф обожал производить впечатление тупого служаки, но обмануть хозяйку ему пока не удалось ни разу. Она знала о нем все. Даже то, о чем он сам не подозревал. Потому она и выбрала его своим сопровождающим в этом путешествии. Путешествии, не сулившем ничего хорошего.

За приоткрытой дверью в соседнюю комнату возилось и приглушенно смеялось трио девиц, распаковывавших вещи.

Может, зря она явилась с таким шумом и блеском? Наверное, стоило взять с собой только Рейфа с парочкой его сорвиголов, и не пускать пыль в глаза? "Госпожа Клелия Кассиана, графиня Лаурин, подданная Офира" — имя, подходящее для дворцов и замков, а не здешних трущоб.

Однако именно в этом захолустье обитал человек, ради которого она потащилась на край света.

Госпожа Клелия догадывалась, что ее прибытие вызвало немалый переполох:

Так случалось всегда, и она давно привыкла к неизменному восхищению окружающих. Она обладала даром притягивать людей к себе — рослая, величественная женщина, чуть склонная к полноте (что, впрочем, не портило ее облика, а наоборот, придавало некое очарование).

Правильные, крупноватые черты лица, глаза серо-голубоватого цвета и светлые волосы самого настоящего пшеничного оттенка — свои, при-

родные, не знавшие ни красящих травяных отваров, ни присыпок из золотой пудры.

Близкие друзья госпожи Кассианы могли бы добавить, что она на редкость умна, обладает ровным и спокойным характером (хотя порой проявляет чрезмерную строгость к маленьким людским слабостям), умеет хранить чужие тайны и всегда поможет словом и делом, коли вы имели неосторожность увязнуть в неприятностях.

Но сегодня она пребывала в некоей раздражающей путанице чувств и мыслей. Ей не нравился лежащий за окном город — пестрое скопление черепичных и соломенных крыш, лабиринты узких тесных улиц, чахлые, выгоревшие сады и неизменный острый запах специй, согласно традициям местной кухни щедро добавляемым в любое блюдо. Она не могла взять в толк, как можно испытывать привязанность к этому хаотическому поселению, мало того — восхищаться им и гордиться тем, что ты его уроженец!

— Итак,— госпожа Клелия страдальчески вздохнула и отвернулась от окна.— Раз мы здесь, чему я совершенно не рада... Рейф, нам придется разыскать одного весьма незаурядного типа. Причем сделать это быстро, ибо, как мне кажется, ему грозит беда. Впрочем, это его обычное состояние, напрямую связанное с образом жизни.

Телохранитель понимающе кивнул и уточнил:

— Имя?

Женщина сокрушенно развела руками.

— У этого шалопаю обличий и прозвищ больше, чем нарядов у офирской модницы, и он ме-

няет их едва ли не каждую луну! В последнюю нашу встречу его звали Эльраим Бар-Ракат, но кто знает, как он величает себя теперь?

Рейф презрительно хмыкнул. Если госпоже угодно получить своего бывшего друга, то перемена имени его не спасет. Понадобится чуть больше времени, дабы перетряхнуть этот замызганный хлев и выяснить, в какой щели он прячется.

— Возможный род занятий?

— Он вор,— Клелия выжидающе глянула на своего охранника, но тот давно привык, что круг знакомых графини Лаурин чрезвычайно разнообразен.— Жулик, грабитель и редкостный прохвост. Человек, никогда не тревожащийся о завтрашнем дне.

"Забыла добавить — именно способность радоваться жизни, несмотря ни на какие бедствия, и заставила тебя, моя дорогая, влюбиться в него по уши,— злорадно напомнила себе госпожа Кассиана.— Потом ты возжелала посадить его на золотую цепочку, и он немедленно сбежал. Конечно, что общего у благовоспитанной дамы из высшего общества с донельзя легкомысленным мошенником? Признай, ему этот мерзкий городишко и подозрительные друзья-приятели куда дороже твоего общества... Как я его найду? Ради чего я это затеяла?"

— Беспечный вор,— задумчиво повторил Рейф.— Слишком расплывчатое описание, госпожа. Мне нужны какие-нибудь приметы. Сколько ему хотя бы лет?

— Между двадцатью семью и тридцатью, но выглядит моложе,— Клелия нахмурилась, вспоминая.— Черные волосы, черные глаза, высокий, привлекательный, наверняка нравятся женщинам. Очень горбатый нос — у него в роду были шемиты с Побережья.

— Угу,— Рейф покивал, обдумывая задачу. Таинственный незнакомец постепенно обретал зримые очертания. Задавать вопросы властям не имеет смысла, значит, его бездельникам придется пошарить по трактирам, домам любви и прочим значным местечкам, выпрашивая и вынюхивая. Это только кажется, что отыскать человека в большом городе труднее, чем иголку в стогу сена. Старый знакомец госпожи, похоже, довольно яркая личность, хотя иные вокруг нее и не встречаются.— Поймаем, куда он денется...

— Мне не нужно, чтобы вы его ловили,— поправила женщина.— Я хочу узнать, где он живет и поговорить с ним. В зависимости от исхода разговора мы либо задержимся здесь, либо сразу отправимся домой.

— Понял,— Рейф на военный манер щелкнул каблуками и направился к выходу. Клелия в который раз подивилась его уверенности и умению справиться с самой, как казалось, невероятной просьбой. Дня через два-три она встретится с нужным ей человеком и сама выяснит, что тут происходит и в какую передрагу он угодил на сей раз.

Вдобавок у нее имеется в запасе надежный способ помочь Рейфу в его поисках. У Шадизара

и его обитателей есть покровитель на небесах, а у нее достаточно сил и знаний, чтобы задать вопрос и получить ответ. Правильно! Заодно можно посмотреть город — не может быть, чтобы в нем не нашлось хоть чего-то любопытного!

Госпожа Клелия подняла со стола серебряный колокольчик и трижды позвонила. Девушки-прислужницы влетели в комнату раньше, чем она успела поставить звонок на место.

— Лиа, ты мне понадобишься,— распорядилась Клелия.— Эгли, Тиррис, если у Рейфа не найдется для вас никаких поручений, можете быть свободны до вечера. Мой совет — без Рейфовых мальчиков никуда не ходить и быть крайне осторожными. Это не благополучная Ианта, тут вам на помощь никто не бросится, сколько не кричите. Поняли?

— Да, госпожа! — нестройным хором откликнулись девушки.

Деловитая Тиррис забеспокоилась:

— Но завтрак, госпожа?..

— Попозже,— отмахнулась хозяйка.— Лиа, паланкин и трех человек для сопровождения,— госпожа Кассиана повернулась к глазастой девице с копной каштановых волос. Лиа родилась в Мессантии Аргосской, а потому отлично знала, как торговаться, разузнавать любые новости и расспрашивать дорогу в незнакомом городе.— Мы отправляемся на прогулку.

Девушка присела в торопливом полупоклоне и умчалась выполнять приказ. В отличие от госпожи, ей не терпелось проехаться по улицам

Шадизара, о котором она слышала столько невероятных историй, и лично убедиться, соответствуют ли они истине. Госпожа, как ей удалось подслушать, собирается разыскивать какого-то своего давнего знакомого, вдобавок она упомянула, что ее друг — вор... Как это захватывающе и романтично!

Впечатлительной Лиа Шадизар понравился — шумно, красочно, необычно, хотя приходится постоянно держаться настороже. Ограбить или напасть на паланкин никто не пытался, зато порой стражникам приходилось пинками отгонять нищих и слишком назойливых торговцев. Госпожа не разрешила ничего покупать, и девушка просто изучала город из-за занавесок покачивающихся носилок.

Запряженный парой бойких мулов и охраняемый тремя всадниками паланкин миновал через центральный квартал, обогнул огромный рынок, называемый Каменным, и задержался возле помпезного здания городского Совета. Затем госпожа пожелала навестить главные местные храмы. К счастью, она не брала служанку с собой — Лиа ненавидела смиренно стоять позади хозяйки, придерживая ее плащ, и слушать долгие невразумительные проповеди.

Пока госпожа Клелия выполняла свой долг перед богами, Лиа успела украдкой приобрести у разносчика по дешевке серебряное колечко и серьги с опалами, опробовать местное лакомство — тягучую сладкую колбаску, начиненную оре-

хами, перекинуться словом с приличного вида молодыми людьми и даже получить приглашение заглянуть нынешним вечером в местечко под названием "Алмазный водопад" — как ее заверили, тихое и вполне благопристойное. Девушка ответила, что подумает.

Последний визит госпожа Кассиана нанесла в неприметное святилище, сложенное из дымчато-серого камня с желтыми пятнами и накрытое горбатым медным куполом. Пробыла она там недолго и вышла изрядно обескураженной. Лиа рискнула спросить, чем та обеспокоена. Госпожа рассеянно улыбнулась, ничего не ответила и велела возвращаться в "Лозу".

Поразмыслив, Лиа решила, что молитвы не принесли ожидаемого успеха.

Странно. Госпожа Клелия, конечно, не жрица и не Посвященная, однако у нее есть талант узнавать у Высших чуть больше, чем они обычно изволят говорить бедным смертным.

Клелия равнодушно смотрела на проплывавшие мимо уличные сценки, а в ее памяти упрямо возникали старательно позабытые воспоминания. Худощавое смуглое лицо в ореоле иссиня-черных, вечно взъерошенных кудрей, смеющийся рот, обманчивый, лукавый взгляд. С ним постоянно что-то случалось, но, едва выкарабкавшись из одной авантюры, он немедленно встречал в следующую. Ему нравилось рисковать, жить на грани, а ей... Ей хотелось заставить его стать серьезнее, предусмотрительнее, взрослее, наконец!

Ничего у нее не вышло. Этот невозможный тип просто взял и ушел.

"Когда-то он сочинил для меня песню,— припомнила госпожа Клелия.— Настоящую балладу. Как там...

Этот мир состоит из любви
 между небом и твердью,
Этот мир состоит из любви
 между жизнью и смертью,
Пей вино ветров в мареве лугов,
Слушай сердца зов, пока ещё не поздно!.."

— Где тебя носит? — задала неслышный вопрос женщина, называвшая себя Клелией Кассианой.— Ты ведь здесь, поблизости, но где? Почему не отвечаешь?

Впрочем, кое-какие сведения она получила. Смутные образы, невнятные имена. Если повезет, через этих людей она доберется до своей цели. Нужно искать.

Глава 5. Предъявлено к оплате

Квoзь щели в закрытых ставнях "Уютной норы" пробивался неяркий свет. Никто не удивился — либо посетители таверны засиделись допоздна, либо хозяйка дожидается ушедших на прогулку постояльцев. Компания благополучно добралась до дома, но по дороге вспыхнул ожесточенный спор. Аластор заявил, что соглашаться на предложение Альбриха ни в коем случае не следует, и, если Джай думает по-другому, то пусть не рассчитывает на его, Аластора, участие в будущих вылазках. Кoнан, после подвигов в неведомом дворце решивший, что заполучил право слова, внезапно поддержал взломщика. Воспрявший духом Ши выказался за договор. Аластор напомнил ему об обещанной кастрации, но воришка стоял на своем. Хисс колебался, перечисляя доводы как в пользу соглашения, так и против.

— Сам-то ты как полагаешь? — решил внести ясность Проныра.

— Ну-у...

— Двое за, двое против, один сам не знает, чего хочет,— подвел итог Аластор.— Не спорю, работать на Чамган выгодно, но порой чересчур опасно. Зачем нам лишние трудности? Откуда нам знать, какая гадость свалится на нас в другой раз?

— Покойнику золото ни к чему,— вспомнил старую поговорку Хисс.

Они поднялись по трем выщербленным ступенькам, Ши толкнул дверь и вдруг, быстро обернувшись, бросил остальным:

— У нас гости.

На первый взгляд, обеденный зал трактира являл собой обычное зрелище. Лорна стоит за стойкой, перетирая и без того сверкающие чистотой оловянные кружки, и неодобрительно поглядывая вокруг.

Возле почти погасшего очага, на своем законном месте, торчит Райгарх, распивая кувшин на двоих с заглянувшим приятелем.

Край полки над очагом украсился причудливой завитушкой — там, поближе к хозяину, устроилась Мириана. Время от времени ящерица поворачивает голову, выстреливая длинным языком в зазевавшуюся муху. Кэрли нет, она еще в конце дня отправилась на вечеринку. Феруза поглощена своим обычным занятием — выкладывает на свободном столе замысловатую фигуру из карт тарока. За быстрыми движениями ее рук с искренним любопытством следят трое — клиент и его дружки.

— Туранка собрала из пяти картинок крест, взгляделась в него, склонив голову к плечу, и вынесла решение:

— Не доверяй очевидному. Сделка, о которой ты хотел знать... Лучше откажись. Они пытаются тебя обмануть, но упомянутая женщина к этому непричастна, ибо слишком глупа. Завтрашним вечером обстоятельства сложатся в твою пользу, однако не торопись — у того, кто выше тебя, подобное рвение может вызвать подозрения. Прочие вопросы ты в состоянии разрешить без моих подсказок.

Она быстро перемешала карты, нарочито не обращая внимания на протянутый ей золотой кругляш, и кивнула в сторону двери:

— Я говорила, они скоро придут.

Джай слегка встревожился, узнав поздних посетителей. Его опасения мгновенно обратились сдержанной паникой, когда сидевший за столом возле самой входной двери человек захлопнул створки за последним из вошедших и опустил засов. Проныра лихорадочно пытался сообразить, что такого могли натворить его друзья-приятели, чтобы вызвать неудовольствие Назирхата — хозяина квартала Нарикано.

Ибо сидевшие в таверне люди входили в один из многочисленных отрядов, выполнявших очень простую работу — получать долги с мелких шаек, наподобие той, что обитала в "Уютной норе".

— Как прогулялись, Джай? — тип, беседовавший с Райгархом, махнул Проныре рукой, под-

зывая поближе. Джейвар невольно сглотнул. Кодо. Человек-монстр, за глаза именуемый "Ночным кошмаром". Правая рука Назирхата, вдвойне опасная потому, что обладает способностью думать.

Кодо и в добавление к нему — четверо громил из рода тех людей, что сначала бьют, а потом смотрят, кого именно. Можно смело отправлять кого-нибудь в ближайшую лавку гробовщика с крупным заказом. Сколько Джай не старался, он не мог вспомнить проступка, достойного визита таких личностей. Слабо трепыхнулся огонек надежды — может, они просто так зашли? Припугнуть лишний раз или предложить какое дело?

— Хочешь, постою рядом? У тебя вид, словно у девственницы, угодившей в гладиаторские казармы в разгар пирушки. Вот-вот хлопнешься в обморок.

Аластор. Всегда найдет, как подбодрить в трудный миг.

— Присмотри лучше за Малышом, чтобы не наделал глупостей, — огрызнулся Джай и, не ощущая пола под ногами, направился к столу возле очага. Райгарх, прихватив свою домашнюю зверюшку, перебрался к стойке, где обеспокоенной кучкой собралась остальная компания.

— Лорна, что им нужно? — нервозным шепотом осведомился Ши.

— Откуда мне знать? — сердито буркнула тавернщица. — Явились после заката, расселись и стали ждать.

— Кажется, нас в чем-то обвиняют, — дополнила Феруза. — Я слышала упоминание о неотданных долгах. За нами есть невыплаченные отступные?

— Вроде нет, — Аластор скосился в сторону Кодо и Джая. Пока разговор шел без криков и обвинений, глянуть издали — беседуют два давних знакомых. Единственно, Джай постоянно ерзает, точно сел на осу или под ним раскладывают костерок.

— А что случилось? — встрял недоумевающий Конан.

— Мелкие жизненные неурядицы, — исчерпывающе пояснил Аластор. — Подождем, пока Джай разберется, что да как.

Молчавший Хисс вытащил короткий нож, завертел между пальцами... и тут же сделал ошибку, едва не полоснув себя по суставу. Дернулся, раздраженно зашипел, попытался повторить движение — опять неудачно.

Феруза вздохнула, накрыла его ладонь своей и мягко, но решительно отобрала кинжал, положив его на стойку. Ящерица немедленно явилась поглядеть на новую вещь и потрогать ее языком — не съедобно ли?

— Хисс, ты в порядке? — обеспокоено спросила девушка. Вместо ответа рыжий мошенник повернулся к тавернщице:

— Лорна, что у тебя самое дорогое из выпивки?

— Аргосское "Дыхание Океана", десятилетняя выдержка, — хозяйка "Норы" давно положила се-

бе за правило ничему не удивляться.— Бутылка — пять золотых.

— Принеси, пожалуйста,— на стойке появился приглушенно мерцающий голубой камень, часть нынешнего улова в странном дворце. Лорна двумя пальцами подняла его, глянула на просвет и кивнула:

— Обожди. Феруза, замени меня.

Аластор с подчеркнутым изумлением уставился на Хисса, слывшего в компании за скупердя и жмота.

— Никак в лесу сдохло что-то большое? В честь чего кутеж?

— По-моему, это больше смахивает на поминки,— подал голос Ши.— Хисс, жрецы и законники в один голос твердят, что чистосердечное признание облегчает участь. Ты не испытываешь жгучего желания поведать своим верным друзьям, как ты дошел до жизни такой?

— Умолкни,— нелюбезно посоветовал Хисс. Ши скорчил оскорбленную гримасу и выразил свои расстроенные чувства тем, что показал в спину одному из отвернувшихся громил неприличный жест.

— Ши,— очень ласково позвал Аластор,— что я с тобой обещал сделать?

Вернулась Лорна, на ходу вытирая от слоя пыли маленькую круглую бутылку из редкого темно-красного стекла. Сноровисто откупорила сосуд — Аластор, Феруза и Ши единодушно пригнухались к облачку аромата и восхищенно закатили глаза — достала из-под стойки серебряную

чарку и аккуратно налила в нее тягучую густо-малиновую жидкость.

— А нам? — высказал общее требование Ши.— Пить в одиночку — вот что я называю истинным преступлением.

— Допьете на моих похоронах,— отрезал Хисс и украдкой глянул на Кодо и Джая. Положение изменилось. В интонациях Проныры зазвучали вопросительно-оскорбленные нотки несправедливо обвиненного. Рыжий поднял стоявшую перед ним чарку и уставился на нее рассеянным взглядом, словно позабыл, зачем ему понадобился этот чеканный бокал.

— Спятил,— убежденно заявил Ши.— Слушай, если ты не намерен пить, я с удовольствием сделаю это за тебя.

— Он не спятил,— Феруза ехидно прищурилась.— Он что-то скрывает. Ой-лэ, сейчас узнаем, что именно.

Она вытянула руку, на которой покоилась колода тарока — то ли девушка успела незаметно ее достать, то ли гадальные карты сами переместились из кошель на поясе в ладони предсказательницы. Зашелестел тасуемый пергамент. Хисс презрительно фыркнул, одним глотком опорожнил чарку и стукнул ею по доскам стойки, требуя повторения.

— Хисс,— негромко позвал Кодо, оборачиваясь.— Да-да, ты. Подойди сюда.

— Не поминайте лихом,— быстро произнес рыжий мошенник.— Когда будете заказывать надгробную плиту на мою могилку, попросите

на ней выбить: "Он играл в долг, что его стубило". Малыш, запомни на будущее и не повторяй чужих ошибок.

— Что? — вытаращился Ши.— Змеиная твоя душа, никак продулся?

Хисс с величайшим трудом отлепился от стойки и направился в дальний угол трактира. Казалось, он идет против сильного ветра.

— Не так я представлял нынешний вечер,— задумчиво протянул Аластор, как бы невзначай передвигая бутылъ "Дыхания" поближе. Мириана слизнула упавшие капли и целеустремленно заковыляла к темно-красному сосуду.

Феруза, смотревшая вслед Хиссу, на ощупь выдернула из колоды карту, перевернула рисунком вверх и молча положила на стойку. Шесть голов склонились над раскрашенным кусочком пергамента. На нем красовалось поясное изображение человеческой фигуры с двумя лицами, черным и белым, повернутыми в разные стороны. Согнутые в локтях руки человека держали нечто, похожее на сложенную вдвое плетъ, и обычные торговые весы с перекошенными чашками. Внизу плясали язычки огня.

— И что это означает? — удивленно спросил Конан.

— Обман,— кратко ответила девушка и нахмурилась.

— Хисса кто-то надул или наоборот? — уточнил Ши.

— Он нас обманывает,— гадалка растерянно провела пальцем по карте.

* * *

— Почему мы стоим и ничего не делаем?

— Малыш, успокойся. Джай — наш вожак, говорить надлежит именно ему. Твое дело — помалкивать. Малыш, не позорь себя и нас. Если запахнет жареным, я попробую вмешаться.

— Альс, раньше за тобой не замечалось тяги к самоубийству,— едко заметил Райгарх.

— Раньше среди моих знакомых не числилось варваров, равно как и любителей смешивать чужое и свое,— беззлобно огрызнулся Аластор.— Признаться, от кого другого... От Хисса я подобного не ожидал.

— Кто из нас не совершал ошибок? — вступилась Феруза.

— Оно конечно, только расплачиваться за эту ошибку придется всем,— мрачно предрек Ши.

Обстоятельства проступка Хисса медленно всплывали на поверхность, столь же непримечательные, как вытягиваемый из болота утопленник. Около десяти дней назад Хисса постигла неудача — он сел играть в "Четыре крепости" и после подсчета очков без особого удивления выяснил, что изрядно промотался. Хисс имел неосторожность упросить хозяина заведения, где шла игра, поверить ему в долг, и не придумал ничего лучшего, чем внести часть требуемой суммы золотом, шедшим через его руки к хозяину квартала. Когда после недавнего визита к советнику Намиру никто из компании не явился в дом Назирхата с положенной мздой, Кодо счел своим долгом наведаться в "Нору" и лично вы-

яснить, с какой стати Джай откалывает такие выходки. Неужели ему не дороги ни собственная голова, ни жизни его людей?

— Я должен был выиграть! — Хисс до смешного напоминал оскалившуюся лису, забившуюся в самое дальнее ответвление норы и твякающую на собак. — Они все подстроили!

— Они или не они, подстроили или не подстроили, а платить надо вовремя, — невозмутимо отозвался Кодо. Он всегда старался произносить слова ровно и размеренно, не повышая голоса, из-за чего приобрел еще одно заглазное прозвище "Звонарь". — Так что скажешь, Джай? Похоже, мальчик нашкодил самостоятельно, без твоей поддержки, и теперь горько сожалеет. Я бы на первый раз простил, но ты же знаешь вашу братию... Простишь одного по доброте душевной, остальные немедля решат, что им тоже сойдет с рук. Не обессудь, придется вашего умника слегка наказать.

Хисс вжался в угол между камнями очага и стеной, отчаянно выкрикнув:

— Я заплачу!

— Чем? — вежливо поинтересовался Кодо, наклоня коротко стриженную голову. — Старыми гвоздями? Новыми обещаниями? Опять пойдешь кланчить в долг? Хисс, я против тебя ничего не имею, но таков порядок. Вылезай оттуда. Вылезай сам. Обещаю, до смерти бить не буду.

Упиравшегося Хисса потащили из его ненадежного укрытия. Джай поджал губы и уставился куда-то в пространство. Чувствовал он себя

премерзко и тому имелось множество причин. Никогда доселе его шайка не встревала в дрязги с "покровителями". Какие слухи пойдут теперь по кварталу? Сколько дней после наказания Хисс будет ни к чему не пригоден и сколько золота уйдет на лекарей? Да и что теперь делать с Рыжим? Выгнать? Проучить самому? Запретить играть по-крупному? На кой ляд ему понадобилось устраивать такую гадость, когда дела компании стали почти благополучны?

— Малыш, стойте, — Райгарх сгреб готового сорваться с места подопечного за плечо и оттянул назад. — Сделаешь шаг — я тебя сам прикончу. Хисс виноват. Скажи спасибо, что Кодо требуется только его голова и он не собирается отыгаться на всех нас.

— Эй, — сердито потребовала Лорна, — не вздумайте устраивать тут бардак. Вон за той дверью имеется отличный двор. Кодо, не делай вид, будто не слышишь!

Феруза закрыла глаза и отвернулась. Ее губы беззвучно зашевелились, вроде бы в молитве, однако Аластор разобрал повторяющуюся фразу: "Как я ненавижу этот город". Взломщик отхлебнул из початой бутылки аргосского, вздохнул и осторожно постучал пальцем по плечу туранки:

— Феруза, ты не могла бы кое-что сделать для меня? Скажи, что я идиот.

— Почему? — не поняла девушка.

— Я собираюсь совершить идиотский поступок. Вдобавок я вдвойне глупец — надеюсь, что ты его одобришь.

И, прежде чем оторопевшая Феруза нашлась с ответом, Аластор стремительно перегнулся через широкую стойку, быстро коснувшись губами мягкой щеки девушки, а затем направился к Кодо и его подручным.

Лорна и Райгарх покосились друг на друга, одновременно хмыкнув, гадалка растерянно взмахнула ресницами и покраснела. Ши, воспользовавшись моментом, присвоил "Дыхание", которого оставалось больше половины, и предусмотрительно юркнул за стойку. Воришку никогда не привлекали драки, а в воздухе неотвратимо сгушалось предчувствие грядущей потасовки.

Двое громил из отряда Кодо шагнули вперед, преграждая взломщику дорогу. Он остановился, смерив их спокойным и даже чуточку равнодушным взглядом. Оба костолома превышали его на полголовы и выглядели способными любого раскатать в плоскую лепешку, однако почему-то не решились тронуть стоящего перед ними человека, который и за оружием-то не потянулся. Аластор раздвинул их в стороны и беспрепятственно подошел к столу.

— Мое почтение.

— Аластор? — Кодо сделал вид, будто только сейчас заметил присутствие взломщика. — Как, ты до сих пор тут? Кстати, Назирхат очень просил передать — если ты передумаешь, тебя всегда встретят с радостью, — он фыркнул и язвительно поинтересовался: — Не могу понять, что общего у такого человека, как ты, с этим сборищем неудачников?

— Они мне симпатичны, — Аластор присел на край стола. — Никто с таким азартом не хватается за любой подвернувшийся шанс, как неудачники. Можно узнать величину прегрешений бедолаги Хисса и его дальнейшую судьбу?

— Он должен ровно тысячу триста сорок два империала Такуну — за игру, долг перекуплен Назирхатом. И нашу долю с добычи у Намира, — убитым голосом сообщил Джай и тоскливо спросил угли в камине: — Почему мне выпала судьба командовать такими придурками?

— Каждый получает то, что заслуживает, — ханжеским тоном провозгласил взломщик и повернулся к Кодо. — Тебе столь необходимо вздуть нашего Рыжего или ты предпочтешь получить что-то более осязаемое? — он подвинул горку лежавших на столе украшений и блестящих камней, вытряхнутую из карманов Хисса. — Сколько тут?

— На пятьсот семьдесят золотых, — немедля откликнулся Кодо. — Около трети.

— Что? — заикнулся Проныра, поняв, какая идея посетила голову приятеля. — Аластор, ты...

— Спятил, причем уже давно, и никто не заметил, — отмахнулся взломщик. — Мы возместим недостающее, идет?

Джай сдавленно охнул. Кодо с интересом посмотрел на Аластора, точно увидел некую вещь, наверняка ценную, но предназначенную непонятно для каких целей. Хисс, которого надежно удерживали плотно прижатым к стене, издал неопределенно-горестный вскрик.

Аластор отвязал собственный кошель, широким жестом высыпав его содержимое на стол, и поманил Ши и Конана. Их пропустили без единого слова, повинувшись еле заметному кивку Кодо.

— Настало время бедствий,— полунасмешливо, полусерьезно сообщил взломщик.— Мы выкупаем эту заблудшую душу. Любые вопросы и возражения потом. У кого сколько есть?

Столешница превратилась в некое подобие совмещенных прилавков ювелира и менялы. Кодо невозмутимо раскладывал монеты по достоинству, перебирал драгоценности, прикидывая их примерную стоимость. Джай молча страдал, глядя, как неудержимо утекает добыча.

— На две с небольшим тысячи разного барахла,— подытожил Кодо и, ухмыльнувшись, добавил: — Впервые наблюдаю подобную взаимовыручку. Добавить еще немного — и мы разойдемся, весьма довольные друг другом. Что, ничего больше нет? Может, помочь порыскать по карманам? К кому это вы сегодня наведались, если не секрет?

— Он хотел выкинуть,— стоявший за спиной Ши верзла перехватил руку карманника, слегка вывернув ему кисть и заставив воришку ойкнуть.

— Дай сюда,— Кодо пошевелил пальцами в воздухе.— Ты, если не ошибаюсь, Ши Шелам? Ну, и что мы тут имеем?

— Это мое,— робко, но упрямо заявил Ши, и немедленно схлопотал подзатыльник.

— Я только посмотрю,— самым серьезным тоном заверил его Кодо, крутя изящную вещицу. Она смахивала на обычный воровской талисман — уместающееся на ладони кольцо из ярко-красной полированной меди, на котором болталось десять или двенадцать отмычек, сработанных из золота и серебра. Каждый ключ украшала россыпь крохотных радужных кристаллов, а одну отмычку целиком выточили из куска горного хрусталя.— Забавная игрушка... Ты не возражаешь, если я на время ее позаимствую?

Ши возражал — это явственно читалось на его физиономии — но только мысленно. Все в Шадизаре знали, что Кодо вот уже почти десяток лет охотится за разнообразными отмычками — настоящими и символами Бела. Его собрание насчитывало около трех сотен экземпляров, некоторые из них, как утверждали — подлинные шедевры ювелирного искусства. Кодо никогда не упускал случая пополнить сокровищницу, и былую собственность Ши ожидала такая же судьба: лежать под прозрачным колпаком на бархатной подушечке, восхищая узкий круг знатоков и ценителей.

— Расчеты завершены,— Кодо, поднявшись, встряхнул связку отмычек — они издали тонкий перезвон. Раскиданное по столу добро парой взмахов смели в кожаные мешки.— Счастливо оставаться, Джай. Позволь дать тебе совет — впредь подбирай людей тщательнее и присматривай за ними получше. А то придется вас...

Не договорив, он легко развернулся — что казалось почти невозможным для столь массивного человека — и без замаха влепил обеими тяжеленными кулаками в живот Хиссу. Тот сдавленно выдохнул, резко сложился пополам и съехал по стене вниз, мучительно хрипя и стараясь втянуть хоть немного воздуха.

— Приятно было побеседовать, — невозмутимо произнес Кодо, перешагнув через судорожно дергавшееся на полу тело, и удалился, наверняка полагая себя вершителем судеб обитателей квартала Нарикано. Громилы последовали за ним. Проходя мимо стойки, они захватили с собой парочку кувшинов, а кто-то умудрился щелкнуть Мириану по носу, отчего возмущенная ящерица приобрела ярко-зеленый цвет.

Двери захлопнулись, громко и презрительно стукнув.

Терпеливо сдерживаемое бешенство Джая вырвалось наружу.

Оттаскивать его пришлось двоим — Конану и Аластору. Джай проклинал все и всех, начиная от богов и заканчивая Шадизаром, своей неудачливой судьбой и вороватостью приятелей. Хисс, которому досталось сначала от Кодо, а затем от Джая, лежал неподвижно, сжавшись в какой-то непонятный комок. Присевшая рядом Феруза яростно напустилась на Проныру, обвиняя в отсутствии чувства меры и вероятном убийстве.

Из кухни явилась невозмутимая Лорна, неся жестяное ведро с водой. Безмолвно выплеснула его на голову Хиссу — тот зафыркал и задержал-

ся, подавая несомненные признаки жизни. Рвавшегося продолжить экзекуцию Джейвара удержали — словесно и физически. Кашлявший и отплевывавшийся Хисс сумел усесться, мрачно уставившись из-под мокрой челки на стоявшую вокруг компанию. Под ним медленно растекалась лужа.

— Сразу убьем или сначала помучаем? — жизнерадостно предложил Аластор.

Джай нечленораздельно завопил, требуя немедленной смерти Хисса, но соглашаясь отсрочить таковую до полной выплаты долгов. Феруза встала на цыпочки и закрыла ему рот ладонью. Проныра умолк, и тогда заговорила хозяйка таверны, женщина донельзя практичная и спокойная:

— Хватит на сегодня. Хотите поорать — ступайте во двор, на пустырь, куда угодно, а у меня от ваших криков в голове звенит. Завтра доругаетесь. Услышу до утра хоть один вопль — выкину на улицу.

Она сплюнула, развернулась и ушла к себе. Общество переглянулось.

— Расходились бы вы в самом деле, — поддержал Лорну Райгарх. — Она ведь не шутит.

“Правильно, правильно”, — мысленно одобрил Ши, незаметно улизнув первым. Джай приглушенно выругался в последний раз и застучал каблуками по лестнице. Феруза и Конан хотели помочь Хиссу подняться и довести до комнаты, но их благое намерение пресекло неразборчивое злобное ворчание.

— Оставьте его,— вмешался Аластор.— Пусть сидит. Не видите — человек впервые в жизни испытывает муки совести.

— Не знаю насчет совести, зато ребра у него наверняка болят,— заметил Конан.— Хисс, ты живой? Скажи что-нибудь.

Не дождавшись ответа, он пожал плечами — не поймешь этих городских.

— Иди,— Аластор слегка подтолкнул Ферузу к входу на второй этаж.— Я схожу прогуляюсь.

— Посреди ночи? — нахмурилась девушка.

— Мне нужно сказать пару слов Кодо, вряд ли он далеко ушел. В крайнем случае, засел в "Коринфских Садах" — там открыто всю ночь напролет. Я быстро, только туда и обратно,— заверил он туранку. Та развела руками, но возражать не стала.

Аластор исчез за дверью, махнув ей на прощание.

Девушка безуспешно попыталась убедить Хисса дойти до его жилья, на всякий случай положила рядом с ним несколько тряпок и отправилась досыпать остаток ночи, уверенная, что ей приснится кошмар. Зачем только Аластору понадобилось куда-то мчаться?

* * *

Утро началось с дождя: мелкого, теплого, высыхающего раньше, чем капли успевали долететь до земли. Летний дождь в Шадизаре — явление настолько редкостное, что достойно занесения в летописи.

Листва деревьев на заднем дворе трактира приобрела непривычный яркий темно-зеленый цвет, зато песок разминочной площадки стал похож на бурюю грязевую кашу.

Для Конана это, похоже, не имело никакого значения, но привыкший к прокаленным городским мостовым Ши предпочел забраться повыше — на крохотную площадку "Камеры пыток". Теперь он сидел там, свесив ноги и с удовольствием ощущая стекающие по лицу прохладные водяные брызги. Рядом лежала горстка подобранных в саду камешков, время от времени Ши запускать ими в Конана. Попасть не удавалось — мальчишка увертывался либо успевал отбить летящую гальку. Ши никак не мог понять, как Конан умудряется замечать его движения. Не может быть, чтобы он слышал свист падающего глыба. Или может? Одно слово — варвар.

Конан поднялся сегодня одним из первых. Это давно стало его привычкой. Причина ее возникновения, выкованная из хорошей стали, имела около двух локтей в длину и, по мнению общества, напоминала грубо обработанную железную палку. Конан притащил это жуткое смертоубийственное орудие из своего прошлого, но его попытки не расставаться с трофеем немедленно вызвали общий смех.

— Мы всего-навсего презренные воры,— растолковал подопечному Джай.— Не воины, не наемники, не солдаты и не гладиаторы. Мечи не про нас. Посмотри и убедись, разве мы таскаем с собой подобную тяжесть? Нет и еще раз нет.

Тишина, незаметность, быстрота — вот что нам требуется. Убери эту болванку с глаз моих, а лучше всего — продай, пока никто не порезался.

Джай слегка покривил душой. Мечи в "Норе" имелись. Три, собственность Лорны и Райгарха, хранились в потайном ящике под стойкой, дабы всегда находиться под рукой. Парочка завалилась у Хисса, надеявшегося сплавить их какому-нибудь богатому простаку как обладающие волшебными свойствами. Вороненый зингарский эсток с гардой в виде переплетенных ветвей красовался на стене в комнате Аластора — память о бурных днях на Полуденном Побережье.

Райгарх все же счел необходимым показать воспитаннику несколько приемов обращения с клинком, утверждая, что не может со спокойной душой видеть, как благородное оружие используется в качестве обычной дубины. Теперь Конан с похвальной настойчивостью осваивал новое для него искусство. Избегая постоянных насмешек и советов добровольных наставников, он уходил заниматься ранним утром. Ши иногда заявлялся посмотреть на это зрелище, хотя утверждал, будто старания Конана совершенно бесполезны.

...Камешек, звякнув, отскочил от вовремя подставленного лезвия и плюхнулся в лужу, подняв фонтанчик грязи. Дождь почти кончился, над землей плыли еле заметные облачка испарений. Среди прядей белесого тумана перемещался Конан, ведя бой с невидимым противником — выпад снизу, уход вправо, выпад сверху,

защита, уход влево... Для настоящей схватки движения выглядели чуточку замедленными и слегка дергаными, неуверенными.

Ши прицелился и метнул новый осколок гранита. К своему удивлению, он не промахнулся, угодив Конану в плечо.

Тот сбился с ритма и еле успел убрать ногу, чтобы не полоснуть по ней клинком.

— Один есть, — без особой радости сообщил Ши.

— Угу, — кратко подтвердил Конан. Вместо того, чтобы продолжать разминку, он подошел к облюбованному Ши насесту и снял висевшие на столбике ножны. Рядом лежала переброшенная через низкую перекладину безрукавка из толстой порыжелой кожи, украшенная блестящими заклепками.

— Что-то ты не в настроении, — заметил сверху воришка. — Из-за вчерашнего? Наплюй. Через пару деньков Джай простит и забудет. Такое со всеми случается.

— А если бы мы не заплатили? — Конан пристально глянул на приятеля. Его постоянно взлохмаченная черная шевелюра намокла, и он по-собачьи замотал головой, отряхиваясь.

Ши развел руками:

— Тогда Кодо с друзьями забрали бы Хисса с собой, а потом приволокли обратно в изрядно подпорченном виде. Кроме того, Кодо немедленно позаботится о надлежащих слухах, гласящих не в нашу пользу. С нами перестали бы иметь дело — на луну, на две. Очень неприятно. Таковы

наши порядки, ничего не поделаешь. Как говорится, закон плох, но это закон.

Он ладонью стер с лица дождевые капли и задумчиво добавил:

— Признаться, я слабо представляю, как прожить в стране с настоящими законами. Такими, что установлены не Назирхатом и воровскими кругами, а королем или городским советом. Впрочем, мошенник везде отыщет лазейку, а жить честно я не в состоянии — умру от скуки на следующий день... В Шадизаре куда веселее. Ты, кстати, сегодня с утра к нужнику не навещался?

— Опять? — понимающе спросил Конан, одеваясь. — Что теперь?

Погребенный в недрах выгребной ямы золотой жезл не успокаивался. Предложенной Лорной решение заколотить дверь будки ни к чему не привело — к рассвету доски оказались сорванными толчками Неведомого изнутри. Рот, извергавший поддельные драгоценности, сменился огромным глазом — желтоватым, и, точно у запойного пьяницы, пронизанным красными прожилками. Глаз судорожными рывками ворочался в разные стороны, многозначительно плясая на людей черным с прозеленью зрачком. Райгарх хотел ткнуть в него деревяшкой поострее, но не решился.

В середине дня глаз сменился осиным гнездом, из которого полезли скорпионы — раза в два крупнее обыкновенных и к тому же снабженные прозрачными стрекозиными крыльями.

Хисс и Кэрли успели изловить несколько штук, похоронив их в склянках с оливковым маслом. — такую редкость можно продать любителям собирать необычных тварей. Остальных насекомых безжалостно передавали сапогами.

— Сегодня там крапива, — пожаловался Ши, соскальзывая по столбу вниз. — Здоровенный крапивный куст, но с цветочками, как на розах, представляешь? И бабочки над ним порхают.

Конан приглушенно фыркнул — этот звук заменял ему смех. Ши мог гордиться собой: развеселить вечно мрачного мальчишку-варвара удавалось нечасто.

На краю площадки возникла кутающаяся в яркую цветастую шаль женская фигурка. Откинула угол платка, обернулась тщетно подавляющей зевоту Ферузой.

— Доброе утро, — чистюля туранка не решилась ступить на раскисший песок, опасаясь за свои расшитые туфельки. — Вы Аластора не видели?

— Разве он куда-то делся? — ответил вопросом на вопрос Ши, не преминув съязвить: — Ты в собственной кровати посмотрела?

— Да, и никого не нашла, — намек оставил Ферузу равнодушной. — В его комнате тоже тихо. Он ушел вчера ночью, сказал, будто намерен догнать Кодо и о чем-то поговорить.

— Значит, они торчат в каком-нибудь роскошном местечке навряд ли "Звездного моста" и треплются за десятым кувшином белого кофского, — меланхолично предположил Ши. — Да не

волнуйся ты, никуда он не денется и ничего с ним не случится. Это же Аластор, его все знают. Придет. Ты не заметила, Хисс сидит в углу?

— Нет, заперся у себя,— Феруза поплотнее запахнула шаль.— Я не волнуюсь, просто Альс говорил, что не хочет задерживаться...

Она вздрогнула и замолчала, потому что из открытой двери черного хода донесся короткий и громкий сухой треск — словно нечто тяжелое врезалось в предмет из дерева, расщепив его на множество обломков.

— Райгарх споткнулся,— хихикнул Ши. Его не поддержали.

— Непохоже,— Конан прислушался. Феруза переводила тревожный взгляд с одного приятеля на другого.— Пошли посмотрим.

Они с опаской заглянули в узкий коридор черного хода. Ши предусмотрительно вытолкнул Конана вперед, рассудив, что его, Ши, жизнь представляет большую ценность и необходимо позаботиться о ее сохранении.

По расшатанным половицам застучали стремительно бегущие ноги, тройца немедленно отпрянула. Прямо на них вылетела Рилна, девочка-служанка. Заметив Ферузу, бросилась к ней и зарылась лицом в складки шали, обморочно всхлипывая. Туранка прижала девочку к себе и шепотом спросила:

— Ри, что там? Кто тебя напугал?

Рилна простучала зубами нечто неразборчивое. Конан нахмурился и рванулся внутрь; совершенно не беспокоясь о том, на что может на-

ткнуться. Покрутив пальцем у виска, Ши нехотя потрусил вслед. Он бы куда охотней остался здесь, только должен кто-то приглядеть, чтобы спятивший варвар не устроил бойню.

* * *

Толстенный дубовый стол, разрубленный на две половинки, выглядел чрезвычайно жалко. Над обломками стола возвышался (впрочем, "возвышался" — сказано слишком громко, так, поднимался) не кто иной, как Альбрехт из Чамгана собственной персоной. На сей раз он явился не один, а с компанией сородичей числом около шести или семи, и не с пустыми руками — гном держал небольшой двулезвийный топор на длинном топорнице. Им он только что прикончил стол и, кровожадно оглядываясь, примеривался, какой предмет из обстановки трактира станет следующей жертвой.

Одним взглядом оценив ситуацию, Ши резво попятился назад, стремясь поскорее исчезнуть. К сожалению, отступая, он столкнулся с Ферузой и тихо всхлипывавшей Рилной. Туранка смерила воришку столь уничижительным взглядом, что встреча с отрядом разъяренных гномов показалась ему наилучшим выбором.

Грохот расколотого стола послужил отличным сигналом к подъему. На галерею немедленно выскочили Лорна и Райгарх (Ши успел отметить, что хозяйка и вышибала появились из-за одной двери и сделал надлежащий вывод), вслед за ними возникнул Проныра.

Свесившись через хлипкие перила, он громко и раздраженно осведомился:

— И что сие означает?

— Демоны вас всех раздери! — яростно завопила Лорна, заметив покалеченный стол. — Кто мне за это заплатит?

Альбрехт поднял голову, выискивая Джая. Теперь в нем не оставалось ничего от желчного, но в общем-то миролюбивого существа, заходившего в трактир недавним вечером. Старый гном в точности напоминал персонажа сказок о злобных подземных карликах.

— Где? — проскрежетал он. — Где они? Я знаю, что вы их украли! Только посмейте начать отпираться! Я даже знаю, кто это сделал — он! — узловатый кривой палец Альбрехта ткнул в сторону Конана. — Тот, что прячется за своим дружкой-громилой! Где они?

Конан покосился через плечо, вполголоса спросив:

— Ши, что он несет? Или ты в самом деле что-то у него увел?

— Ничего, Белом клянусь! — заверещал Ши, сделав крохотный шагок назад.

— Врет! — гном аж позеленел от злости. — Если не ты — значит, кто-то из вас! Если понадобится, мы перевернем этот свинарник вверх дном, но найдем их!

— Поосторожнее с угрозами, коротышка, — Лорна добралась до стойки, наклонилась, рывком открывая спрятанный шкафчик. Ей в руки, разворачиваясь, упал длинный промасленный

сверток из холстины, внутри которого хранились не так часто используемые мечи — ее и Райгарха. Тяжелый широкий клинок принадлежал асиру, два более легких и слегка изогнутых на конце в подражание туранским саблям — хозяйке трактира. Сегодня Лорна ничуть не возражала слегка подражаться. На ее родине всегда недолюбливали подгорное племя, а кроме того, она считала, что никому не позволено безнаказанно портить ее собственность.

— Хватайте его! — оглушительно для столь небольшого создания взревел Альбрехт, и в "Уютной норе" забушевал ураган.

Мгновенно выяснились два печальных обстоятельства. Разность в росте людей и гномов не позволяла схватиться всерьез, к тому же представителям человеческой расы приходилось то и дело вскакивать на столы или стойку, чтобы не остаться без ног. Вдобавок каждый из жителей Шадизара невольно вспоминал затверженное с детства правило: тронешь одного из Чамгана — будешь иметь дело с десятком его соплеменников. Потому люди только защищались, пытались оттеснить плотно сбитую группку гномов к дверям и вытолкать во двор. Карликов же не волновали никакие условности — они хотели вернуть обратно то, чего лишились, и неважно, какой ценой.

Правда, они представления не имели, что встретят здесь человека с очень похожим образом мыслей. Конан совершенно не задумывался о том, что может погибнуть. Он азартно метал-

ся по всей таверне, размахивал мечом, наводил страх и даже сумел хорошим пинком отправить одного из нападавших в очаг — к счастью, не горевший — но его подвели самоуверенность и хрустнувшая под ногой скамейка.

Конан оступился и оказался зажат в углу парочкой весьма решительно настроенных гномов.

Когда им не удалось вынудить упрямого человека бросить оружие, они просто-напросто опрокинули на него тяжеленный стол. Не удержавшись на ногах, Конан получил по затылку обухом топора и выбыл из общего веселья.

Ши приплясывал на месте, подбадривая своих азартными воплями, однако в сунуться в зале не решался. Свой поступок он мысленно оправдал необходимостью позаботиться о Ферузе и Рилне, а также тем, что гномы требовали выдать на расправу именно его, Ши Шелама. Чем он им досадил?

Метавшийся на галерее Джай удачно прыгнул вниз, приземлившись прямо на шею кому-то из сородичей Альбреха, и тоже встрял в драку. Не владея мечом, он отлично знал, как превратить в оружие любой предмет домашней утвари и как заставить противника побегать за тобой, выскальзывая прямо у него из-под носа. Лорна и Райгарх, судя по их виду, вспомнили молодые годы и развлекались вовсю. Гномов шаг за шагом теснили назад, к выходу, и вот-вот грозил наступить перелом в пользу людей.

Ши мельком подумал, что снаружи, должно быть, здание таверны выглядит шатающимся из

стороны в сторону и ухмыльнулся. Ухмылка сменилась гримасой растерянности. За плечом Ши испуганно ахнула Феруза и захныкала Рилна.

Дверь трактира распахнулась настежь, впус-тив позабытую всеми Кэрли.

После развеселой вечеринки, окончившейся незадолго до рассвета, девушка пребывала в отличном настроении и слегка навеселе: тщательно уложенная прическа растрепалась, подол длинной юбки заткнут за пояс, чтобы не мешался под заплетающимися ногами, за ухом покачивается легкомысленного вида розочка.

Кэрли остолбенела на пороге, до смешного напоминая раскрашенную куклу с глазами-пуговками и навсегда приоткрытым ртом. Оказавшийся поблизости Альбрех схватил ее за руку и рывком втянул внутрь, поставив перед собой. Девушка недоуменно пискнула, не в силах уразуметь, сон это или явь. Однако, заметив в опасной близости поблескивающее лезвие топора, мигом очнулась и попыталась вырваться.

— Не дергайся! — Альбрех дернул пленницу за запястье, едва не вывернув кисть. Кэрли взывала, с легкостью заглушив наполнявшие трактир звуки.

Визг подействовал не хуже холодной воды, выплеснутой на раскаленные угли.

— Так-то лучше, — с расстановкой произнес Альбрех, глядя на людей и своих сородичей, замерших в довольно нелепых позах. В углу, под грудой досок, заворочался оглушенный Конан. — А теперь, если вы дорожите этой...

Короткий и толстый арбалетный болт с глухим цоканьем вонзился в деревянную панель стены как раз над головой гнома, выбив парочку острых щепок.

— Отпусти мою девушку! — на узком балконе появился странно перекошенный на один бок Хисс с маленьким самострелом в руках. — Иначе очень скоро угодишь на обед червям. Ну!

— Первый разумный поступок за целое утро, — во всеуслышание заметил Райгарх. Альбрех с величайшей неохотой выпустил руку Кэрли, та шарахнулась в сторону, спотыкаясь о валявшиеся на полу обломки мебели.

Имея преимущество в лице засевшего наверняка стрелка, обитатели "Норы" осмелели, а подгорные жители несколько растеряли прежний задор.

— В чем, собственно, дело? — повторил свой давешний вопрос Джай, потихоньку отступая поближе к занявшим круговую оборону Лорне и Райгарху. — Помнится, вчера мы разошлись вполне довольные друг другом. Не проще ли объясниться по-человечески, прежде чем затевать скандал с мордобитием?

— Он украл мой талисман, — с леденящей холодностью неподкупного немедийского судебного заседателя повторил Альбрех.

Проныра глянул на осторожно высунувшегося в зал приятеля:

— Это верно?

— Провалиться мне на этом месте... — завел набившую оскомину песенку Ши, выкраивая на-

столько честное выражение лица, что становилось противно.

— Какой именно талисман? — уточнил Райгарх. — Как он выглядел?

— Медное кольцо с висящими на нем ключами, — отчеканил гном. — Семейная реликвия, хранится в нашей семье уже пятую сотню лет. У вас, людей, нет ничего святого!

Ши подавился воздухом. Так вот оно что! Вчера он действительно вытянул у старого сморчка некую привлекательную вещицу, но даже не успел толком рассмотреть трофей, как тот перешел в руки Кодо.

Неужели эта штучка настолько ценная, что ради нее недомерки из Чамгана готовы влезать в склоку с презируемыми ими людьми? И что ответить? Послать Альбреха к Кодо, пусть сами разбираются? Кодо удавится, но игрушку не отдаст. Разве за хороший выкуп.

Воришка открыл рот, дабы произнести последнюю мысль вслух, но старый гном, вероятно, счел его доброе намерение предвестием нового потока заверений в невинности.

— Слушать вас — только время терять, — зло скрипнул он и полез за пазуху. На свет появилось нечто округлое, ярко блестящее. Альбрех с размаху швырнул предмет на уцелевший стол. — Сегодня к закату мы вернемся. Если талисман не будет лежать здесь, мы сравняем ваш клоповник с землей. И можете распрощаться со своим дружком, тем, у которого длинный язык и не в меру ловкие ручонки.

Он повернулся и вышел, подчеркнуто не обращая внимания на людей. Гномы потянулись за ним. Одного пришлось поддерживать — того, что по милости Конана навел на очаг, другой прихрамывал — этому досталось от Джая, третий держался за голову — Райгарх заехал ему плашмя лезвием меча по макушке.

— Опять разгром,— горько сказала Лорна, отдышавшись и оглядевшись.— Вы что, собрались пустить меня по миру?

Хисс, ругаясь и цепляясь за перила, заковылял вниз, к присевшей возле стойки и потрясенно хлопавшей глазами Кэрли. Из своего укрытия выбралась Феруза, подняла брошенное карликом украшение и вдруг коротко вскрикнула.

Ей не понадобилось долго объяснять, чем она встревожена — требовалось лишь показать оглянувшейся на крик компании принесенную вещь. С небольшим запозданием ее узнали. Широкий серебряный браслет, напоминавший свернутую в кольцо молнию. Браслет Аластора, откованный по особому заказу.

— Альс в Чамгане? — ошарашено проговорил Джай.— Что происходит? Ши?!

— Я знаю не больше твоего,— огрызнулся ворышка.— Да, я стянул у лысого недомерка какую-то побрякушку с ключами, но ее у меня забрал Кодо. Вы сами видели! Я понятия не имею, какие у Альса дела с гномами! Феруза, ну скажи ты им!

— Когда мы вчера, то есть уже сегодня ночью разошлись, Аластор убежал вслед за Кодо,—

слегка запинаящимся голосом произнесла туранка.— Хотел о чем-то с ним поговорить, обещал быстро вернуться и не пришел... — она задрожала, выронив браслет. Лорна молча обняла девушку за плечи, хмуро глянув поверх ее рыжеватых локонов на Джая и совершенно потерявшегося Ши.

Конан наконец выкарабкался из-под рухнувшего на него стола и поднялся на ноги. Вид его не предвещал возможным врагам ничего хорошего, но сражаться было не с кем — в трактире остались только его жильцы, удрученно смотревшие друг на друга.

Взгляд в прошлое: Подземелье

Если вы решили сделать себе имя в ремесле, которое обходительно именуется "ночным промыслом", то придется привыкнуть, что порой вам суждено приходить в себя в незнакомом месте, с несколько отрывистыми воспоминаниями и ноющей головой. Главное в такие моменты — не орать, сохранять спокойствие и как можно скорее начинать соображать, продолжая старательно прикидываться телом в бессознательном состоянии.

Били по затылку, и били от души — то ли начиненной свинцом дубинкой, то ли мешочком с песком. Аластор с отвращением ощущал последствия этого удара: липкую холодную жидкость, засохшую на волосах и воротнике рубаш-

ки. Кому он умудрился насолить в последнее время? И что вообще случилось, если вспоминать по порядку? Хотя нет, предыдущие события сейчас не слишком важны. Главное — куда он угодил?

Сосредоточились, напряглись, осторожно приоткрываем глаза. Радужные вспышки в темноте — последствия близкого знакомства с мостовыми Шадизара, скоро пройдет. Ага, кое-что уже различается. По физиономии со злости лупили, что ли, иначе почему так скулы сводит?

Первые впечатления — темно и холодно. Вскоре добавляется боль в ребрах и вонь подгнившей соломы.

Осторожно перемещаемся из лежачего положения в сидячее и осматриваемся. Хорошо обладать способностью видеть при слабом освещении — откуда-то проникает дрожащий оранжевый блеск. Факелы, это по запаху понятно: жженное дерево, горящие тряпки, вымоченные в масле.

Постепенно вырисовывается помещение высотой чуть ниже человеческого роста, имеющее в длину и ширину шагов пять. Стены и потолок сложены из тщательно пригнанных друг к другу гранитных блоков, швы между ними почти незаметны. Окон нет. Дверной проем очень низкий, в два с половиной — три локтя, снаружи перегорожен частой железной решеткой, утопленной в пол. Замков и засовов не видно. Невеселые дела. Однако он твердо верил — сбежать можно из любой тюрьмы, главное выбрать подходящий момент и способ.

Перейдем к изучению собственной драгоценной персоны и выяснению тяжести нанесенных повреждений. Надо бы узнать, что там с многострадальным затылком. Поднять руку...

Рука не двигается. На мгновение Аластора прошибает жутчайшая догадка: кто-то решил полностью устранить любую возможность побега пленника и для этого лишил его самой величайшей ценности — рук. Можно обладать сколь угодно изворотливым умом, но что ты сделаешь, если твоих пальцев, умеющих творить чудеса, больше не существует?

Несколько мгновений он расширившимся глазами всматривается в темноту, проводя языком по пересохшим губам. Затем медленно опускает взгляд, изучая лежащее на коленях громоздкое сооружение.

Они в самом деле постарались все предусмотреть. Это ручные колодки — тяжеленные, деревянные, обшитые полосками меди, крепко, до содранной кожи, охватывающие запястья, и замкнутые на четыре висячих замка. Там, где положено находиться кистям, торчат железные шары размером чуть больше кулака. Его ладони внутри этих шаров, можно даже слегка пошевелить пальцами, убедившись, что они целы, но совершенно бесполезны. Умно придумано. Умно и жутковато. Холодное железо заодно лишает способности побаловаться с небольшим числом магических трюков, что имеются в запасе.

Аластор ерзает на месте, выясняя, что еще приготовили для него неведомые тюремщики.

Сапоги исчезли, на ногах — цепи. Просто замечательно. Какая-то посторонняя железяка вокруг пояса, к ней тоже наверняка приделана цепь, прикрепленная к стене. А это что? Ошейник? Точно, кожаный ошейник и тянущиеся от него звенья. Позаботились о госте, нечего сказать. Обмотали, как каплуна для продажи.

— Влип,— произнес он вслух, не удивившись дрожи в голосе.

Боязливо зашевелились воспоминания.

"Нора", гном Альбрех, договор. Склад торговцев шерстью, странноватый коридор, пустующий дворец, принадлежащий неизвестно кому... Он уже тогда забеспокоился, но решил не ударяться в панику раньше времени.

Они благополучно делали свое дело, пока не появилась эта девица и Ши не приспичило угодить своим плотским желаниям.

И пусть бы угождал на здоровье, но, уходя, заткнул ей рот или хотя бы запер в комнате.

Оскорбленная особа, вереща во всю глотку и зовя на помощь, помчалась им вслед, горя желанием отомстить. Дальше началось что-то жуткое: стоявшая смирно бронзовая пантера зашевелилась и бросилась на воров. Конан сцепился с ней, давая остальным возможность удрать. Он по скудоумию и склонности к острым ощущениям помчался выручать этого идиота-варвара. Зачем, спрашивается? Потом... Потом Конан вроде бы выдернул его прямо из-под морды собравшейся закусить статуи и они юркнули в подземный ход. Джай наорал на Альбреха, обвиняя то-

го во всех неприятностях мира. Гном безмолвно проглотил оскорбления, предложил удвоить плату и намекнул, что ему нужны люди, готовые не задавать вопросов и встречать с авантюры. Джай точного ответа не дал, они рассчитались с гномом и направились к дому.

Помнится, по дороге он и Хисс пытались рассказать Джая о своих подозрениях насчет пропавшей неведомо куда шайки Ларка Белой Гончей, но Джай пребывал в столь скверном настроении, что не желал ничего слушать. А дома, в "Норе", их ждало новое веселье...

Цеплявшиеся друг за друга события обрывались здесь. Он припомнил сцену в таверне, отчаянные попытки Хисса оправдаться, сбор денег — а после все погружалось в туман. Он поговорил с Ферузой, выскочил во двор, добежал по Обманному переулку до Старой лестницы, спускавшейся по склону холма. Что дальше?..

Со злости на собственную недогадливость Аластор яростно ударил скованными руками по коленям. Ну конечно! Как он не сообразил с самого начала! Теперь все встает на свои места! Альбреху требовались люди, готовые выполнить рискованное задание, причем такие, исчезновения которых никто не заметит. Встревожился ли кто-нибудь, когда пропал Ларк? Никто, ни одна живая душа, даже приятели Гончей, ибо все привыкли, что в этом городе человек может запросто исчезнуть, не оставив ни малейшего следа.

Однако Альбрех наткнулся на неожиданный подарок судьбы — на Аластора. Вряд ли гном

ожидал встретить давнего неприятеля, но, увидев и узнав, тут же начал действовать. Незачем ломать голову над вопросом, с чего затеяна такая охота. "От прошлого не убежишь и не спрячешься,— изрек бы в таком случае Конан.— Оно идет по следу лучше всякой ищейки".

Осторожно наклонив голову, Аластор попытался заглянуть в зарешеченный дверной проем. Бесполезно, из-за прутьев ничего не разглядеть. Можно подать голос, кто-нибудь да придет. Только явятся не гости, а судьи. Роль обвиняемого, вне всяких сомнений, отведена ему.

Гномы, конечно, злопамятный народец, однако он даже не подозревал, насколько злопамятный. Попробуем догадаться, что его ожидает. Убить не убьют, от мертвого обидчика никакой пользы. Наверное, потребуют, чтобы он вернул похищенное. Или просто оставят в подвалах на десяток-другой годков. Вот, мол, что случается с теми, кто осмеливается посягать на кладовые гномов! Забудут — и все. Кто знает, вдруг пока он пребывал в царстве грез, дверь в камеру замуровали? Факелы погаснут, и он останется тут навсегда... Получится замечательный прикованный скелет, как в легендах. Бр-р. Нет, он куда полезнее в живом виде, нежели в мертвом. У гномов всегда на первом месте выгода, месть — на втором.

Аластор сел поудобнее, насколько позволяли колодки и звенья цепей. Его не слишком пугало теперешнее положение, но, как всякий угодивший в серьезный переплет, он испытывал страх

перед грядущей неизвестностью. Он вновь станет самим собой — ехидным, неунывающим и изобретательным типом по прозвищу Дурной Глаз — как только его судьба приобретет некую определенность.

— Столько шуму из-за какой-то безделицы,— недовольно заявил он сводчатому потолку.— Вдобавок позаимствованной не здесь, в Шадизаре. Это несправедливо! Они сами виноваты — сначала хвастаются повсюду, а потом возмущаются, что их ограбили!

Говоря по правде, похищенное некогда ожерелье вовсе не заслуживало названия "безделицы". Описывавшие его слухи единодушно утверждали — создавая эту вещь, подземные мастера превзошли сами себя. Драгоценность имела собственное имя, Умхийд, в переводе с языка гномов — Сияние Глубин. Поговаривали, что, как всякое удачное творение гномов, Умхийд наделен магическими свойствами и укрыт так, что до него не добраться никакому вору.

— Приплюснутый народец превзошел сам себя? — спросил Аластор, когда рассказы о несравненном ожерелье стали навязчивей зубной боли.— Отлично, я тоже превзойду самого себя!

Он отправился в Кезанкийские горы — сплетники твердили, что сокровище пребывает именно там. К сожалению, он вынужденно нарушил собственные заповеди, и на сверкающих драгоценных камнях осталась кровь его защитников. Аластор не помнил в точности, скольких пришлось убить — четверых или пятерых, но слу-

чившееся его изрядно огорчило. Он всегда предпочитал обходиться без ненужных жертв и обладание прославленным Умхийдом не доставило ему особенного удовольствия.

Изделие подгорных ювелиров стоило всех сложенных о нем легенд, оно блистало, как утренняя роса, изумруды переплетались с сапфирами и редчайшими голубыми алмазами, но похититель, глядя на добычу, не испытывал радости.

Вскоре Аластор без малейшего сожаления расстался с ожерельем. Подарил его женщине, благосклонности которой давно добивался, здраво рассудив: если она откажется от подарка, значит, он наткнулся на чудо вроде голубой розы — воистину добродетельную особу. К счастью, Умхийд не подвел. Красавица, открыв бархатный футляр, мгновенно позабыла о неприступности.

Как помнилось Аластору, его подруга отличалась изрядной бережливостью, граничащей с мелочной скупостью и ханжеством. Последнее стало причиной быстрого завершения их романа. Прекрасная дама ничуть не возражала против дорогих безделушек, но всякий раз, узнав об их происхождении, кривилась и заводила долгие нравоучительные беседы о пагубности воровства.

В один прекрасный день Аластор не выдержал и смылся. Ожерелье осталось у бывшей симпатии и наверняка по сей день пребывает среди ее драгоценностей. Теперь бы еще узнать, где обитает бывшая привязанность...

С мысли о давних знакомых он незаметно перешел к нынешним, в очередной раз задав

безответный вопрос: как его угораздило потерять голову от ничем не примечательной девушки-туранки? Феруза хорошенькая, но в городе полно красивых женщин. Красивых и доступных, в отличие от девчонки, за которой он безответно таскается уже вторую — или третью? — луну. Коли он не вернется в ближайшие два-три дня, Феруза заподозрит неладное и вынудит остальных начать поиски. Правда, что они смогут поделать? Чамган — город в городе, людей сюда не впускают, а проникнуть в поселение гномов труднее, чем в королевскую казну Офира.

Вдалеке лязгнула открывающаяся дверь и затопали, спускаясь по лестнице, приближающиеся шаги. Аластор вскинул голову, прислушиваясь, затем сделал вид, что дремлет, исподлобья наблюдая за происходящим. Шаги стихли, тусклый отблеск померк в золотистом свете масляного фонаря. Он разглядел неясные тени, услышал шелканье отпираемых замков и увидел, как решетка беззвучно отъехала в сторону.

Вошли двое. Один со скрежетом бухнул что-то на каменный пол и застыл возле смутного пятна входа. Второй подошел поближе, раздраженно пыхтя. Аластор не шевелился, выжидая, хотя онемевшие кисти настоятельно требовали хоть крохотного движения.

— Хватит прикидываться, — знакомый скрипучий голос принадлежал Альбриху. Пленник зашевелился, вызывающе зевнул и осведомился:

— Ради чего меня разбудили? Где кипящее масло, раскаленные клещи, дыба и все такое?

— Коли ты не понимаешь иного языка, кроме угроз, будем беседовать именно на нем,— саркастично отозвался гном и, подтверждая угрозу делом, расчетливо и жестко пнул кованым сапогом человека в бедро, угодив точно в косточку. Взломщик не удержался, приглушенно взыв.

— Думаю, пока ты к подобному разговору не готов,— заключил Альбрех.— Я вообще-то хотел убедиться, что ты осознаешь свое положение.

— Отлично сознаю,— Аластор с усилием приподнял руки в колодках.— И нахожу прославленное гномское гостеприимство обременительным. Носить столько цепей — дурной вкус.

— Остришь? — презрительно хмыкнул Альбрех.— Ну-ну. Единственное, что тебе удастся, ибо для этого не требуется большого ума.

Взломщик попробовал на языке готовый язвительный ответ, подумал и решил, что молчание недаром называется "золотом".

— Быстро учишься,— одобрил гном.— Вот еще повод для размышления: неужели ты решил, что уйдешь безнаказанным? Где Умхийд?

— Я расплатился вашей безвкусной поделкой с девицей Имикой по прозвищу Ноги Настежь, что околачивается на мосту Тысячи Львов в Тарантии,— ухмыляясь, сообщил Аластор.— Подозреваю, она выковыряла камешки и сплавил их ростовщику либо очередному дружку. Кстати, они точно были не фальшивыми?

Тут же взломщик пожалел о сказанном.

Альбрех с неожиданным проворством метнулся вперед, сгреб человека за волосы и с еле сдер-

живаемой яростью несколько раз приложил затылком о камни. Аластор попытался увернуться, вместо этого натянул цепь, крепившуюся к ошейнику, и едва не задохнулся. Гном с откровенным удовольствием наблюдал, как пленник отчаянно пытается сесть и хрипит.

— Ты подумай,— мягко, даже ласково произнес Альбрех.— Это ведь только начало. Отсюда не под силу сбежать даже тебе. И кстати,— он нагнулся и соболезнующе-едким шепотом посоветовал: — Не слишком надейся на помощь своих дружков. Людская память недолговечна, добавок у них полно хлопот. Зря они стащили мой талисман и имели глупость его потерять. Можешь поблагодарить их за эту услугу — теперь нам придется тратить время на то, чтобы увезти тебя отсюда. В Кезанкию. Думаю, тебе там понравится. Что молчишь? Давай, потрепайся, доставь мне такое развлечение,— гном слегка пнул человека в бок, и тот болезненно дернулся.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что сможешь удержать меня,— каким-то чужим, звенящим голосом медленно проговорил Аластор.

— А ты забываешь, что всегда остается возможность освободить мир от присутствия такой мерзости, как ты,— отрезал подгорный житель.— И знаешь что? Будет даже лучше, если ты решишь прикинуться героем и держать язык за зубами. У нас уже давным-давно не устраивали публичной казни пойманного вора. Мы все равно возвратим Умхийд, но тебе не доведется узреть мгновение нашей славы...

— Ваш народ сгубит пристрастие к высокопарности и мстительности,— буркнул человек.— Ищите, ищите,— он опять не удержался и съязвил: — Кстати, отгадай загадку. Что такое: всю жизнь копается в грязи, но не свинья; квакает, но не жаба; тупое, но не...

Договорить ему не удалось.

...Альбрех и его молчаливый спутник задвинули за собой решетку и заперли ее на необычной формы замок. Старый гном поднял фонарь, осветив внутренность камеры. Прыгающее пятно фонаря выхватило обмякшую человеческую фигуру, привалившуюся к стене. Голова человека бессильно свесилась вперед, из приоткрытого рта, напоминавшего черный провал, на некогда белую рубашку капали вязкие сгустки крови. Гном довольно кивнул:

— Два, самое большее три месяца. Он не выдержит всего, что мы в состоянии ему устроить — постоянную темноту, жизнь в подземелье, непреходящий страх... Либо заговорит, либо сохнет. Полагаю, у него хватит ума догадаться, насколько невелик выбор.

— У нас есть человек, но больше нет талисмана,— заметил собеседник Альбреха, отчасти напоминавший грубовато обтесанный и оживленный каменный блок.— Кроме того, мы накопили слишком много... товару. Скоро возникнут вопросы и подозрения.

— Значит, готовимся к отправке,— скривился Альбрех.— Признаться, я рассчитывал задержаться тут подольше, но что поделаешь... Эти

люди — они заслуживают, чтобы их приканчивали еще в колыбели. Весь этот вонючий городишко давно пора стереть с лица земли,— он досадливо махнул рукой.— Я отправляюсь убеждать нашего, с позволения сказать, старейшину, этого напыщенного дурня Трора. Ты знаешь, что делать. Передай остальным — у нас мало времени. Караван отправляется через три дня.

Обитатели Чамгана разошлись. Альбрех отправился пересчитывать ступеньки длинной лестницы, ведущей наверх, его подручный и сообщник удалился в лабиринты жилых помещений.

Пять домов Чамгана снаружи выглядели как обычные людские жилища, и потому горожане обычно забывали, что гномам не требуется высоких потолков и на каждый этаж человеческого дома в среднем приходится два гномских. Вдобавок, под строениями уходили вниз их зеркальные отражения — огромные подземелья, связанные между собой. Кое-кто из жителей Чамгана никогда в жизни не поднимался на поверхность и не бывал в расположенном рядом людском поселении. Их вполне устраивали пещеры.

Сегодня Альбреху требовалось навестить верхние ярусы квартала Чамган. Он шел, почти не замечая попадавшихся навстречу знакомых, в который раз повторяя в уме заранее составленную речь и продумывая ответы на возможные каверзные вопросы. Если правда о том, что собирались проделать он и его сородичи, выплывет наружу, им не жить не здесь, ни в Кезанкии, ни в каких других подгорных королевствах. Их зак-

леймят предателями, обвинят в стяжательстве и во всех возможных грехах, с позором изгонят прочь и это станет еще неплохим исходом.

— На нашем месте любой поступил бы также, — убеждал себя Альбрехт. — Глупо отворачиваться, когда удача сама идет в руки. Мы просто воспользовались счастливой случайностью. И, даже совершили полезное дело — изловили грабителя! Они должны быть нам благодарны!

Трор, старейшина квартала Чамган, терпеливо выслушал рассказ Альбрехта. Старейшина не поверил. Альбрехт настаивал и привел доказательства своей правоты. Трор пришел в восторг и полностью одобрил предложенный замысел. Альбрехт добился желаемого — ему и соплеменникам из его клана разрешалось присоединиться к каравану, вскоре уходящему в Кезанкийские горы. Старейшина обещал посодействовать и договориться с людьми из городской стражи, дабы повозки не подвергались слишком тщательному осмотру.

Выйдя из покоев Трора, Альбрехт постоял неподвижно возле узкого зарешеченного окна, бормоча под нос нечто, описывающее старейшину отнюдь не с лучшей стороны. Затем встряхнулся и резво потрусил по коридору. Как он сам недавно заметил, времени осталось мало, а сделать надо многое.

Глава 6. День Бедствий

Мак голубой или розовый? — Слушай, что ты ко мне пристал, как митрианский послушник к шлюхе? Говорю же, я видел эту дрянь только краем глаза! А теперь ты хочешь, чтобы я описал ее в подробностях! Я даже не могу сказать, сколько ключей цеплялось к треклятому кольцу!

— Десять. Точно, десять. Я посчитал, пока Кодо ими размахивал.

— По-моему, девять. А кристалл был с переливками — то голубой, то фиолетовый, и немножко зеленый.

— Аквамарин сойдет. Тебе попить принести?

— Угу. Белого вина со льдом, если найдешь. Джай, у тебя сапоги с подковками? До сих пор чувствуется...

— Не отвлекайся! Мне заново извиниться?

— Неплохо бы. Ладно, раз ничего не сломал, я тебя прощаю. Сам дурак, что вяпался. Переходим к следующему.

— Золотой, у основания торчал здоровый рубин, вокруг него — такие маленькие светлые камешки, граненые в остроконечную пирамидку.

— Бериллы, что ли?

— Они самые. На бородке — три зубца, два больших, третий поменьше и такой... на волну похож.

— Нарисовать сможешь?

— Его рисунками детишек хорошо пугать.

— Это вас нужно пугать, пока не поумнеете! Малыш! Сделай так, чтобы они заткнулись и не пыхтели мне в затылок! Ши, возьми перо и нарисуй ключ, как запомнил.

— Я не умею...

— Красть умеешь, значит, и рисовать научишься. Кэрли, дай ему лист и помощи. Следующий!

— Стекланный или хрустальный — точно не разглядел. Внутри продернуты тоненькие золотые ниточки, из них получался узор.

— Бел-хранитель, как я такое сделаю?..

— Ключ-то мы вырежем, у меня в кладовке валяется друза хрусталя. Простенького, но изда-лека будет похоже. Хисс, не торопись вешаться раньше времени. Пять ключей мы уже вспомнили. Давай шестой.

— Свинцовый... Или бронзовый? Скорее, свинцовый — отблескивал серым.

— По нему рассыпаны желтые камешки. Топаз, хризопраз — не знаю, как называются.

— Кэрли, коробку с топазами! В каком порядке стояли камни?

— Вроде просто понатыканы, как в голову пришло.

— Взять бы ту голову, да постучать об угол...

— Малыш, не ворчи.

— Хотел бы я знать, какие делишки наш красавчик крутил с подземными грязекопателями? Когда мы из дворца шли, я невзначай оглянулся, смотрю — Альбрехт нам вслед пялится, причем именно на Альса, и так глазенки выпучивает, будто злейшего врага встретил.

— Вдруг оно так и есть? Может, Альс в ихние кладовые наведывался?

— Это невыполнимо. Об таком подвиге легенды ходили бы от Вилайета до Полуденного Побережья. Гномов можно обжудить, можно продать им гнилую пшеницу за спелую, можно при большой удаче всучить порченный изумруд, но ограбить их кладовые нельзя.

— Значит, он сумел. Он ведь лучший.

— Тогда ему крышка. Карлики такого не прощают. Не отпустят ни за какой талисман, будь он сотню раз семейной ценностью.

— Ты при Ферузе подобного не брякни. Пожалей девочку.

— Кстати, что она делает?

— Ничего. Молчит. Думал, разревется в три ручья, а она села, уставилась в очаг и вертит Альсову побрякушку. Я посмотрел — и бочком, бочком оттуда. Страшно стало.

— Знаете, у них ведь что-то такое по-настоящему завязывалось...

— Хотя сейчас перестань сплетничать, а?

— Влипли мы, благородные господа, по самое не могу. Надо было к астрологу заглянуть, прежде чем соглашаться даже рядом ходить с коротышками.

— Я тебе сейчас устрою прикладную астрологию — звездопад из глаз посыплется.

— Замолчите! Пойдите куда-нибудь! Отыщите Кодо и скажите, что у него из пасти несет, как от дохлой рыбы. У вас сразу появится забота — спастись от него по всему городу. Или пусть Райгарх вас построит в колонну и учит ходить гусиным шагом!

— Добрый ты, Хисс, просто душа радуется.

— Я занят, неужели трудно понять! Малыш, выкини всех отсюда! И сам уходи! Ши, Кэрли, вы мне понадобятся. Остальные — за дверь!

* * *

"Они нарушают собственное правило — беспокоиться только о своей шкуре,— в поисках тихого и укромного места Конан забрался на плоскую крышу таверны и улегся там, рассеянно обзревая пустынную улицу.— Но если бы они этого не сделали, я, наверное, ушел бы от них... Странные они люди. То есть странные для меня, а для себя, для этого города — самые обыкновенные. Это я не такой. Что теперь делать? Они думают обмануть Альбриха фальшивыми ключами. Как же. Гном с первого взгляда распознает подделку. Но если потянуть время... Если заставить Альбриха отвлечься... Если, если, если! Почему эти городские так любят все усложнять?"

Он с досадой ударил кулаком по низкому ограждению крыши. Мягкий, прожаренный солнцем известняк раскрошился, белая пыль шелестящей струйкой потекла вниз.

— Вот ты где,— рядом плюхнулся весьма раздосадованный Ши. Воришка приволок утробно бултыхающийся бурдюк и немедленно принялся вытаскивать пробку.— Меня выгнали,— сообщил он между делом,— Хисс разорался, будто от нас никакого проку. А сам, между прочим, ничуть не лучше. Идея с фальшивками — глупее не придумаешь!

— Он хоть что-то предложил,— справедливо заметил Конан. Ши пренебрежительно свистнул сквозь зубы.

— Кто знает, может, и получится что толковое,— проговорил он уже спокойнее, отхлебнув из кожаного мешка.— Хочешь водички? Головушка не болит после того, как по ней подземные уродцы настучали?

— Нет,— буркнул Конан, отбирая бурдюк.

— Конечно, чему болеть в пустом черепе,— вяло съехидничал Ши и, не в силах усидеть на месте, вскочил и заходил кругами.— Слушай, Малыш, как у тебя получается всегда оставаться спокойным?

— А зачем зря суетиться? — удивился вопросу Конан.— Вот ты досуетился — украл у гнома его драгоценные ключи. Посмотри, чем все обернулось.

— Только не вздумай указывать, как мне и что делать! — мгновенно разолился воришка.—

Старый лопух цепляет побрякушку на самое видное место и думает, ее никто не заметит? И вообще, зачем гному таскать с собой людской символ, а? Они ж не верят в Бела, он человеческое божество, а у них какие-то свои, подземные покровители. Вот я и взял. Любой бы взял. Это ведь Шадизар! — название родного города он произнес чуть ли не по слогам.

— Знаешь, что я заметил? — задумчиво начал Конан. — Когда вы не знаете, как что-то объяснить, вы всегда закатываете глаза, разводите руками и говорите: "Это Шадизар!" с таким многозначительным видом, будто одно это слово способно оправдать любой ваш поступок.

— Самая длинная и вполне разумная речь, которую я от тебя слышал, — хихикнул Ши. — Малыш, ты делаешь успехи. Еще немного — и тебя можно допустить в приличное общество.

— Значит, вы — неприличное?

— Мы не общество, — грустно признал Ши. — Мы, как однажды верно заметил Джай, со-общество развеселых бездельников. Слушай, пойдем прогуляемся в город? До вечера вряд ли что случится, а там, глядишь, увидим или узнаем чего интересного. Чего сидеть без толку? Хисс и Кэрли мастерят свою поделку, Феруза ни с кем не разговаривает, Лорна носится вокруг нее, а Джай бросается на любого, кто рискнет сказать ему хоть словечко, почище цепного пса. Пошли, пошли, пошли! — он схватил валявшийся бурдюк и, прежде чем Конан успел отскочить, выплеснул на приятеля оставшуюся воду. — Вставай!

Тот с недовольным ворчанием поднялся.

На крышу вела неприметная и очень ненадежная винтовая лестница, чьи ступеньки опасно прогибались даже под Ши. Лестничка выводила в коридор второго этажа, к комнатам постояльцев, и Конан перед уходом заглянул к себе — неприятно ходить мокрым. Вдобавок он хотел захватить с собой кое-что. Пускай мечи тут носить не принято, но разнообразные ножи и кинжалы таскают все и каждый.

Ши подпирал дверной косяк, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и ожидая, когда Конан соберется. Тому оставалось только забрать лежавший на кривоногом столе кинжал и он уже потянулся за ним, коснувшись, когда произошло необъяснимое — темные вытянутые очертания ножен слегка дрогнули, искривились и медленно поползли по направлению к распахнутому окну. Ши ойкнул. Конан отпустил краткое непонятное словечко и, не долго думая, сгреб удирающее оружие. То извернулось, зашипев, и мальчишка — от неожиданности или инстинктивно — с размаху треснул беглым кинжалом о край столешницы.

Раздался короткий хруст — словно каблуком раздавили орех. На полу образовалась быстро растекающаяся темная лужица.

— Ты что наделал? — страшным шепотом взвыл Ши, влетая в комнату и захлопывая дверь. — Ты, тупоумный! Нам теперь конец!

— Н-небо, — сорвалось у Конана. Он в растерянности уставился на трупик невезучей Мири-

аны, распластавшийся посреди стола. Рядом лежал злополучный кинжал, форму и цвет которого, на свою беду, решила в точности повторить ксилу. — Я не хотел...

— Райгарх нас убьет, — с подвыванием застонал Ши, мечась от стены к стене. — Сматываемся, пока никто не знает. Ох, Малыш, вечно от тебя жди неприятностей... Беру любые слова о варварском хладнокровии обратно. Чем она тебе досадила? Такая тихая... такая милая...

— Ее нужно куда-то деть, — решительно заявил виновник безвременной кончины ящерицы. — Завернем в тряпку и унесем, а потом выкинем.

— Тогда Райгарх перевернет трактир, отыскивая свою ненаглядную, — возразил Ши. — Положим тихонько где-нибудь на видном месте. Если что — ничего не знаем, ничего не видели и вообще в город ходили. Только лужу надо вытереть.

Покойную Мириану с величайшими предосторожностями отнесли вниз и остороженько пристроили на ступеньке лестницы, ведущей на галерею. Осуществив коварный замысел, убийца и соучастник позорно скрылись, опасаясь заслуженной расправы и, по счастью, оставшись незамеченными.

— Может, решат, будто она заснула и на нее кто-то наступил, — бодрился Ши. Конан в ответ недоверчиво хмыкал. — Если Райгарх догадается, нам не жить. Ну зачем ты ее так сильно стукнул? Она бы наверняка поправилась, так ведь

обязательно нужно изо всей дурацкой мощи приложить бедным животным об стол! Если что, учти — я буду твердить, что ты во всем виноват.

Они благополучно добежали до Старой Лестницы, пронеслись по двум сотням прохудившихся и давно нечиненных ступенек, вспугнув стаю маявшихся от жары голубей, и исчезли в путанице маленьких улочек и переулков квартала Нарикано.

* * *

Двое кружили по городу — юркий, пронырливый тип среднего росточка с физиономией прожженного жулика и долговязый, жилистый подросток, чуть удивленно и настороженно взиравший на мир из-под густой черной челки неожиданно светлыми глазами. Они наведались к Конному Полю, где почти ежедневно проводились скачки — это место считалось одним из самых обустроенных в городе. Впрочем, любое заведение, имевшее малейшее отношение к азартным играм, стремилось выглядеть прилично, не в пример общественным зданиям. У запертых ворот бегового круга околачивалась, проклиная духоту и ожидая сумерек, привычная компания — принимавшие ставки дельцы, неизменные нищие, просто любители сплетен и лошадей. Ши разыскал какого-то своего знакомого подозрительного обличья, пошептался с ним, и, как заметил Конан, десяток серебряных монет сменил хозяина, перейдя из рук Ши к его другу.

— Глядишь, и повезет,— ответил воришка на молчаливый вопрос приятеля.

Парочка миновала Ак-Сорельяну — улицу Тысячи Грехов — в полдень тут царила благопристойная тишина, двери веселых домов закрыты, окна закрыты ставнями, традиционные красные фонари потушены до наступления вечера. Свернуть направо — окажешься в квартале Сахиль, владении торговцев, перекупщиков, караванщиков и, разумеется, всевозможных мошенников. Тут визитеры из Нарикано задерживаться опасались — в Сахиле распоряжается другой хозяин, здесь свои порядки и свои заправилы. При малейшем подозрении в попытке работы на чужой территории считай свою короткую жизненную песенку завершённой.

Проскочив Сахиль, попадаешь к Каменному рынку — самому большому, шумному и богатому из дюжины торжищ Шадизара. Полвека назад городские власти и главы торговых домов расщедрились, скинувшись и возведя посреди города двухэтажный бело-оранжевый каменный квадрат с бесконечными галереями, лавками, подвалами, складами, конюшнями, мастерскими и заполняющими огромное внутреннее пространство рынка навесами. На Каменном рынке правила своя шайка, однако туда разрешалось навещать и промышлять гостям из соседних кварталов — при условии, что они будут помнить свое место и не позволят себе лишнего.

Ши и его спутник неспешно побрели через никогда не затихающее, резко пахнущее и болта-

ющее на тысячу ладов кипение рынка, прицениваясь к приглянувшимся безделушкам, останавливаясь перекинуться парой слов с встреченными знакомыми или поглазеть на что-нибудь, достойное внимания, будь то тыква невероятных размеров или погоня за незадачливым карманником. Правда, сегодня шума было гораздо больше и вот по какой причине.

— Ты только глянь,— внезапно ахнул Ши, и потянул Конана за рукав.— Наш старый друг и сюда добрался!

— Какой друг? — не понял Конан и всмотрелся. Ши указывал на... Словом, Конан сплюнул и попятился. Летучий зубастый Пузырь, вызванный несколько дней назад Ферузой, сейчас порхал над лавкой оружейника и усердно объедал досчатую крышу, попутно уворачиваясь от кидаемых в него из толпы булыжников. Тварь за минувшее время немножко подросла и теперь была полных два с половиной локтя в диаметре.

— Отъелся на шадизарских хлебах,— заключил Ши, наблюдая за существом, уже отгрызшим небольшой флагерок, украшавший лавку.— Подумать только, жрет и жрет, остановиться не может...

— Да ты, парень, не видел что эта чуда на главной площади учинила,— вмешался какой-то пожилой прохожий, расслышавший слова Ши.— Теперь статуя Митры, что возле храма, безголова стоит. Вчистую, гад, отожрал, вчера еще. В него, святотатца, и из арбалетов стража палила, и из луков стеляли, ничто чуду не берет! А ут-

ром нынешним тварюга объела висельников, что в петле с прошлой седмицы болтались. Хоть бы отравилась, что ли... Ох, напасть пришла в наш благословенный город! Каждый день, паскудник, разорения учиняет...

— Да-а-а... — понимающе протянул Ши. Существо наконец закончило с крышей лавки и неторопливо полетело куда-то в сторону Полуденных ворот на высоте трех человеческих ростов. Толпа выла и улюлюкала. — Ладно, представление окончено. Надеюсь, оно не собирается возвращаться в трактир Лорны. Тогда всем нам точно крышка.

За пределами рынка начиналась широкая полоса лавок, лавчонок и сопутствующих им кабаков. Ши углядел безлюдный переулочек, свернул туда и щелкнул пальцами, привлекая внимание Конана. Убедившись, что мальчишка смотрит на него, Ши торжественно извлек из-за пазухи парочку туго набитых кошель, присовокупив к ним изящный бархатный мешочек, расшитый цветными камнями.

— Когда успел? — с искренней завистью спросил Конан.

— Я шел, а они сами ко мне прыгнули, — безмятежно отвечивал Ши, перебрасывая добычу приятелю.

— У меня, наверное, так никогда не получится, — мальчишка присел, вытряхивая содержимое кошель на подвернувшийся плоский камень.

— Сразу, конечно, не получится, — согласился воришка, выразительно пошевелив пальцами в

воздухе. — Кроме того, ты... Ну, слишком заметный. Твое призвание — выбивать мозги из голов, а не срезать кошельки, — он состроил разочарованную гримаску. — Спроси у Ферузы, она подтвердит. Пробовал тянуть карту из ее колоды?

— Пробовал. Всегда одно и то же, — кивнул Конан. — Меч. А у тебя?

— Лисица в винограднике, — разочарованно признался Ши. — Ворюга как он есть.

Приятеля сосчитали улов, выбросили опустошенные кошельки в ближайшую сточную канаву и отправились дальше. Сделали крюк, заглянув в маленькую полуподвальную лавку, где по изрядным ценам торговали съедобными редкостями — дарами моря, привезенными с побережья Вилайета, или причудливыми фруктами из полуденных провинций Турана. Ши испытывал слабость к маленьким розово-бежевым ракушкам и при случае закупал не меньше дюжины.

Конан взял одну попробовать, подозрительно принюхался и скривился, убежденно заявив:

— Это несъедобно.

— Значит, правда, что варвары питаются только мясом поверженных противников, запивая его свежей кровушкой? — Ши загнал острие ножа в щель между створками раковины, повернул и ловко забросил ее содержимое в рот.

— Не столь часто, как думают в городах, — хищно и весело ухмыльнулся Конан. Он попытался повторить движение Ши, но перестарался, и ракушка развалилась. — Откуда такое привозят?

— С Вилайета, а Вилайет — море за Кезан-
кийскими горами. Только не спрашивай, что та-
кое море и как оно выглядит. Я его ни разу в
жизни не видел. Знаю, что в нем много соленой
воды и что оно очень большое. Слушай,— Ши
расправился с очередной ракушкой, отшвырнув
пустые обломки,— все хочу спросить... У тебя во-
обще семья есть? Родные там или кто?

Конан коротко кивнул.

— Тогда почему ты не вернешься? Тебе ведь
не нравится здесь. Мы и живем совсем по дру-
гим законам, точнее, без них, и говорим по-дру-
гому, и думаем не так, как у вас. Мы воры,— он
метнулся в сторону, ловко схватив с проезжав-
шей мимо повозки парочку яблок.— Самые зау-
рядные, хотя пытаемся казаться удачливее, чем
на самом деле. Тебе надо не нас держаться, а
таких, как Райгарх или Лорна. Они похожи на
тебя. Райгарх лет тридцать назад, наверное, был
в точности таким же.

Прежде чем ответить, Конан надолго замол-
чал, а Ши спросил себя — с чего вдруг его по-
тянуло на излияния?

— Мне... любопытно,— наконец подыскал нуж-
ное слово мальчишка.— Вы ко всему привыкли,
но я-то вижу все в первый раз, понимаешь? Я
видел этот город, хочу увидеть и другие. И это
самое море, про которое ты говоришь. И Полу-
денное Побережье, о котором рассказывает Ала-
стор. И все города и страны.

— Зачем? — ошарашено поинтересовался Ши.

— Просто так. Чтобы было, что вспомнить.

— Незамутненная варварская натура,— сокру-
шенно вздохнул Ши Шелам, вытаскивая из кана-
ющего влагой холщового свертка новую ракови-
ну.— Тяга к приключениям и все такое прочее.
Впрочем, шкура твоя, тебе ею и рисковать. Толь-
ко сначала научись походить на человека. На-
пример, съешь ракушку.

— Она скользкая и тинной воняет.

— Зато деликатес. Редкость, то бишь. Это те-
бе не в родимых буреломах медведей за хвост
дергать. Кстати, у медведей растут хвосты?

Болтая и задирая друг друга, парочка мино-
вала торговые кварталы, выбравшись в зажиточ-
ный район, принадлежавший богатым купцам и
местным сливкам дворянского сословия. Оттуда
их вскоре турнули сторожа, скучавшие у ворот
вульгарно-роскошного особняка, и, глянув на
плывшее над городом солнце, Ши пробормотал:

— Пора и к дому.

Они прошли всего ничего, с пару сотен ша-
гов, когда воришка вдруг замер, в прямом смыс-
ле слова как вкопанный — Конан изрядно уда-
лился вниз по переулку, пока заметил отсут-
ствие приятеля. Ши юркнул в глубокую стенную
нишу, утянув попутчика за собой, и ткнул дро-
жащим пальцем в направлении близлежащего
перекрестка, отмеченного старинной бронзовой
статуей.

— Ты посмотри... — восхищенно выдохнул он.
— Вот это да!

— Ну, женщина,— с искренним презрением
ранней и занятой совершенно иными мыслями

молодости отозвался Конан. — Богатая. Иноземка. Заблудилась.

— Ожерелье, — почти пропел Ши. Его узкие темные глаза зачарованно расширились. — Малыш, такой случай выпадает раз в жизни! Другого не будет! Все или ничего!

Завладевшая вниманием и воображением Ши незнакомка того стоила. Похоже, она и ее спутники не слишком хорошо знали город, заплутав в путанице улиц (жители с гордостью утверждали, что в Шадизаре нет ни одной улицы, идущей прямо на протяжении хотя бы полусотни шагов), и теперь расспрашивали дорогу. Это хлопотное занятие выпало на долю охранника дамы — хмурого и хорошо (слишком хорошо, по мнению Конана) вооруженного типа. Второй стоял рядом с паланкином госпожи, держа в поводу двух лошадей с блестящей светлой шерстью и вычищенных так, что они казались матово сияющими. Женщина — высокая, чуть полноватая блондинка лет тридцати, облаченная в платье из шелков белого и кремового цвета — сидела на краю носилок, запряженных двумя разукрашенными бубенчиками и ленточками мулами, со скукающим интересом озираясь вокруг.

Конан по неопытности счел ее старой и обвешанной слишком большим количеством побрякушек. Ши — восхитительной и отлично подходящей на роль жертвы маленького налета. Опасность представляли только охранники, но разбираться с ними воришка решил предоставить приятелю. Зря его, что ли, учили? И потом, эта

так называемая стража обычно служит только для произведения впечатления. Малыш скажет им "Бу!", они и разбегутся. Да-да, побегут, не оглядываясь. Но какое ожерелье!

В своих украшениях дама явно отдавала предпочтение жемчугу. Пара грушевидных перлов украшала ее маленькие ушки, с десяток нитей обвивали запястья, но главное сокровище покачивалось на шее — бледно-розовая, вспыхивающая в солнечных лучах частая сетка, разбавленная вкраплениями синих и зеленых капель. Ши никогда не видел подобной роскоши и на миг потерялся в золотистом тумане будущей прибыли. Незнакомка, должно быть, на редкость везуча, раз сумела проехать по городу, не лишившись этого великолепия вместе с головой.

Охранник наконец закончил разговаривать с хором из двух почтенных матрон, купца и девицы известного ремесла, достаточно в нем поднаторевшей, чтобы научиться выглядеть приличной женщиной, и вернулся к своей хозяйке. Та забралась в паланкин, не задерживая занавесок, погонщик мулов шлепнул животных поводьями, стражники взобрались в седла и заняли места по бокам носилок — маленькая процессия двинулась вверх по улице, в сторону Сахилия.

— За ними, — прошипел Ши. Малыш не стал возражать, хотя явно не одобрял затеи приятеля.

* * *

Больше всего Ши опасался наткнуться на кого-нибудь из местных обитателей квартала, кото-

рые на вполне законных основаниях сочтут даму в носилках своей добычей. Боязнь заставляла его постоянно озираться, не позволяя сосредоточиться на изобретении способа завладеть вожаемым ожерельем. Однако первым конкурентов заметил Конан, незамедлительно пнув воришку в бок:

— Или думай быстрее, или уходим. Вон, трое подле входа в мясную лавку — смотри, как устали на твою красотку, точно съесть ее собрались.

— Ты сумеешь отвлечь охрану? — Ши облизнул губы и быстро зашептал что-то на ухо Конану. Тот слушал, недоверчиво подняв бровь.

...Паланкин свернул за угол и остановился, наткнувшись на преграду в образе двух сцепившихся груженных подвод, переругивающихся владельцев, ржущих лошадей и галдящей кучки зевак. Мулы испуганно захрапели и попятились. Дама вопросительно оглянулась на старшего из своих охранников — белобрысого здоровяка с непроницаемым выражением физиономии. Тот кивнул своему подчиненному, безмолвно приказывая убрать препятствие. Охранник подъехал ближе и тут же выяснил, что совершил роковую ошибку — его немедленно втянули в спор, громкогласно призывая стать свидетелем, разобраться и навести порядок. Стороны взаимно обвиняли друг друга в скудоумии и неумении обращаться с животными, породистая лошадь стражника нервно зафыркала и попыталась встать на дыбы. Второй охранник еле слышно ругнулся, сказал

что-то госпоже и поспешил на выручку собрату. Погонщик мулов, забыв о своем долге, примкнул к добровольным помощникам, растаскивающим перепутавшиеся упряжки.

Дама, стоически ожидавшая, когда ее экипажу освободят дорогу, высунулась наружу, созерцая получившуюся свалку и прислушиваясь к заковыристым речевым оборотам, коими щедро обменивались участники маленького уличного происшествия. Очередной словесный шедевр поверг ее в такое изумление, что женщина решительно забралась в недра паланкина и опустила занавески справа. Она собиралась задернуть шторы и слева, но внезапно обнаружила, что больше не одна. Рядом околачивался невысокий вертлявый юнец, ухмылявшийся от уха до уха. Ухмылка, впрочем, выглядела довольно дружелюбно, а ее владелец — симпатично.

— Визжать будем? — осведомился он, бесцеремонно присаживаясь на край носилок.

— Это что, грабеж? — женщина ничуть не испугалась. Наоборот, вежливо улыбнулась и поправила выбившийся из прически локон.

— Совершенно верно, — закивал Ши, с интересом разглядывая незнакомку и принюхиваясь к окружающему ее сладкому аромату. — Разбой среди бела дня. Добро пожаловать в Шадизар!

— Гм, — госпожа одарила воришку благосклонным взглядом серо-голубоватых глаз и обстоятельно уточнила: — И что мне надлежит делать? Звать на помощь? Просить пощады? Предлагать выкуп? Видите ли, молодой человек,

меня еще никогда не грабили. Не хотелось бы нарушать сложившиеся традиции.

— Все когда-нибудь случается в первый раз,— философски заметил Ши. Незнакомка ему понравилась — не из пугливых и умеет встречать неотвратимое с достоинством. Точно, какая-нибудь аристократка из птиц высокого полета.— Будет вполне достаточно, если вы отдадите мне ту безделушку,— он указал на жемчужное ожерелье и решил подсластить горечь разлуки с драгоценностью: — Честное слово, такая красавица, как вы, от этого ничего не потеряет.

Женщина звонко расхохоталась. Не ожидавший такого всплеска Ши чуть отпрянул.

— Я непременно расскажу об этом друзьям, они ни за что не поверят,— сквозь смех проговорила златокудрая дама: — "Меня ограбили в Шадизаре, и представьте — вор оказался настолько воспитан, что отпустил мне куртуазный комплимент!" Вы счастливое исключение из правил или здесь все такие? Послушайте, месьор грабитель, как вас зовут, если не секрет? Я, например, графиня Клелия Кассиана дия Лаурин из Офира.

— Ши Шелам,— брякнул растерявшийся замориец, чьи мысли внезапно приобрели совершенно неположенное направление. Ши намертво придавил их предательские ростки воображаемым валуном, напомним себе, что ему не хватает только неприятностей из-за заезжей дворянки.— Слушайте, госпожа Клелия, все это хорошо и мило, но я бы предпочел забрать ожерелье и исчезнуть отсюда.

— Как приземленно,— разочарованно вздохнула женщина.— Простите, а законы этого города разрешают несчастной ограбленной даме...

Она не договорила. Снаружи, заглушая вопли и треск расцепляемых колес, донесся пронзительный короткий свист.

— Надо полагать, сообщники? — заинтересованно спросила Клелия, выглядывая в узкую щель между шестами носилок и занавесью.— Вы подстроили этот затор на улице, верно?

— Прошу прощения, мне пора,— решительно пресек дальнейшие любезности Ши. Ему понадобилось не больше пяти ударов сердца, чтобы оказаться позади ойкнувшей дамы, расстегнуть массивную застежку ожерелья и забросить горстку переливающихся жемчужин за пазуху.— Счастливо оставаться, госпожа. Не горюйте, скоро наверняка обзаведетесь новой побрякушкой!

Он выскользнул из паланкина и, как оказалось, вовремя. Улицу расчистили, стражники и погонщик возвращались. Охранники ехали верхами, и Ши недовольно поморщился — они с Малышом рассчитывали, что стражники слезут на землю. Ладно, полдела позади. Драгоценность у него, остается только удрать.

Позади скрипнула отодвигаемая штора. Клелия не опустила до визга и криков "Спасите, обокрали!". Ее вышколенной охране не требовались лишние указания. Воришка замер, соображая, куда метнуться.

— Воров, как правило, ловят,— раздался над самым ухом Ши мягкий, воркующий голос без

малейшего оттенка злорадства.— Мне не жалко ожерелья, но я не люблю оставлять преступления безнаказанными. Если сможешь убежать, навести меня. Я живу в гостинице "Рубиновая лоза",— он на миг увидел на своем плече тонкие пальцы с длинными ногтями, выкрашенными в золотисто-сиреневый цвет. Пальцы сжались, блеснув кольцами, и легонько подтолкнули его вперед.— Тебе повезло, Ши Шелам, другому бы я не дала шанса. Помни это.

— Век не забуду,— Ши проскочил под брюхом надвигавшейся на него лошади и огляделся в поисках Малыша. Ага, мальчик отлично усвоил наставления всех своих учителей — парой ударов отправил решившего проявить героизм погонщика вздремнуть до вечера и запрыгнул на гору сваленных возле стены дома тюков.

Забраться на ближайшую крышу, а там пускай госпожа Клелия и ее бдительная стража исходят пеной.

Для знающих людей крыши Шаизара ничуть не хуже улиц. Скачи с одной на другую, да не попадись на глаза желающим отнять у тебя добычу.

— Рейф, живыми! Обоих живыми! — распорядилась Клелия, так и не покинувшая носилки.

Живыми. Как же. Держите карман шире. Кто же она такая, эта госпожа Клелия... как там дальше? Из Офира. В тамошней столице, говорят, даже мостовые выложены золотыми брусками. Может, они нарвались на спятившую богачку? Ожерелья не жалко, а грабителей доставьте

ей живыми. В клетке, что ли, держать будет? С такой станется. О-о, демонова задница!..

Стражники Клелии, как выяснилось, не зря получали жалованье. Они намеревались в точности выполнить приказ хозяйки — взять обоих воришек живьем. Старший, Рейф, согнал Конана с тюков и спокойно теснил к центру площади. Мальчишка увертывался, дважды удачно повисал на поводьях, заставляя лошадь сворачивать в сторону, но отскакивал, опасаясь получить клинком по голове или рукам.

Сбежавшаяся на шум толпа вопила, улюлюкала, хохотала, азартно швыряла в охранников дамы камни и гнилые объедки, всячески выражая свое одобрение вора.

Невовремя развеселившийся Ши, увлеченно крутившийся возле напарника Рейфа, пугая его коня и угрожая перерезать ремни сбруи, внезапно обнаружил, что прижат к высокой и гладкой стене дома. Воришка бросил встревоженный взгляд по сторонам, путей к бегству не обнаружил, но узрел приближающийся массивный конский круп. Если его придавят к стене и схватят — дело плохо.

— Малыш! — завопил Ши, пятась. Его услышали. Приятель развернулся и бросился на выручку. Избежал пинка стражника, вцепился тому в ногу и рывком выволок из седла. Они лихо покатались по торчащим булыжникам площади, отвешивая друг другу полновесные тумаки и сопровождаемые радостным ором зрителей.— Малыш, брось его! Сматываемся!

Углядев подходящее место для подъема, Ши подпрыгнул и ящерицей полез вверх по стене, чувствуя, как крошится под ногами высохшая глина. Добрался до края крыши, мысленно поблагодарив высокие небеса и лично Бела за то, что хлипкий карниз не оторвался, пока он подтягивался и переваливался через него, и глянул вниз. Конан наградил стражника последним увесистым пинком, после которого тот подозрительно затих, и кинулся к стене.

— Быстрее! — сорвавшимся голосом выкрикнул Ши, заметив две одинаково плохие вещи: уцелевший охранник развернул лошадь и рысью направился к Конану, а из соседней улицы показался бодро марширующий патруль городской стражи. Обычно они вели себя тише воды, ниже травы, но в торговом квартале пользовались некоторой властью и вполне могли загрести неудачливых воришек. — Шевелись!

Клелия Кассиана изволила покинуть носилки и встала рядом, следя за схваткой — высокая фигура в белых развевающихся шелках. Ши бросил на нее прощальный взгляд, махнул рукой и помчался через крышу, отметив краем глаза парочку, забравшуюся с другой стороны и пытавшуюся преградить ему дорогу. Шакалы. У самих кишка тонка лезть в драку, так думаете отобрать честно добытое? Не выйдет!

Первого Ши просто снес, с разбегу врезавшись в конкурента плечом.

Второй замахнулся ножом, но полоснул по воздуху — Ши успел присесть и перехватить

мелькнувшую над ним руку. Оставив неудачника скулить над заработанным вывихом, Ши перелетел на следующую крышу, скатился по приставной лестнице вниз и, петляя, рванул по круговерти проходных дворов. В душе он заходился радостным бессловесным воплем победителя и не оглядывался.

* * *

— Мы сделали! Мы их всех сделали! Малыш, варвар ты неотесанный, можно всю жизнь протаскаться, тягая на рынках кошель у разжиревших купцов и никогда не встретить свою удачу! Чего затих, мерзлое порождение Полночи? Малыш? Ма...

До возбужденного успехом разума Ши достучалось очень простое соображение — он разговаривает с пустотой.

Воришка остановился, сбившись на полушаге. Увиденное никак не желало укладываться в голове.

Может, Малыш отстал? Или, сами того не заметив, они расстались во время скачки по крышам, и возвращаются разными дорогами?

Так и не найдя подходящего ответа, Ши, тяжело дыша, зарысился в сторону Третьего Обманного переулка и гостиницы "Уютная нора". Малыш вполне мог обогнать его и ждать во дворе, около старого фонтана.

Двор таверны пустовал. Поскрипывала, раскачиваясь на легком ветерке, жестяная вывеска. Из клюва медной цапли мерно капала вода.

— Успокойся и возьми себя в руки,— Ши повторил эту простенькую фразу раз пять или шесть, прежде чем она оказала свое действие.— Это еще ничего не значит.

Он подошел к узкому окну, встал на цыпочки и украдкой заглянул внутрь. Райгарх, Лорна, Феруза и Джай. Больше никого. Нет, рядом со сгорбившейся Ферузой, жмущейся к погасшему очагу, сидит Кэрли.

Ши отошел, неуклюже опустился на парапет и тупо уставился на носки собственных потрепанных сапог. Он пытался вспомнить подробности стычки на безымянной площади квартала Сахиль. Малыш ведь успел вскарабкаться по стене! Да что там — он своими глазами видел, как мальчишка одолел карниз и побежал вслед за ним, Ши. Видел или убедил себя в том, что видел? Он думал только о сверкающем ожерелье и о непонятной женщине, этой самой Клелии Кассиане. Даже прикидывал, не наведаться ли к ней в гости — она сказала, будто живет в "Рубиновой лозе", очень приличном и дорогом местечке. В общем, его мысли занимало что угодно, кроме судьбы приятеля и компаньона.

"Малыш ушел от них,— упрямо повторил Ши.— Конечно, ушел. Кто сумел бы его остановить? Он просто задержался. Он придет. Я посижу тут и подожду, а потом мы вместе посмеемся над тем, какой всполошенной курицей я выглядел".

Поладив таким образом с тревогой и внезапно проснувшейся совестью, воришка потянулся

за своим драгоценным трофеем. Интересно, на Элате оно будет смотреться также потрясающе, как на Клелии?

Элата пошла в материнскую родню, а ее матушку торговцы живым товаром привезли из Пунта. Оттого у подружки Ши была темная до черноты кожа, завитые в мелкую стружку волосы и выпуклые карие глазищи. Ши восторженно зажмурился, представив, как бледно-розовое великолепие ляжет на острые бархатные ключицы девушки и как она завизжит, увидев, какой подарок он ей раздобыл. Тут Ши заколебался — расставаться с ожерельем не хотелось — и решил, что позволит Элате поносить его, но насовсем не отдаст. Только вот куда оно завалилось?

Зацепив пальцем ниточку жемчуга, вор аккуратно извлек украшение наружу.

— Ой-е-е...

Однажды по молодости лет Ши довелось свалиться в заброшенный колодец. Головокружение и полнейшее отчаяние, испытанное при внезапном падении в холодную, застоявшуюся воду, точь-в-точь соответствовали ощущению, возникшему при взгляде на ожерелье. Оно изрядно уменьшилось в размерах и, если так можно выразиться, похудело. Пока Ши оцепенело пялился на свое сокровище, еще одна розово-перламутровая жемчужина соскользнула с порвавшейся жилки и упала, закатившись в трещину между плитами.

Ши вдруг захихикал — еле слышно, точно откашлялся. Он смеялся, а жемчуг, сапфиры и

изумруды разорванного ожерелья сыпались с его мелко вздрагивавших ладоней, раскатываясь под ногами. Ши смеялся и никак не мог остановиться, пока кто-то не потряс его за плечо.

— Никак свихнулся? Где ты шлялся? Что это такое? И куда делся Малыш?

Джай присел на корточки, поднял маленький белесый шарик и сдул с него пыль.

— Всеблагие небеса! — ахнул он, приглядевшись. — Ши, где ты раздобыл такую... такое... Кэрли!

Девушка, вышедшая на крыльцо, торопливо подбежала ближе.

— Кэрли, найди какую-нибудь шкатулку! Ничего не спрашивай, просто принеси сюда и побыстрее!

Вскоре Джай и Кэрли ползали по занесенному красноватым песком и поросшему чахлой травой двору, собирая разлетевшиеся драгоценности и складывая их в деревянную коробку. Ши, запинаясь, рассказывал их с Малышом историю хождения в город, закончив описанием встречи с госпожой Клелией и потасовки на площади. Выслушав до конца, Джай только покачал головой, привычно и тоскливо вопросив блеклоголубое небо:

— За какие же проступки мне такое наказание?

— Может, он вернется, — попыталась обнадежить его девушка. — Малыш все-таки не игрушка, чтобы так просто скрутить его и сунуть в ящик.

— Если не объявится сегодня к вечеру, я завтра пойду в Алронг, — ни на кого не глядя, хмуро проговорил Ши. — Там, на площади, я видел городскую стражу. Если они его повязали, наверняка отправят в Мышеловку. Не узнаю ничего там — наведаюсь к Клелии. Она и ее громилы точно видели, куда он мог деться.

— Он убежал, — твердо сказала Кэрли.

— Тогда почему я здесь, а его нет?! — вспылil Ши.

— Он вполне мог заблудиться, — предположил Джай. — Ши, не дергайся. Кэрли права — Малыш в состоянии сам о себе позаботиться. Не забывай, он варвар. Спроси Райгарха или Лорну, они тебе расскажут, как на Полуночи воспитывают детишек, — Джейвар бросил в шкатулку подобранную бусину и скривился: — Сегодня, наверно, отмечается Великий День Бедствий. Мало нам Аластора, так теперь Малыш влип. Вдобавок какая-то сволочь впопыхах наступила на Райгархову чешуйчатую милочку. Та от огорчения возьми да помри.

— Мириана сдохла? — досадное утреннее происшествие полностью изгладилось из памяти Ши. — Райгарх знает?

— Пока нет, — смущенно признался Джай. — Я шел по лестнице, наткнулся на нее и отнес на ледник. Пусть там полежит, не до нее. Все собрали? — он, прищурившись, оглядел потрескавшиеся камни и сам ответил: — Кажется, да. Вот и Ферузе занятие — посадим ее нанизывать жемчуг. Роскошного ожерелья, конечно, не получит.

ся, но бусы выйдут отменные. Этим морским крошкам без разницы, вместе они или порознь — цена-то у них в любом случае изрядная. Ши, пойдешь или будешь ждать?

— Подожду,— отозвался воришка. Взобрался на парапет, подтянул колени к подбородку и мрачно вперился взглядом в полуоткрытые ворота, выражая всем своим видом готовность просидеть тут хоть до конца времен.

Он ждал до наступления вечера. Конан не появился.

В сумерках по переулку загрохотали колеса повозки, запряженной низкорослой гирканской лошадкой. Она въехала во двор гостиницы, описала круг и остановилась. Из-под брезентового верха выбрались Альбрех с двумя сородичами. Гномы пошептались, подозрительно косясь на неподвижного человека, сидевшего на ограде фонтана, и затопали в дом.

Рассудив, что дальнейшее ожидание бесполезно, Ши с трудом поднялся, выпрямляя затекшие ноги. Он хотел подойти к повозке, уверенный, что на ней из Чамгана привезли Аластора, но оттуда немедленно высунулась заросшая густым волосом свирепая физиономия и разразилась сердитым громыханием на наречии подземных карликов. Хотя Ши не понимал их языка, смысл сказанного не требовал перевода — отойди, отвали, убирайся.

Воришка сплюнул и поплелся к трактиру, чувствуя себя на удивление паршиво. Наверно, перегрелся на солнце.

Взгляд в настоящее: Тюрьма Алронг.

“В воздухе этого города носится безумие,— печально решила госпожа Клелия.— От него не укрыться никому. Оно находит трещину в рассудке и по капле просачивается внутрь тебя”.

Графиня дия Лаурин поправила безукоризненно лежавшие складки платья, в несчитанный раз за сегодняшний день вздохнула и обратила взор на очередную жертву шадизарского климата. Как ни странно, ей оказался Рейф.

Рейф, никогда не кричавший, ибо в этом не возникало необходимости, и чрезвычайно редко прибегавший к физической силе, дабы покарать провинившегося подчиненного.

Однако сегодня он выглядел как склочный тупой солдафон, не принимающий никаких оправданий и слышащий только собственный голос. Весьма громкий голос, надо заметить.

— Позволить какому-то сопляку, варварскому недоумку вытирать об себя ноги! — заходился в приступе яростного негодования Рейф.— Ты бы еще улегся кверху брюхом и лапки задрал! Да как после этого ты, бесстыжая рожа, смеешь...

— Рейф,— устало сказала госпожа Клелия.— Довольно.

Требование кануло в пустоту.

— Неужели я обучал бездарность? — патетически спросил Рейф.— Тогда вот что я тебе скажу, приятель — ноги твоей больше...

— Хватит! — Клелия ударила ладонью по столу. Рейф осекся. Распекаемый подчиненный бро-

сил на госпожу короткий благодарный взгляд — бросил одним глазом, ибо второй стянулся в узкую щель посреди черно-фиолетового кровоподтека. — Гилл, выйди.

Повторять не требовалось.

Стражник вылетел за дверь комнаты в гостинице "Рубиновая лоза" едва ли не раньше, чем отзвучала короткая фраза.

— Сколько шума, — укоризненно заметила женщина. Старший охранник потупился, как нашкодивший мальчишка, и с трудом выдавил:

— Простите, госпожа. Но впервые моего человека укладывает какой-то драный щенок, а недоношенное заморийское отродье смеет обкрадывать мою госпожу! Это же позор! Почему вы не позвали нас на помощь?

— Чтобы без помех поговорить с грабителем, — Клелия опустила в кресло и жестом разрешила Рейфу сесть напротив. — Нам сказано повезло — эта парочка имеет самое прямое отношение к человеку, которого мы разыскиваем.

— Откуда... — начал Рейф, но прикусил язык. Бесплезно спрашивать госпожу, откуда к ней приходит знание. Если она сказала, что воры связаны с ее давним приятелем, значит, так оно и есть.

— Теперь нам известно имя того, что позаимствовал мое ожерелье и так ловко скрылся, — продолжила Клелия, сделав вид, что не заметила оговорки своего телохранителя. — Надо полагать, он не первый день промышляет на улицах.

Если тебе столь необходимо проучить Гилла, отправь его прогуляться по окрестным трактирам... Пусть расспросит завсегдатаев о молодом человеке, которого зовут Ши Шелам, — она задумчиво улыбнулась, вспомнив воришку — нахального и беспокойного, как язычок пламени на ветру.

— Будет исполнено, госпожа, — кивнул Рейф, постепенно возвращаясь к своему привычному облику сдержанного и бесстрастного бывалого вояки. — Дружок этого Шелама, надо полагать, вас тоже интересует?

— Более чем, — подтвердила госпожа Кассиана. — Жаль, что нам не удалось увести его с собой. Городская стража, конечно, в своем праве...

— Городская стража! — презрительно хрюкнул Рейф. — Собиратели падали, вот они кто, извините за резкость. Какой-то тюнец преспокойно раскидал десяток этих боровов и вполне мог уйти нога за ногу, прежде чем они очухались! Его сгубило то, что он увлекся и не заметил опасности. Неудивительно, что они разозлились, получив такую трепку.

— Однако мальчика они забрали, — женщина в задумчивости подперла рукой подбородок. — Вопрос в том, куда они намеревались его отправить? А вдруг он сбежал по дороге?

— Вряд ли, его хорошо отделили, — возразил стражник. — Это мелкая рыбешка, значит, по здешним порядкам, его сунут в Алронг. Загон для неудачников невысокого пошиба.

— Его будут судить?

— Сомневаюсь. Правосудия в нашем представлении тут не существует. Мальчишку могут держать за решеткой, пока приятели не раздобудут денег и не выкупят его. Могут завтра же вздернуть — для устрашения прочей развеселой братии. А может случится, что он просто-напросто исчезнет.

Госпожа Клелия взглядом потребовала разъяснения. Рейф на миг замялся, но решил, что хозяйка понимает, где они находятся. Кроме того, графиня дия Лаурин отлично знает, что жизнь не бывает окрашена только в светлые тона.

— Места вроде Алронга есть в каждом городе, — неохотно начал он. — Туда частенько навдываются безымянные люди с толстыми кошельками и довольно необычными требованиями. Допустим, им нужна двуногая добыча для охоты. Или типы навроде этого парня-варвара — их сбрасывают в яму и заставляют сражаться, пока один из бойцов не погибнет. Приходят жрецы запрещенных культов — эти подыскивают жертвы для своих божков. А некоторые тайком обзаводятся мальчиками для...

— Я поняла, — спокойно кивнула женщина. — Значит, нужно опередить возможных претендентов. Как думаешь, какая сумма покажется достаточной для того, чтобы требующегося нам заключенного отпустили?

— Один фальшивый медный сикль, — буркнул Рейф. — Хотел бы я знать, кто учил этого маленького мерзавца драться?

— Расспросишь при случае, — улыбнулась Клелия. — Итак, кому-то придется наведаться в Алронг и узнать, кого доставили туда в течение сегодняшнего дня и есть ли среди общего числа некий неудачливый уличный грабитель довольно юных лет.

— Хорошо, — Рейф поднялся и направился к дверям. — Как только станет что-нибудь известно, я немедленно сообщу. Прислать вам какую-нибудь из девушек?

— Нет, — отказалась госпожа Кассиана.

Стражник вышел. До нее долетел его голос, отдающий распоряжения. Хвала небесам, Рейф успокоился и начал думать, вместо того, чтобы набрасываться на людей с упреками. Гиллу просто не повезло — он наткнулся на кого-то, кто сражается лучше него.

Белокурая женщина откинулась в кресле, закрыла глаза и прислушалась к уличному шуму. Предчувствия не подвели — бессмысленное на первый взгляд кружение по городу вывело в нужное место, туда, где она столкнулась с парочкой воров. Им известно, куда затерялся ее приятель. Клелия не сомневалась в этом, как не сомневалась в том, что ночью темно, а земля твердая. Она уже видела эти лица в призрачных видениях, а теперь встретила во плоти и убедилась, что не ошибается.

Госпожа Клелия не верила, что у Ши Шелама хватит дерзости нанести ей обещанный визит, а потому предпочла идти проторенным путем. Раз мальчик-варвар со смешным прозвищем Малыш

оказался в тюрьме, она с удовольствием похлопочет, дабы помочь ему выбраться оттуда. Ей всегда нравилось совершать добрые поступки, если они не требовали слишком больших усилий.

Тюрьма Алронг, приткнувшаяся на полуночной окраине города, носила множество обиходных наименований — Мышеловка, Садок, Колодец, Бездонная Бочка, Ловушка и даже Могильник.

Внешне она представляла невзрачное двухэтажное здание грязно-желтого камня, расползшееся на половину квартала и обнесенное высокой глинобитной стеной; утыканной поверху острыми железками. Охрана Алронга не славилась чрезмерной бдительностью, приторговывая правами на свидания и иногда устраивая заключенным побег, а пребывание в Мышеловке обязательно числилось в послужном списке каждого, даже самого известного шадизарского вора. Алронг мог оказаться как первой вехой на долгом пути к сияющим вершинам успеха, так и ступенькой бесконечной лестницы, ведущей в глубочайшую из пропастей.

Конан очнулся от вон и раздававшейся поблизости перебранки. Собственно, он не терял сознания, понимая, кто он и что происходит вокруг, просто исчезло желание двигаться, сопротивляться, бежать, вообще шевелиться. Если бы его не швырнули прямо в кучу преющих и отдающих гнилью тряпок, он бы так и остался

лежать неподвижно. Но тряпки несносно благоухали — Конан заподозрил, что к изначальному кисловатому аромату примешивается его собственное творение, поскольку его изрядно поташнивало — и он больше не мог выносить этот запах.

Он осторожно приподнял голову, в которой с грохотом перекатывались железные болванки, и огляделся. Предсказание Ферузы сбылось — он все-таки угодил в Садок.

Против судьбы не попрешь, надо осваиваться.

Откатившись подальше от исходящей зловонием кучи, Конан добрался до стены и после пары неудачных попыток уселся. Его нынешнее местопребывание смахивало на низкую и узкую клетку с каменным потолком, замыкавшую ряд подобных сооружений. Обитатель клетки справа шумно переругивался с тюремщиком и своим соседом напротив. Всего же в задымленном и грязном помещении, лишенном окон и освещаемом чадающими масляными лампами, насчитывалось около двух десятков загонов для людей, выстроившихся в два ряда, и ни один не пустовал. Кое-где в клетке обитало по два-три постояльца, и Конан решил, что ему повезло. Наверное, сочли достаточно опасным, чтобы сажать вместе с кем-нибудь.

Припомнив устроенную им круговорот на площади, то, как его кулаки прогулялись по чьим-то зубам и ребрам, он слегка взбодрился. Как говорится, сделал глупость — сам ее и расхлебывай. Нужно было удирать вслед за Ши, а

он задержался, наконец-то получив возможность всласть подраться. Кто-то сумел подобраться к нему сзади и от души приложить по голове чем-то тяжелым. Потом он упал... вспоминать дальше не хотелось.

Но Ши благополучно смылся и, кажется, сумел захватить приглянувшуюся ему побрякушку. Значит, вскоре в "Норе" узнают о случившемся. Конечно, все здорово рассердятся — одна беда за другой, сначала Аластор, теперь он, Конан! — но обязательно придумают, как его вытащить. Какую головомойку ему устроит Райгарх — страшно представить!

Конан окончательно пришел в себя, встряхнувшись, убедившись, что все кости целы, и утвердился в первоначальном мнении — ему тут не нравится. Слишком напоминает недоброй памяти казармы в Халоге.

— С добрым утречком,— насмешливо приветствовали его из соседней клетки. Там расположился — именно расположился, словно у себя дома — молодой парень с несомненными туранскими чертами лица.— Как спалось?

— Что-то слабо верится, будто это создание способно разговаривать,— высказались напротив. Говоривший отодвинулся к самой стене, и потому Конан видел только очертания съездившейся фигуры.— Эй, лохматый! Подай голос или язык проглотил? Ты откуда такой взялся?

Вопрос "Откуда ты?", как усвоил Конан, подразумевал не выяснение происхождения собеседника, а требование назвать место жительства в

городе, тем самым определив свою принадлежность к той или иной шайке.

— Я из Нарикано,— откашлявшись, проговорил он.— Меня... Мои друзья зовут меня Малышом.

Житель каморки напротив мелко захихикал. Справа тоже понимающе хмыкнули и представились:

— Мейгелен из Сахили. Отребье с другой стороны ряда, ошибочно полагающее себя человеком, кличут Силли. Не обращай на него внимания, он безнадежный пьяница и вдобавок слегка тронутый остатками ума.

— Врешь,— оскорбился невидимый Силли. Мейгелен просунул руку через решетку и показал ему неприличный жест, означавший "Заткнись".

— Ладно, значит ты Малыш,— продолжил туранец, с любопытством разглядывая собрата по несчастью.— Судя по тому, что притащившие тебя вчера стражники были оч-чень недовольны, а кое-кто из них изъявлял желание — повторяю дословно — "Прикончить этого чокнутого варвара", ты им чем-то изрядно досади. Хотелось бы знать, чем именно?

— Тебя за что посадили? — ответил вопросом на вопрос Конан.

— Ни за что, разумеется! — беспечно рассмеялся Мейгелен.— Спроси у любого — здесь никто не в чем не виноват, верно? Разве что Силли — в неоднократном нарушении общественного спокойствия своим непотребным видом. Впро-

чем, ему давно пора переехать сюда на постоянное жительство — его тут каждая крыса знает.

— Мы с приятелем хотели стянуть у одной расфуфыренной дамочки побрякушку,— вполголоса сказал Конан.— Тут некстати приперлись городские стражники и вышла заварушка. Приятель удрал, а я не сумел.

— Знакомая история,— кивнул сосед.— Скорбное повествование о моей судьбе прозвучит весьма схоже. Неудачников просто тянет в Мышеловку. Тебя сразу отправили сюда или сначала допросили?

— Не помню,— честно сказал Конан.— Кажется, нет. А как отсюда выбраться?

— Жди суда,— Мейгелен зевнул и улегся на спину.— Либо положишься на честность приятелей. Авось, выкупят. Лично у меня на шее болтается законно повешенная необходимость проторчать в этом зверинце ровно пятнадцать дней и выплатить городской казне около полусотни золотых. Такова цена крохотного надувательства, учиненного вашим покорным слугой со товарищи. Десять дней уже миновали, долг заплатили мои дружки. Правда, суда пришлось дожидаться почти луну: нас много, а судей — не слишком.

Из дальнего конца прохода донеслись раздраженные оклики тюремщиков, звяканье оловянных мисок и недовольное бормотание заключенных.

— Ужин,— оповестил Силли, подползая к решетке. Он оказался местным уроженцем неопределенного возраста, замызганным и каким-то

пришибленным, похожим на уличную дворняжку.

"Ужин — значит, вечер,— сообразил Конан.— Мы отправились в город вроде бы до наступления полудня. Ши наверняка благополучно добрался до трактира, но сейчас у них полно хлопот и без меня. Не станем отчаиваться, подождем до завтрашнего утра — что-нибудь да выяснится".

Кормили в Алронге такой баландой, что при одном взгляде на нее воротило. Конан, которого до сих пор слегка мутило, отдал свою порцию ничуть не возражавшему Мейгелену.

После кормежки стражники прошли мимо клеток, собирая миски и проверяя, как поживают доверенные им узники, не развлекается ли кто попытками распилить решетку или задуть соседа.

Лампы погасили, оставив всего парочку, отчего помещение стало в точности смахивать на подземелье, хотя Мейгелен утверждал, что их содержат на первом этаже Колодца.

Тюремщики уселись за колченогий стол, поставленный в закутке около дверей, откуда-то появились запрещенные вещи — корзина с кувшинами и кости.

Стражники затеяли игру, прислушиваясь, не идет ли с проверкой начальство. В клетках шушукались, сплетничали, строили планы, переругивались, тайком жгли крохотные свечи и тоже металы сохраненные от обыска костяные кубики.

Бесконечно долгая ночь тянулась и тянулась, выматывая душу и сводя с ума.

* * *

Попытка Конана задремать окончилась печально — ему приснилось, что каменные плиты сверху начали медленно опускаться, грозя расплющить его в тонкую лепешку. Кроме того, он начал испытывать необъяснимое беспокойство, и вскоре понял его причину. Его изводило пребывание в маленькой, тесной и душной клетке, где он не мог встать или лечь в полный рост, непременно упираясь головой либо в потолок, либо в стены.

Захотелось пить, но для этого требовалось окликнуть и попросить тюремщика, чего Конан делать не собирался. Опуститься до просьб, с его точки зрения, означало проявить слабость.

Его метания туда-сюда по крохотной клетушке разбудили Мейгелена. Туранец заворчал, проклиная неугомонного мальчишку.

Заклученные — старые, молодые, бывалые и не очень — спали, наполняя помещение своими запахами, вскриками, храпом и постанываниями. Стражники дремали, сидя за столом, иногда по очереди вставали, обходя ряды клеток, лениво заглядывая внутрь и убеждаясь, что никто из узников не придумал чудесного способа исчезнуть.

Тоненько попискивали крысы, юркая вдоль стен и подбирая объедки.

Кто-то негромко постучался в невидимую дверь. Ему открыли. Визитер приглушенно заговорил со стражниками. Прислушавшись, Мейгелен насторожился:

— Ночные охотники пожаловали. Не торчи возле решетки, прикинься, что спишь или болен.

— Работоторговцы? — догадался Конан.

— Кто их знает... — туранец торопливо отполз вглубь камеры и улегся, накрывшись драгой подстилкой. — По мне лучше отсидеть свое положенное, чем угодить к какому-нибудь спятившему болвану. Пропадешь с концами, никто не отыщет.

"Он прав, — мысленно согласился Конан. — Здесь меня хоть могут найти. Никогда бы не подумал, что будет важнее остаться в тюрьме, чем попасть на свободу!"

Поздний гость в сопровождении двоих своих охранников торопливо шел вдоль решеток. Впереди семенил тюремщик с фонарем, что-то быстро и убежденно нашептывая. В его речи отчетливо звучали интонации прижимистого купца, расхваливающего залежалый товар.

Не доходя трех или четырех шагов до притихших Конана и Мейгелена, посетители остановились.

Стражник посветил в клетку, толкнул ее обитателя копьём. Покупатель, всмотревшись, отрицательно покачал головой.

Возле следующей гость задержался. Вспыхнул поспешный, яростный торг.

— Не повезло, — сочувственно прошепел Мейгелен, когда забренчали ключи и отбивающегося заключенного потащили наружу. Он попытался кричать, но ему быстро заткнули рот, затолкали в огромный плотный мешок и унесли за дверь.

Гость рассчитался со стражниками и поспешно удалился.

— Другие придут? — встревожено спросил Конан.

— Иногда человек по десять за ночь шастает.

Новый охотник словно дожидался своей очереди в коридоре. Придирчиво осмотрел предложенные образчики, не нашел ничего подходящего и безмолвно отбыл, оставив раздосадованных стражников препираться друг с другом.

Подождали, не наведается ли кто еще. Дверь не открывалась. Туранец улегся спать, буркнув, что чему быть — того не миновать, а он не намерен сидеть всю ночь, ожидая гостей. Конан хотел последовать его примеру, но тут раздался тихий стук и он решил посмотреть, чья судьба сейчас изменится.

Вошедшего, похоже, знали и побаивались. Стражники вскочили, неуклюже кланяясь. Незвестный — высокий тип, закутанный в темный плащ с опущенным капюшоном — привел с собой аж троих помощников. После краткого разговора тюремщик, ведавший ночной торговлей, схватил фонарь и уверенно направился в глубину помещения. Гости последовали за ним, безглаголиво переступая через кучки мусора и лужи на давно не убранном полу.

Дойдя до конца рядов, стражник опустил фонарь, направляя свет в камеру Конана. Ослепленный, тот поднял руку, защищая глаза и пытаясь рассмотреть, кто стоит с другой стороны решетки. Справа зашевелился Мейгелен, еле

— слышно повторяя: "Спрячься, глупец, да спрячься же!"

— Вот, — тоном богатого владельца стада или табуна, представляющего завидующим друзьям свое лучшее животное, произнес стражник. — Как вы желали. Только сегодня привели, еще ни в каких бумажках не значится. Правда, ваша милость, парень слегка того... диковат. Видать, совсем недавно в город попал. Ну да верно говорят, норовистую лошадь и объезжать занятнее, хе-хе...

Покупатель бросил на тюремщика один-единственный взгляд. Тот, поперхнувшись и странно булькнув, умолк.

— Беру, — коротко произнес человек в темном плаще. Его голос оказался низким и завораживающе-холодным. Разговаривая, он чуть тянул гласные, отчего даже самые простые слова наполнялись зловещей многозначительностью. Конан невольно вздрогнул и прижался спиной к ржавым прутьям. Клетка вдруг показалась ему родной и привычной, он совершенно не желал покидать ее. — Сколько?

— Так сотни полторы, ваша милость, будет вполне достаточно, — заюлил стражник.

— Сто двадцать.

— Ваша милость! — взвыл тюремщик. — Обижаете честного человека! Я ж вам не какой-то порченный товар предлагаю! Сами гляньте, разве в нашем треклятом городишке отыщешь чего подобное? Мальчика отмыть, подкормить, вышлоить — загладение будет!

Мейгелен не выдержал и сдавленно захохотал. Взбешенный стражник попытался достать его через решетку копьем, но туранец увернулся. Конан отчетливо понял, что бросится на первого, рискнувшего сунуться к нему в клетку, и за свои дальнейшие поступки отвечать не способен.

Глава 7: Миром правит случай

Кверные привычки очень скоро становятся обыкновением, а дурные события почему-то случаются чаще, чем хорошие. Ши пришел к этому глубокомысленному выводу, переступив порог гостиницы, ставшей ему родным домом, и тут же приседа, дабы избежать летящего по воздуху табурета. Собственно, табурет швырнули не в него, но воришка не собирался заниматься восстановлением справедливости.

Он просто хотел избежать удара, чем занимался всю разумную жизнь. Избегать столкновений — самый разумный и правильный девиз, ежели тебе выпало родиться и жить в городке под названием Шадизар. Избегай столкновений, будь незаметным, не вмешивайся в чужие споры и драки, глядишь, доживешь до преклонных лет и тебе не придется каждое утро тащиться на площадь Благословений перед храмом Митры, где собираются городские нищие.

Однако упрямая судьба рассудила иначе. В последние дни различные столкновения и испытания прямо-таки дождем сыпались на голову Ши. Истины ради надо заметить, что другим постояльцам "Норы" тоже приходилось несладко, но каждый из смертных в первую очередь думает все-таки о себе.

В общей зале таверны опять собирались грозные тучи, предвещавшие заварушку.

Пара молний уже сверкнула — кто-то запустил табуретом в стену, но пока дело ограничивалось словесной перепалкой.

"Удрать? — вяло подумал Ши. — Снова против штаны на парапете? Малыш попался, это ясно как день. Угодило буйное дитя за железную решетку. Сидит там, небось, и тоскует. Не натворил бы он глупостей, а то будет его не вытащить".

Прижимаясь к стене и стараясь прикинуться тенью от ламп, воришка добрался до стойки, угодив в общество мрачно-напряженной Лорны, как всегда, заранее готовой к худшему.

— Не дождался? — приглушенно осведомилась тавернщица. Ши сложил пальцы в знак, обозначающем слово "Нет".

— Значит, поймали, — подтвердила его собственные худшие ожидания Лорна и, с досадой глянув на очередной разломанный табурет, подвинула поудобнее рукоятки спрятанных под стойкой мечей. — Точно, какая-то неудачливая полоса началась. Не одно, так другое. Посуды и другого хлама уже на полсотни золотых переколоти-

ли — это за пару дней-то! А нужник наш, между прочим, намедни новую гадость учинил — из будки сколопендры полезли, здоровенные, с мою ладонь длиной. И почему-то зеленого цвета в оранжевую полоску. Так мало того, поганые твари отправились прямиком в комнату Райгарха и обсидели весь потолок. Целое утро с метлой возилась, пока всех не вымела да не передавила. Хорошо хоть не кусались...

Ши молча посочувствовал хозяйке гостиницы, помня, что бремя расходов будет взвалено на Компанию, и обратил свое пристальное внимание на главных действующих лиц нынешнего вечернего скандала. Эти почетные места отводились Джаю, Альбриху и Райгарху. Поблизости, как напоминание о неотвратимом возмездии, сидела закутавшаяся в шаль Феруза — осунувшееся личико и сухо блестящие глаза. Она не вмешивалась в разговор, только смотрела, безостановочно вращая в руках серебряный браслет пропавшего Аластора. Ее присутствие изрядно действовало на нервы старому гному и двум его спутникам, однако у них не поворачивался язык потребовать от людей увести молчаливую девушку наверх. Рядом с туранкой хлопотала Кэрли, опасливо поглядывая по сторонам в поисках наилучшего пути к бегству.

Недоставало только Хисса.

— Ключи, — повторил свое требование Альбрих. Он испытывал сильнейшее раздражение и избавился от него, только швырнув табуретом в стену, хотя в подобном жесте не имелось ника-

кой необходимости. Альбрех хотел показать, кто здесь хозяин и кто владеет преимуществом, но люди, наверное, давно привыкли сами кидаться предметами обстановки и не слишком-то испугались.

— Где наш человек? — ответил встречным вопросом Джай, незаметно кивая Райгарху. Вышла молча достал бархатный мешочек и потряс его. Скрытая внутри вещь издала глуховатое металлическое побрякивание. — Мы же заключили сделку — ваша безделушка в обмен на жизнь нашего друга. Где он?

— Во дворе, — неохотно сказал гном. Его слова заставили Ферузу оживиться.

— Я хочу его видеть, — настойчиво и слегка бессвязно заявила она, пытаясь встать. Джай мягко положил ей руки на плечи, усадил обратно и бросил быстрый взгляд по сторонам, распорядившись:

— Ши, сходи проверь, не врут ли они.

— Меня только что прогнали оттуда, — пожаловался воришка, которому совершенно не хотелось в одиночку идти проверять повозку. — Пусть... в общем, пусть с мной пойдет кто-нибудь из них.

— Сперва покажите ключи, — каркнул Альбрех. Райгарх, повозившись со шнурками мешочка, достал посверкивающую связку (Ши искренне восхитился — издали она ничем не отличалась от подлинной) и молча поднял ее на палец. Отмычки раскачивались, задевая друг о друга и тихо звякая, словно подвешиваемые над

входами в лавки гроздь колокольчиков или пустых медных трубочек. — Дайте сюда!

Райгарх не тронулся с места и принялся деловито заталкивать талисман обратно в мешок. Ши внезапно сообразил, что отсутствие Хисса может иметь какие-то немаловажные причины, и подавил вздох — нет, и сегодня драки избежать наверняка не удастся.

Замысел Проныры укладывался в несколько слов.

Не позволять Альбреху и его друзьям взглянуть на ключи вблизи, тянуть до последнего, убедиться, что Аластор жив, каким угодно способом затащить его в безопасное место, то есть в трактир, а дальше... Дальше — как повезет. Удача покровительствует тем, кто сначала действует, а потом начинает рассуждать.

— Ваш человек... э-э... не может ходить, — покосившись на туранку, вполголоса проговорил гном. — Он никак не желал вести себя смирно, и нам пришлось его слегка уговорить. Верните ключи. — и он в вашем полном распоряжении.

— Тогда мы забираем его, — тоном, не признающим возражений, заявил асир и грузно потопал к дверям. Альбрех попытался возразить, понял, что его не слушают и скорчил безнадежную гримасу.

Повозка под кожаным пологом торчала посреди двора. Один из гномов скучал на месте возницы, второй деловито расхаживал вокруг фургона, освещенного тусклым огнем факелов перед входом в таверну. Низкорослая лохматая

лошаденка, не теряя времени даром, с хрустом жевала толстые стебли бурьяна, оставаясь равнодушной к людским заботам.

Альбрехт забежал вперед, остановившись возле задника повозки, и взыскательно протянул руку. Райгарх перебрал ему мешочек с ключами, откинул в стороны потрепанные кожаные полотнища, заглянув в душное, темное нутро фургона, и негромко окликнул: "Альс, ты здесь?"

Джай, догадавшийся захватить фонарь, осветил через плечо вышибалы.

Ши и Лорна поспешно заглянули сбоку.

На днище повозки лежали какие-то набитые мешки, громоздились стянутые ремнями холщовые свертки, стояли два обшитых железом сундука и большой плетеный короб.

— Альс? — недоуменно повторил Райгарх, решив, что в темноте принял неподвижного человека за мешок. — Альс, это мы. Все в порядке, вылезай...

— Тут никого нет, — холодно произнесла таверница. Крутанулась на взвизгнувшем каблучке, оборачиваясь и вытягивая из ножен две свои легкие, звонкие сабли. — Кажется, в Чамгане напрочь позабыли о том, что такое честная игра.

Альбрехт не стал мучиться с узлами на завязках бархатной котомочки, просто и незамысловато взрезав ткань ножом и подхватив выпавшие ключи. Вцепился в них, как нищий в золотую монетку... подозрительно сморщил лоб и прищурился, поднес связку к неярким полосам факельного света... некие прядки вдруг встали ды-

бом, как иглы у рассерженного ежа, и старый гном высоким и дребезжащим от ярости голосом выкрикнул:

— Это подделка!

— Конечно, подделка, — изобразил удивление Джейвар. — Вы не привезли нашего человека и думаете...

— Где настоящие ключи? — визгливо перебил его Альбрехт.

— А где Альс? — оглушительно рявкнул Райгарх, и цапля-фонтан поперхнулась стружкой извергаемой воды.

— Там, куда скоро отправитесь все вы! — казалось, гном прибавил в росте. — С меня довольно! Разберите этот курятник на щепки, пока не найдете талисман!

— Я бы не бросалась столь грозными приказами, — проворковала Лорна, выступая вперед и вычерчивая кончиками сабель две запутанные кривые. Факельный свет отражался на лезвиях, превращая их в длинные огнистые полосы. — Здесь поселение людей. В первую очередь людей, и только потом — всякой нежити. Вы, ублюдки из Чамгана, обязались соблюдать наши порядки и только поэтому вам разрешено тут жить. Мы вправе обратиться к закону, пусть он не слишком выполняется, и напомнить вам, на чьей стороне сила в этом городе. Вы похитили человека, и это вам даром не пройдет!

— Помалкивай, женщина, — не очень уверенно огрызнулся Альбрехт, и кивнул своим: — Вы знаете, что делать.

— Даже не думайте,— угрожающе процедила таверница.— Убью первого, кто сунется. Мне до смерти надоело, что каждый недомерок считает себя вправе устраивать погромы в моей таверне,— слово “моей” она произнесла с отчетливым нажимом.

В наступившей тишине отчетливо проскрипела натягиваемая тетива самострела, и Ши с плутоватой ухмылкой подумал, что теперь знает, куда подевался Хисс. Сидит на плоской крыше “Норы”, откуда двор виден, как на ладони, и выбирает подходящую цель.

* * *

Противостояние не могло затянуться надолго. Кому-то придется сделать первый шаг, и старый гном решил стать этим “кем-то”. Он почти без замаха швырнул жалобно звякнувшую связку фальшивых ключей, целясь в Райгарха. Отмычки, не долетев, шлепнулись на булыжники двора.

“Жаль, что нет Малыша,— мимолетно подумал Ши.— Райгарх, конечно, способен кого угодно скрутить в бараний рог, но с Малышом за спиной чувствуешь себя намного увереннее. Пятёро гномов против пяти людей, из которых два мечника, один стрелок да еще Джай и я. Вполне могут затоптать, а на помощь соседей рассчитывать нечего. Никто не помчится проверять, что за шум возле трактира. Привыкли”.

— Стойте, стойте! — неожиданно для самого себя заполошно выкрикнул воришка, всей шку-

рой ощущая скрестившиеся на нем недоуменные взгляды как людей, так и обитателей Чамгана.— Слушайте, ну нельзя же так! Признаю, это я приделал ноги вашей безделушке, но теперь ее у нас нет, понимаете, не-ту! Отобрали!

— Кто? — надтреснуто уточнил Альбрих.

— Кодо,— честно признался Ши.— Кодо Ходячий Кошмар, подручный старшины нашего квартала,— он слотнул и виновато закончил: — Случайно увидел и забрал для своего собрания отмычек. Вот. Так получилось.

— Ши,— загробным голосом произнес Джай,— твои припадки правдивости случаются крайне невовремя. Подозреваю, это последствия тесной дружбы с Малышом. Ваших отмычек у нас и в самом деле нет,— продолжил он, обращаясь к недоверчиво прислушивавшимся гномам.— Хотите их вернуть — договаривайтесь с Кодо и Назирхатом. Мы, как видите, совершенно ни при чем. И, кстати, отпустите Аластора, а то его девушка очень переживает.

Альбрих не слышал. Стоял, упревшись подслеповатым взглядом куда-то поверх людских голов в черно-фиолетовое небо, и вдумчиво грыз висячий ус. Пожевал, выплюнул и коротко спросил, ни к кому не обращаясь:

— Так ключи у Кодо?

— У него, у него,— любезно, словно разговаривая с богатым клиентом, завернувшим на огонек, заверила гнома Лорна.

Альбрих задумчиво выругался на языке подгорных жителей — будто перекатывал во рту с

десяток мелких камешков. Высказав свое мнение, он повернулся к повозке, но резко качнулся, не удержавшись на ногах и заваливаясь на бок.

К нему с двух сторон кинулись на помощь — гном и стоявший ближе всех Ши. Воришка успел первым, за что немедленно поплатился: Альбрехт поймал его за рукав и вцепился мертвой хваткой. Прежде чем люди сообразили, что происходит, вокруг Альбрехта с его отчаянно дергавшейся и шипевшей добычей образовалось плотное кольцо из подземных карликов.

— Мы уйдем, — мягко и отчасти добродушно пообещал старый гном. Что-то в его тоне заставило Компанию застыть на месте. — Но сначала накажем того, по чьей вине на нас обрушилось столько бедствий. Вы даже не представляете, что натворили, — последние слова он произнес едва различимым шепотом, от которого Ши мигом расхотелось брыкаться и звать на помощь. Он послушно шел вслед за Альбрехтом, увлекавшим его за собой, в точности как маленький упрямый тяжеловоз тащит в гору груженую мешками телегу. За ними тесной кучкой топали гномы, заставляя людей держаться в разумном отдалении.

Альбрехт провел испуганного пленника через общий зал трактира — Феруза подняла голову, чтобы взглянуть на процессию, но ее взгляд остался пустым, зато ротик сидевшей рядом Кэрли округлился в растерянное "О" — и вытолкнул в узкий коридор черного хода. В голове Ши во-

царилась хрусткая черная пустота, он послушно шел, куда велели, не рассуждая и не задумываясь.

Очнулся он перед облупившейся дверью нужника, и мгновенно уперся ногами в землю, не хуже упрямого осла, не желающего идти дальше.

— Открывай, — сухо приказал гном. Ши замотал головой и попятился. — Что, боишься?

— Туда нельзя, — заплетающимся языком выговорил Ши. — Там... Там такое...

— Там то, из чего созданы вы, люди, и чем вы по большей части являетесь, — Альбрехт сам дернул болтавшуюся на одном гвозде ручку, но дверь не поддавалась. Гном рванул сильнее, изнутри послышался раскатистый звук, словно кто-то прочищал горло. Воришка зажмурился, испытывая непреодолимое желание хлопнуться на четвереньки и уползти в заросли полыни, окружавшей птичник.

Альбрехт сообразил, что происходит что-то неладное, но желание отомстить оказалось сильнее. Он ударил дверь ногой, и тогда над запущенным задним двором разнесся безгранично утомленный и слегка раздраженный низкий мужской голос, не принадлежавший никому из обитателей "Норы" и жителей квартала Чамган, спросив:

— Почему вы смущаете мой покой? Что тревожит вас на склоне дней этого мира? Неужто никогда не придет время, когда завершатся эти непрестанные мучения? Денно и ночью идут ко мне не обретшие успокоения в земной юдоли и взыскующие Истины, ибо Черное и Белое рвут-

ся по живому и великие Силы сокрыты в обоих Изначальных...

Райгарх ошарашено крикнул. Альбрех от неожиданности выпустил руку Ши, и тот немедленно юркнул в заросли. Гномы встревожено зашептались, а Джай вытаращился и икнул.

— Спрашивайте, спрашивайте, спрашивайте, — размеренно произнес Голос, и покосившаяся будка со скрипом наклонилась вправо, затем влево. Лорна сдавленно закашлялась. Из-под основания деревянного сооружения, шурша в выгоревшем на солнце бурьяне, высунулась толстая лапа, похожая на паучью, но длиной приближавшаяся к лошадиной ноге. Лапа судорожно заскребла растопыренными коготками пыльную землю, спустя миг к ней присоединилась другая, третья... Будка зашаталась, как дерево под ветром, грузно поднялась на все восемь конечностей, и неторопливо заковыляла по двору. Поселившееся внутри нее неведомое существо велеречиво жаловалось на безысходность существования и невозможность отделить Свет от Тьмы.

— Это что? — утекающим голосом спросил Альбрех.

— А я говорил, а я предупреждал! — пискнул из своего укрытия воришка.

Откуда-то сверху — с неба или с крыши — донесся приглушенный хохот.

* * *

Ши Шелам заранее смирился с тем, что придется тащиться в Алронг одному. Однако, сто-

ило ему утром заявить о своем намерении прогуляться к городской тюрьме, как сразу отыскалось по меньшей мере трое попутчиков. Джай разрешил пойти только Хиссу, велев остальным сидеть в трактире — мало ли что стряется. После вчерашней ожившей будки нужника и на удивление поспешного бегства гномов Проньра впал в странное настроение — наполовину злобное, наполовину удрученное — и шипел на остальных постояльцев "Норы", точно кот с прищемленным хвостом.

Нужник разгуливал и беседовал сам с собой до утра, вытоптав проплешину в бурьяне и случайно задавив пару не успевших увернуться куриц.

На рассвете дощатая будка вернулась на свое законное место, поджала новообретенные лапы и уселась. Хисс рискнул сходить проверить, чем на сей раз оборотилась немаловажная пристройка таверны. Вернувшись, озадаченно сообщил, что выбор навеки определяет путь и только во мраке узришь ты звезды.

— Развелось философов, — буркнула в ответ тавернщица.

Феруза, поняв, что ее надежды на скорое возвращение приятеля не оправдались и теперь вряд ли когда-нибудь сбудутся, окончательно замкнулась в себе. Лорна и Кэрли тщетно уговаривали ее поесть или вздремнуть — туранка неподвижно сидела возле погасшего очага, напоминающая изваяние Скорбящей Души, устанавливаемое над могилами.

— Сколько она собирается так сидеть? — не-весело поинтересовался Хисс, когда он и Ши спускались по Старой лестнице. Деревянные ступеньки потрескивали и гнулись под ногами.

— Женщины, — туманно отозвался Ши, — от них жди чего угодно. Посидит денек-другой, поплачет и забудет. Или не забудет. Придумай лучше, как до Малыша добраться.

— Придем — увидим.

На очередном перекрестке они, не сговариваясь, свернули налево, потом еще раз налево, пока не вышли на восходные окраины города и не уткнулись в глухую стену Чамгана, сложенную из гладких, без единой щели каменных блоков. Ши задрал голову, прикидывая высоту.

— Бесплезно, — признал он. — Проще научиться летать. Может, они его отпустят? Зачем он им теперь, когда ключей все равно нет?

— По-моему, дело не в ключах, — задумчиво проговорил Хисс, шагая вдоль стены. — Гномам почему-то важнее удержать Аластора, чем получить обратно талисман. Видно, в прошлом случилось нечто, поссорившее их насмерть.

— Спер что-нибудь эдакое, — решил Ши. — Например, любимое кайло ихнего прародителя.

Воришка вдруг пошел медленнее, одобрительно тыкая большим пальцем на стену. Поверх серых камней кто-то размашисто написал некогда ярко-красной, а теперь выцветшей до блеклорозовой краской: "Недомерки, вон из города!"

— Как нельзя более согласен, — заявил Ши. — Или запретить им высываться за пределы

квартала. Пусть сидят там и копаются в грязи, самое подходящее для них занятие.

Парочка задержалась возле угрюмых, выкованных из темного железа ворот Чамгана, больше похожих на вход в какой-то потусторонний и наверняка малопривлекательный мир. Нужно обладать невиданной удачей, чтобы суметь проникнуть за эти ворота.

— Думаешь, Аластору крышка? — нерешительно спросил Ши.

— Похоже на то.

— Неужели мы ничего не сможем поделать?

— Говорить с гномами о выкупе смешно — они в состоянии скупить весь Шадизар. Обращаться к властям — да кто мы такие, чтобы нас услышали? Остается только надеяться на счастливый случай, который, как известно, правит миром, — Хисс неприязненно посмотрел на молчаливые черные створки и задумчиво протянул: — Если бы у нас имелась какая-нибудь вещь, позарез необходимая гномам, вроде этих пропавших ключей...

— Можно подумать, я их нарочно отдал, — надулся оскорбленный Ши.

— Не злись. Как-нибудь выкрутимся, не в первый раз. Странно, почему сегодня почти все гномьи лавки закрыты? Праздник у них, что ли?

Замечание Хисса в точности соответствовало истине. Многочисленные оружейные ювелирные и меняльные заведения подгорного народа стояли с запертыми дверями и зашторенными окнами. Хозяева и прислуга тех, что работали, выг-

лядели обеспокоенными, готовыми в любой миг сорваться с места и скрыться в неприступном убежище Чамгана. Их тревога передавалась навевшимся в торговый квартал людям, тоже начинавшим оглядываться по сторонам в поисках возможной опасности и торопившимся уйти. Ши по ввевшейся в кровь привычке намеревался мимоходом срезать пару кошельков, но передумал — когда будущая жертва обеспокоена, лучше ее не трогать. На его век добычи хватит.

* * *

У Слезных ворот тюрьмы Алронг — на самом деле представлявших из себя втиснутый в острый угол сходящихся стен крохотный домишко — как обычно, неповоротливо шевелилось скопление посетителей, запорошенное желтоватой песчаной пылью.

Родственники и приятели заключенных, жалобники к судьям, писцы, готовые за малую мзду начертать за вас прошение или письмо, будущие свидетели и обвинители, а также две обычные городские принадлежности, то бишь попрошайки и торговцы. Людям, ожидающим приема, нужно ведь что-то есть и пить?

Третья неизменная часть шадизарской жизни — уличные девицы — сюда заглядывала редко. Ждавшие под Слезными воротами девицами почти не интересовались, занятые своими хлопотами и новостями.

— Придется стоять? — удрученно спросил Ши, увидев змеящийся хвост очереди, исчеза-

ший в узком дверном проеме. — Или ты знаешь кого?

— Знаю, — кивнул Хисс. — Погоди, я сейчас.

Он юркнул в медленно перемещавшуюся с места на место толпу, работая локтями и языком. Ши прислонился к нагретой солнцем стене, готовясь к долгому ожиданию, но рыжий мошенник вернулся на удивление быстро.

— Нам везет, — обрадованно сообщил он. — Пошли в "Ржавое копьё". Мой знакомый только что сменился, значит, просаживает там скудное жалование надзирателя.

— Ты здесь гостил? Сколько? — Ши кивнул на видневшиеся за оградой верхние этажи Мышеловки.

— Общим счетом четыре луны, — безмятежно признался Хисс. — А ты?

— С год наберется... Но я-то с десяти лет околачиваюсь на улицах, не то, что некоторые — приехали на готовенькое, — втайне Ши ожидал, что Хисс разозлится и приоткроет хотя бы кусочек завесы над тайной своего появления в Шадизаре. Рыжий обитал тут уже два или три года, и поначалу явно от кого-то скрывался. Деньги у него водились, потом он познакомился с Кэрли, ставшей его подружкой и напарницей, однако даже она не могла ничего сказать относительно прежней жизни своего приятеля. За одним маленьким исключением — у Кэрли почему-то сложилось убеждение, будто Хисс родился в благородном сословии. Сам он этого никогда не отрицал и не подтверждал, просто отмалчивался.

Сегодня он тоже сделал вид, будто намеки Ши его не касаются.

"Ржавым копьём" звался маленький трактир, скрывавшийся в проулке поблизости от Алронга. Сюда частенько заходили отбывшие свою повинность тюремщики, и здесь за кружкой красного шемского заключались договоры, исходом которых становилось либо досрочное освобождение, либо внезапная кончина кого-либо из обитателей Колодца. Это местечко относилось к числу тех, в которые легко войти и гораздо труднее выйти.

Хисс отодвинул драный кусок рыболовной сети с бубенчиками, заменявший дверь, быстро обшарил взглядом посетителей и уверенно направился в дальний угол. Ши старался держаться поблизости.

— Змееныш? — лениво удивился одиноко расположившийся за столом человек — грузный, сидящий, в мешковатой форме надзирателя Ямы, и, судя по цвету физиономии, не склонный отказывать себе в лишнем кувшине. — Какими ветрами? Ищешь кого?

— Вчерашний день, — Хисс присел напротив, щелчком отправив подбежавшему службе серебряную монетку. — "Драконью слезу" на троих, потом повторить. Мое почтение, Бакка. Ши, не маячь, садись. Бакка, это мой приятель Ши Шелам. Ши, перед тобой почтеннейший господин Бакка, доблестный страж тюрьмы Алронг, некогда упрятавший меня за решетку ровно на двадцать дней.

— На тридцать, — поправил невозмутимый Бакка. — И еще пять тебе накинули за оскорбление судьбы. Я вас всех помню — жуликов, мошенников, карманников и прочих оболтусов.

— Именно надежда на твои знания и привела нас сюда, — между пальцев Хисса замелькала новая монетка. — Один наш друг имел неосторожность угодить на постой в гостеприимную Мышеловку...

— Когда взяли, как звать, за что? — деловито перебил стражник.

— Вчера днем. Уличный грабеж, — отозвался Хисс. — Мы называем его Малышом. Довольно необычный тип — мальчишка с Полуночи. Тощая такая орясина, черноволосый, глаза светлые, обычно помалкивает, но приставать к нему не советую. Убьет и не заметит.

Бакка глубокомысленно погрузился в церемонию откупоривания принесенного кувшина. Хисс и Ши терпеливо ждали, стараясь, в соответствии с городскими традициями, выглядеть совершенно незаинтересованными в ответе.

— Был такой, — наконец изволил заговорить тюремщик. — Но поздновато вы, ребятки, спохватились.

— Так и знал, что он непременно наломает дров! — Ши едва не опрокинул кружку. — Что он натворил? Разворотил стену, пытаясь сбежать? Дал по морде начальнику тюрьмы? Подбил соседей по камере устроить бунт?

— Ему просто не повезло, — хмыкнул Бакка и сделал жест, призывающий собеседников подвиг-

нуться поближе.— История вышла — нарочно не придумашь. Я сам не видел, мне рассказывали. Значит, привели этого вашего Малыша, затолкали на свободное место. Он сидит, ведет себя прилично, даром что варвар,— стражник перешел на хриплый шепот: — К ночи, как обычно, потянулся в гости народец...

Ши и Хисс понятоливо кивнули.

— А среди прочих является за свеженьким товаром некий господин с определенными пристрастиями и изъявляет желание приобрести вашего дружка за сто двадцать полновесных туранских золотых.

Ши восторженно хрюкнул. Рыжий пробормотал себе под нечто вроде: "Только в тюрьме узнаешь свою истинную цену". Бакка продолжил рассказ:

— Сторговались, короче говоря, на ста тридцати пяти, но ваш приятель смекнул, что к чему, и вылезать из клетки наотрез отказался. Его начали вытаскивать, он затеял драку, рядом тоже начали шуметь, и тут входит... — стражник запнулся.— Покупательница. Дама. Хоть и закутанная с головы до ног, но сразу ясно — из благородных, не просто разбогатевшая шлюшка. При ней два мордоворота. И выступает она эдак преспокойно по коридору, ровно к себе домой пришла. Народец сразу языки проглотил, сидит и глазеет, будто первый раз в жизни женщину встретили.

— Какая дама? — подался вперед Ши.— Высокая блондинка?

— Не видел,— с сожалением признал тюремщик.— И мой приятель, который там как раз околачивался, тоже ее в лицо не видел, но твердит, будто красotka редкая.

— Она, наверняка она. Госпожа Клелия,— воришка озадаченно поскреб в затылке.— Ее-то чего туда понесло?

— Так вот, подходит эта госпожа и заявляет, что дает опять-таки за вашего приятеля-варвара двойную цену — мол, такого ей никогда не попадалось.

— Ой-е-е... — предвкушающе протянул Хисс.— И что дальше?

— Дальше благородные господа едва друг другу глаза не выцарапали, цена за мальчишку поднялась до пятисот золотых, а все, кто там оказался, не знали, что делать — то ли прятаться по углам, то ли хохотать,— равнодушно сообщил Бакка.— Парень сидел, как оплеванный и, похоже, мечтал провалиться сквозь землю. Женщина купила его за пятьсот пятьдесят империалов.

— Однако,— искренне удивился Рыжий.— Я бы и трети не дал. Киммерийцы теперь в цене... Так она его забрала?

— В том-то и дело, что нет! Встала возле решетки, поманила пальчиком с колечком, а колечко-то добрую сотню стоит, и начали они о чем-то шептаться. Вроде как госпожа расспрашивала про какого-то своего друга, который живет тут, в городе, а она никак не может его отыскать. Ваш приятель закивал: знаю такого. Дама

обрадовалась, махнула своим, мол, все наладилось, берем покупку и уходим,— Бакка выдержал надлежащую паузу, в течение которой слушатели затаили дыхание,— и тут по коридорам — шу-шу-шу, начальство объявилось. Не простое, вроде старшего надсмотрщика, а самолично господин верховный дознаватель, его светлость Язва Немедийская...

— Рекифес, что ли? — догадался Ши и поежился. Рекифеса в городе побаивались — дознаватель, присланный из Немедии, не желал поддаваться местным правилам игры, не брал взятки, не прислушивался к намекам, а потому считался личностью опасной и непредсказуемой, способной на самые неожиданные поступки.

— Он самый. Наверное, долго выслеживал, когда заявятся покупатели, высокого полета. Он же спит и видит, как навести в благословенном Шадизаре свои порядки, изловить всех казнокрадов, развесить их на городских площадях и доложить об этом в Бельверус.

— Не дождется,— отрезал Хисс.— И что?

— Известно что. Господа покупатели порскнули по углам не хуже крыс, увидевших хорька, и еле успели удрать. В Алронге потайных ходов проложено не меньше, чем под Чамганом выкопано подземелий. Рекифес ворвался с гвардией наперевес, а никого нету. Улетели пташки. Он, само собой, разозлился, и спрашивает — кого пытались выкупить? Стражники с перепугу тыкнули в кого ни попадя, заодно и в вашего дружка. Рекифес построил рожу, небось, Карающее

Правосудие так должно выглядеть, и изрекает: тут, мол, все без разбору виновны, их не судить надо, а казнить на месте преступления, а мы по доброте душевной возимся. Потому для устрашения разгуливающего на свободе отребья и наведения в городе надлежащего благолепия... — Бакка прервался, дабы отхлебнуть из кружки, и закончил: — Завтра всех, кто уже получил свой приговор, и тех, кому дружки пытались устроить побег — примерно наказать.

— Что? — не понял Хисс.

— Ничего! — раздраженно огрызнулся Ши и повернулся к тюремщику: — Как будут наказывать?

— Беловым Подношением, а также через отделение головы от туловища, удушением и разъятием членов,— с каким-то затаенным удовольствием перечислил Бакка.— Вашему дружку-варвару выпало Подношение, чем-то он Рекифесу сильно не глянулся. Завтра с ним и встретитесь, после полудня на Воловье площади. Выживет — заберете, хотя куда он будет годен...

Ши как-то поник и уткнулся носом в кружку. Хисс в растерянности забарабанил по столу, с подозрительно-болезненным вниманием разглядывая быстро шевелящиеся пальцы.

Как и любой ночной охотник, он прекрасно знал, что в Шадизаре называют "Подношением Белу". Завтра при изрядном стечении народу Малышу вместе с прочими неудачниками торжественно оттяпают кисть правой руки и он навсегда останется Меченым — тем, который по-

пался закону. Меченый, за редчайшими исключениями, уже не человек, никому не друг, не вор и даже в гильдии нищих ему не на что рассчитывать. Одна дорога — сматываться из города, надеясь, что в другом месте повезет и никто не узнает о его позоре.

— И побега ему вы не устроите, — добил приунывших приятелей стражник. — Приказано было всех приговоренных согнать в одну камеру, запереть и охрану там поставили не местную, Алронгскую, а этих, немедийских волкодавов. Их не купишь... Приятно было поболтать, Хисс. Заходи, если что.

— Что мы Райгарху скажем? — тоскливо спросил Ши, выйдя за порог "Ржавого копья", из полутьмы под лучи ослепительного летнего солнца. — Слушай, может, мы там, наверху, прогневали кого? Сначала Альс, теперь Малыш, и Феруза какая-то сама не своя...

— Не мели чушь, — оборвал причитания воришки Хисс. — Какое небесам до нас дело?

В глубине души он, однако, побаивался того, что Ши может говорить правду. На компанию из "Уютной норы" еще никогда не обрушивалось такое количество неприятностей зараз, и Хисс представления не имел, как из них выкручиваться.

* * *

Двадцать годков беспокойной жизни наемницы выучили Лорну Бритунийку одному непреложному правилу — нет ничего коварнее, чем

любой, пусть самый крохотный дар волшебства. На глазах Лорны молодой парень за день превратился в глубокого старика — так погиб странствовавший вместе с их отрядом маг-воитель, прикрывавший отход в битве при малоизвестном кофийском городишке Рауме. Она видела, как сошла с ума уличная гадалка в Аграпуре, когда за ее коврик случайно присел и попросил рассказать о будущем человек, не знавший, что несет в себе семена Черной Гибели — чумы. Лорна из Пайрогии и двое ее сослуживцев (если Разрушительница Союзов не прибрала их к себе) могли бы рассказать, чем закончилась попытка неудачливого чернокнижника воспользоваться попавшим ему в руки талисманом и вызвать существо из иных сфер...

Она могла бы многое припомнить, но не хотела, ибо ни одна из этих историй не завершалась счастливым концом.

...Как, например, история с нужником при таверне и волшебным жезлом. Сегодня с утра, кстати, деревянная будка породила десяток безволосых кошек с синей дряблой кожей, немедля разбежавшихся по кварталу, а затем поднялась на свои паучьи лапы и отправилась гулять, ожесточенно споря о вечной борьбе Мрака со Светом.

По счастью, рядом оказался Райгарх, который загнал разбушевавшийся нужник обратно на задний двор, пока тот не перепугал насмерть всех соседей. Будка обиделась и присмирела, выдав на прощание залп стенаний и всхлипов, а также

осу размером с небольшую собаку. Райгарх осу убил, запустив в нее громадным булыжником и громогласно объявил, что однажды сожжет проклятое отхожее место, если подобные безобразия будут продолжаться.

Лорна, не обращая внимания на взбешенный рев приятеля, смотрела на Ферузу и начинала всерьез опасаться за рассудок своей постоялицы.

Феруза ат'Джебеларик второй день сидела перед нерастопленным камином, ничего не говорила, жестами отказывалась от еды и крутила в руках браслет пропавшего дружка.

Тавернщица полагала, что в мире — или, по крайней мере, в Шадизаре — почти не существует мужчин, из-за которых стоило бы убиваться. Никто не спорит, Аластор не какой-то смазливый оборванец, и в голове у него вроде мозгов побольше, чем у прочих, но раз вышла такая судьба...

Феруза не слушала.

Подавив желание отхлестать туранку по щекам, дабы та очнулась от своих грез наяву, хозяйка "Норы" попыталась заняться обычными делами. Бесплезно — тарелки валялись из рук, прислуга норовила попасться под ноги, мясо не посолили, вино скисло, а заказанные вчера яйца оказались протухшими. Райгарх, на свой страх и риск попытавшийся успокоить тавернщицу, нарывался на пинок вкупе с замысловатым ругательством и советом держаться подальше.

Случайным взмахом руки перевернув кастрюлю с кипящим соусом, Лорна поняла, что на

кухне ей сегодня делать нечего. Вытащила из кладовки припасенную для самых богатых покупателей бутылку шемского "Золотого корня" и пошла горевать чужое горе.

Предсказательница сидела на прежнем месте. Уговорами и силком Лорна заставила девушку выпить полкружки "Корня", надеясь, что хоть это заставит гадалку очнуться.

Помогло. Феруза подняла голову, взглянула на сидевшую напротив тавернщицу — карие с желтыми искрами глаза походили на затянутые льдом лужицы. В Замору лед попадал только в виде оплывающих кусков, вырубленных на вершинах Карпашских гор и добавляемых в вина, но Лорна помнила, что такое холод и вот такой неокрепший ледок над черной стилой водой.

— Ты бы поплакала, что ли, — посоветовала бритунийка. — Полегчает.

— Не могу, — одними губами отозвалась Феруза и снова спряталась за хрупкой стеной молчания.

— Всю жизнь не просидишь, глядя на угли, — ухватила за ниточку зарождающегося разговора Лорна. — И ему, кстати, от твоего сидения ничуть не легче.

— Разве я могу что-то сделать? — выдохнула туранка. — Если бы речь шла о людях, я бы раздобыла денег, нашла кого-нибудь, кто мог бы похлопотать... А Чамган... — она подняла руку и бессильно уронила ее на стол, шепотом договорив: — Мне остается только ждать и надеяться на случай.

— Под лежащий камень... — зло буркнула таверница и вдруг оживилась: — Слушай, что ты хоронишь своего красавчика и себя заодно раньше времени? Ты ведь предсказательница! Другим загулявших благоверных через тарок сколько раз искала?

— Другим,— чуть окрепшим голосом произнесла Феруза.— Другим женщинам — конечно, это я умею. Но себе... Гадалка не может гадать сама на себя. Ой-лэ, запрещено, нельзя!

— Кем запрещено? — Лорна вызывающе тряхнула белой гривой.— Каким-нибудь свихнувшимся проповедником? На клюквенном киселе вареной десятиюродной теткой, сродственницей приемной сестры третьего деверя?

— Нельзя,— скорбно возразила девушка, судорожно раскачиваясь взад-вперед.— Беда будет. Тарок — только для кого-то иного. Для спрашивающего и ищущего ответ. Я посредник, нить между картами и задающим вопрос...

— Тогда я спрошу! — не на шутку разошлась Лорна.— Чихать мне на ваши дурацкие правила! Доставай свои картинки!

— Но... — слабо заикнулась туранка.

— Я что сказала — доставай! Твой парень, между прочим, где-то погибает, не мой! Раз ты боишься спросить, то я не боюсь!

— Я знаю,— мягкий, слегка насмешливый и ласковый тон принадлежал прежней Ферузе. Ее правая рука потянулась к расшитому мешочку на поясе, вытащила толстую колоду, ритмично задвигалась, перемешивая.— Ты никогда и ниче-

то не боишься, не то, что я... Спасибо, Лорна-хайнум.

— Какая я тебе хайнум? — по привычке огрызнулась бритунийка. Она могла пережить все, кроме приставки, означавшей почтенную, умудренную годами женщину, нечто вроде кхитайского "госпожа бабушка".— Так кто будет спрашивать, ты или я?

— Я,— просто ответила гадалка.— Глупо прятаться от судьбы.

Она размахисто кинула веер тарока на стол, тут же сгребла его, яростно перемешивая и нараспев шепча по-турански. Лорна смотрела, затаив дыхание и боясь спугнуть кружащееся под потолком волшебство. Кто-то присел рядом с ней, она по звуку шагов, по шуму дыхания узнала Райгарха и коротко махнула рукой — молчи, не спрашивай, ради всех богов, не отвлекай!

Девушка одним пальцем выщелкнула из растрепанной колоды карту, упавшую точно в центр стола картинкой вниз. Танцующий дракон в кирпично-красной с золотыми пятнышками чешуе уставился на людей узкими скрытыми глазами. Над ним лег еще один, два по бокам и один — внизу. Пятеричный крест, прошлое-настоящее-будущее, ищущее и искомое, возможное и недоступное, намертво стянутое узлом воли спрашивающего.

За год с небольшим бритунийка раз сто видела, как предсказывает Феруза. Наверное, по пальцам одной руки можно пересчитать, когда тарок переставал быть обычной гадальной коло-

дой и обретал подобие собственного разума. Страшна доля гадалки, особенно если она молода и честна. С годами Феруза научится лгать и запрещать себе видеть то, что может не понравиться клиенту, но пока, пока...

Карты перевернуты. Кажется, что отрезки пергамента дымятся, прожигая толстую столешницу. За левым плечом проглатывает не успевший вырваться возглас Райгарх. Лорна невольно тянется вперед — увидеть, понять, распознать укрытый в разноцветных картинках тайный смысл.

— Узник, — четко, сухо произносит туранка, прикасаясь к центральной карте, где смутные очертания человеческой фигуры перечеркнуты частыми прутьями решетки. Рыжеватые локоны, не причесанные с утра, сами собой скручиваются змейками. Тонкий палец с серебряным кольцом движется вверх, затем вниз, налево и направо. Монотонный, лишенный выражения голос перечисляет: — Драгоценность. Граница. Выбор, — она прикусила губу и с трудом закончила: — Смерть.

Лорна перевела дыхание и оглянулась. Пришел не только Райгарх, но и Джай, и Кэрли. Бритунийка ждала, что заговорит Райгарх, но его опередил Проньра, осторожно попросив:

— Феруза, расскажи по-человечески. Узник, надо полагать, Аластор, да? Драгоценность — наверняка намек на его прошлое. Обокрал он когда-то карликов, как есть обокрал. А дальше? Какая граница?

— Любая, — гадалка потянула к себе кружку, на дне которой плескались остатки "Золотого корня". — Просто граница. Между кварталами, между странами, между человеческими душами.

— А выбор? — почему-то шепотом спросила Кэрли. — Кто должен выбирать? И что?

Предсказательница наклонилась над картинками тарока, словно пыталась расслышать очень тихие слова, приходящие из какой-то невообразимой дали.

— Выбор — это вероятность, качающиеся веса, — напряженно произнесла она. — От него зависит, как сыграет последняя карта — действительностью или обманом.

— То есть это тебе... или нам нужно сделать какой-то выбор? — уточнила Лорна. Феруза отрывисто кивнула.

— Что у нас в Шадизаре может считаться границей? — вдруг вмешался молчавший до того Райгарх. Он пристально разглядывал карту с этим названием — распахнутые створки, за которыми тянется извилистая светлая дорога, прерываемая черными трещинами. Так ночное небо разрывают молнии, только цвета поменялись местами. — Между кварталами они весьма и весьма прозрачные.

— Есть трактир "Около границы", — вспомнил Джай. — На закатной окраине, рядом с Карпашскими воротами.

— А куда ведет дорога от Карпашских ворот? — таверница почуяла если не след, то его близкое присутствие.

— В Коринфию,— быстро откликнулась Кэрли и замерла с полуоткрытым ртом, догадавшись: — Тоже на границу! На границу Заморы и другой страны!

— Я иду туда,— туранка вскочила, торопливо собирая разбросанные карты.— К Карпашским воротам. Не знаю зачем, но мне необходимо побывать там.

— Нет,— отчеканила Лорна и, когда компания недоуменно уставилась на нее, а Феруза явно приготовилась разразиться гневной речью, уточнила: — Ты не пойдешь туда в одиночку. Я пойду тоже.

— Мы все идем,— подвел конец разговорам Райгарх и поднялся.— Если там ничего не случится или мы ничего не узнаем, обойдем все городские ворота.

— Хисс и Ши,— напомнила встревоженная Кэрли.— Я останусь, подожду их возвращения. Как только они объявятся с новостями о Малыше, сразу побежим искать вас...

Договаривала она в спины поспешно выбегавшей наружу компании. Джай задержался, крикнув ей: "Мы оставим вам весточку на воротах!"

Кэрли подобрала уроненную шаль гадалки, медленно и аккуратно сложила ее. Села возле окна. Над залитым солнцем двором колебалось сонное, жаркое марево. В такой день неохота никуда бежать, но выбор, как всегда, остается не за людьми, а за обстоятельствами. Этим миром правит случай, а смертным остается только поспевать за его переменчивым блеском.

Взгляд в настоящее: Карпашские ворота

В полулиге от Шадизара, там, где старая Коринфская дорога изгибается крутой петлей, сливаясь с мощеной белыми плитами Дорогой Королей, поднимается невысокий скалистый холм. Ничем в общем-то не примечательный — осыпи желтовато-красного песчаника, низкая, выгоревшая на солнце степная трава да рощица диких слив, мелко трепещущих на ветру сизо-зеленой листвой.

Наезженная колея огибает холм с полуденной стороны, проходя под выступающим из склона валуном, похожим на упрямо наклоненный бараний лоб, пробегает с три сотни шагов и становится еще одним ручейком, поглощенным величайшей дорогой Материка.

Раскаленный бело-желтый диск солнца, приколоченный ровно посередине вылинявшего голубого неба. Сухо потрескивает дорожная глина, спекающаяся в твердую, испещренную трещинами корку. Листья на сливах от жары скручиваются в трубочки, а трава высыхает на глазах. Из норы высовывает мордочку суслик-тарбаган и быстро прячется — слишком жарко.

Над притихшей степью плывет душный туман, в котором, если приглядеться, можно различить возникающие и пропадающие очертания высоких башен, дворцов, окруженных садами, рушащихся со скал водопадов и неправдоподобно гладких озер, над которыми взлетают стаи белых птиц.

Мара, обман, наваждение. В Туране и Заморе такое зовется "джантари" — полуденные призраки. Кочевники пустынь любят рассказывать предания о людях, настолько храбрых или безумных, что отважились войти в распахнутые двери колеблющихся эль-джантарийских замков, исчезая там навсегда.

Однако никто не рассказывает легенд о том, чтобы кто-либо появлялся из туманного колдовского облака...

Воздух настолько раскален, что, кажется, издает еле слышное шелестящее позванивание.

Непонятный, находящийся на грани слуха звук становится все громче и отчетливей, превращаясь в яростный хор цикад. За мгновение, достаточное, чтобы моргнуть, сквозь обыденный мир пролетает тугая прозрачная волна и пугливо скатывается обратно, в Океан Неведомого.

Впрочем, после нее в полосе прибоя остается нечто вполне осязаемое.

Всадник.

Всадник на вороном жеребце, чья шерсть переливается оттенками лилового и непроглядно-черного. Расшитая золотыми нитями сбруя сверкает пригоршнями стразов, грива и пышный хвост перевиты тонкими серебряными ленточками. Конь храпит, нетерпеливо приплясывая на месте, копыта цвета слоновой кости ломают затвердевшую глину. Всадник, привстав на стременах, озирается вокруг. Неведомо откуда налетевший ветер растягивает широкий парус плаща — сверху черного, снизу ярко-алого.

Человек смотрит на город — безалаберный, пестрый, неопрятно раскинувшийся по холмам — и презрительно кривит губы. Если бы не необходимость получить ответы на кое-какие, весьма важные вопросы, он ни за что не явился бы сюда. Из всех людских поселений, разбросанных по лику земли, Шадизар внушает ему наибольшее отвращение. Он с удовольствием поручил бы тягостную обязанность побывать здесь кому-нибудь другому, но существуют дела, которые нельзя доверять даже самым верным слугам.

— Если хочешь что-то сделать хорошо, сделай это сам, — чуть слышно бормочет всадник. Угол его рта растягивается в кривой усмешке, вроде бы совершенно не вяжущейся с породистым лицом, но удивительно ему подходящей. — Что ж, посмотрим, кто кого...

Ветер утихает, трепетавшее в воздухе черно-алое великолепие пытается улечься ровными складками, но тут же взметывается машущим птичьим крылом. Заточенные звездочками шпоры вонзаются в атласные бока жеребца, тот срывается с места и вскоре отбивает чеканный ритм по синевато-белой ленте Дороги Королей.

Карпашские ворота Шадизара — города, забытого, что такое штурмы, осады и войны.

Покосившаяся на правый бок сторожевая башня с осыпавшимися зубцами и прохудившейся черепичной крышей. Стоящие нараспашку створки, окованные проржавевшими до багрового цвета полосами железа. Мающиеся от жары

стражники и застрявшая в арочном проеме телега. Из-под холщового полотнища обличающе торчат растопыренные ноги выпотрошенных коровьих туш. Над возом с надрывным жужжанием кружится облако зеленоватых мух. Возчик переругивается со караульщиками, одновременно пытаясь убедить сонных волов сделать еще хотя бы шаг. Тянет свое извечное заунывное "Подайте слепому-сирому-убогому" нищий. Подходящего жертвователя поблизости нет и не предвидится, попрошайка дремлет вполглаза, иногда принимаясь яростно чесаться. Все знакомо, обыденно и заранее известно.

Благостное спокойствие разлетается вдребезги, скомканное приближающимся частым перестуком копыт. Стражники недоуменно прислушиваются, лениво строя предположения. Гонец с пограничной заставы или из Немедии? Кто-то из богачей, переживающих одуряюще жаркое лето в загородных поместьях среди зеленых и прохладных отрогов Карпашских гор, решил наведаться домой? Вестник одного из многочисленных торговых домов с важнейшей новостью о том, что цены на офирскую шерсть упали, а кофийские телята идут по три золотых за голову?

Из-за поворота вылетает всадник в стелющемся за плечами черно-алом плаще. Шипастые подковы выбивают из камней еле различимые в солнечном свете синеватые искры. Дремавшие стоя волы, не дожидаясь приказа опешившего хозяина, оттаскивают телегу в сторону, освобождая путь для злого вороного жеребца.

Конь проскакивает арку под башней, оказывается на скучной маленькой площади и неохотно останавливается, повинувшись натягивающимся поводьям.

В это же время из выходящей на площадь улицы бодро выкатывается затянута тисненным кожаным пологом повозка. В нее впряжены две малорослые лошадки с коротко стриженными гривами. Правит ими грузный бородатый коротышка, с важностью восседающий на передке. Вслед за первой повозкой появляется вторая, третья — не меньше десятка — и выстраиваются в неровную прямую.

Запорошенное красноватым песком пространство оживляется. Из караулки высыпают привлеченные шумом стражники. Покидающие Шадизар гномы — а это именно они — сбиваются в оживленно-крикливое кольцо вокруг своих фургонов, невольно вынуждая всадника на вороном отступить ближе к обшарпанному строению таможни.

Появляется начальство. Десятник стражи и старший таможенник обреченно переглядываются. Не самый удачный день: очередной караван подземных карликов отбывает с грузом в Кезанкию и в Коринфию, да еще явился какой-то тип весьма заносчивого и богатого вида. Проще сначала разобраться с человеком — он все-таки один, и, если его не пропустят первым, наверняка начнет возмущаться.

Таможенник собирается с духом, боязливо приближается к пританцовывающей на месте

вороной лошади и открывает рот, мучительно соображая, как бы половчее окликнуть приезжего. "Эй, ты!" точно не подходит. "Господин хороший" — кто его знает, можно и пинка огрести...

К счастью, незнакомец замечает муки стража порядка.

— Что здесь творится? — снисходительно интересуется он, кивая на повозки, украшенные гербом, известным всем ценителям хорошего оружия и редких украшений — наковальня, над ней две скрещенных кирки и ограненный кристалл. — Повальное бегство от погромов?

— Никак нет, — стражнику очень хочется вытянуться в струнку перед благородным господином с черными, узкой полосочкой над верхней губой, красиво постриженными усами, острой "зингарской" бородкой и пронизывающим холодно-величественным взглядом. Щелкнуть каблуками не вышло, ибо они давно сносились. — Это наши, местные, с товарами и всяческим провиантом, значит, до дому собрались. В Кезанкийские горы то есть. Отвезут и назад притащатся... Вы, досточтимый месьор, не откажите в любезности — извольте сказать, кто вы есть такой, да уплатить за въезд в славный город Шадизар... Сущую мелочь — пять золотых с вашей милости и два за, с позволения сказать, вашего зверя...

Гость соизволил повернуть голову и смерить присевшего таможенника ледяным взглядом глубоко посаженных каре-желтоватых, в точности змеиных глаз. Только зрачок человеческий, а не принадлежащий чешуйчатому гаду...

— Три золотых с человека, ползолотого с лошади, — поспешно внес исправление караульный, кляня себя в душе за решение связаться с этим типом в черно-алых тряпках. Пропустил бы бесплатно, а разницу вполне можно восполнить на гномах. Они богатые, сколько ни потребууй — все едино раскошелятся.

— Владетельный Кебрадо Эльдире лос Урака, граф Ларгоньо, — слова упали вместе с монетами, такие же тяжеловесные и сверкающие. Про себя приезжий беззвучно хмыкнул — имечко звучит что надо, переспросить никто не решится. Сойдет для здешней провинции. — Из Зингарского королевства.

— Кебра... — уныло начал таможенник и попытился, бормоча: — Добро, значит, пожаловать, у нас гостям завсегда рады, мы люди простые...

Вороной, которому надоело топтаться на месте, попытался цапнуть стражника.

Всадник шлепнул разыгравшуюся лошадь поводьями и неторопливо отъехал чуть подальше — к шаткому навесу и полупустой поилке. Уезжать он почему-то раздумал. Видимо, решил полюбоваться картиной здешних нравов.

— Старший кто? Да не галдите все разом! Где старшина обоза? — надсаживался таможенник, пытаясь перекрычать окутавшую площадь разногласицу, смешанную с конским ржанием. Наконец из общей сутолоки на его призывы откликнулся средних лет карлик, щеголявший ухоженной черной бородой и тяжелой золотой цепью с

темно-вишневыми камнями, висевшей поверх коричневого суконного камзола. Гном проревел что-то на своем невозможном языке, заставив соплеменников заткнуться, и раздраженно представился: — Хори, сын Камбиса. У нас одиннадцать повозок и шестьдесят три сопровождающих. Как договоримся насчет проезда, человек?

— Я Тиус,— буркнул таможенник, заранее зная, что карликами из Чамгана плевать на его имя и звание. Он всего лишь досадная помеха, олицетворение сдержанно ненавидимого гномами людского закона.— Порядок обычный. Большие сундуки можете не вытаскивать, но обязательно открыть. Дорогую мелочь предъявляете лично мне, прочее досматривает стража. Налог на вывозимые ценности, если таковые имеются, прежний — четверть с каждой сотни стоимости. Попытка укрытия...

Гном, исподлобья, снизу вверх, посмотрел на человека, и тот, смешавшись и не договорив, торопливо произнес:

— Ладно, давайте начинать. Быстрее обернемся — быстрее закончим.

— Тот, кто стоял здесь в прошлый раз, не проявлял подобного рвения,— якобы невзначай и в сторону заметил гном. Намек понял бы и ребенок: чтобы не возиться с досмотром, таможенники просто брали с любых караванов приличную мзду.

Частично она отпирывалась, куда положено — в казну города, частично оседала в кошельках стражников.

— Рекифес приказал,— неохотно признался Тиус.— В городе в последнее время неспокойно. Кто-то уже с луну лихо чистит богатые дома, а добыча нигде не всплывает. Вот и велено досматривать всех без разбору на предмет, не вывозят ли краденое.

— А,— понимающе кивнул карлик.— Тогда ладно,— он деловито повел человека вдоль строя фургонов.— Значит, эти пять повозок для Кезанки под завязку набиты провизией. Если их разгрузить, а потом складывать все обратно — до вечера провозимся. Здесь оружие и всякие побрякушки, заказанные для лавок в Коринфии и Немедии. Три этих колымаги тоже едут в Кезанкию, в них вперемешку всякого добра. Две последних направляются на границу с Кофом.

В голосе Хори слышалось тщательно скрываемое ехидство: вот, мол, нам скрывать нечего, только как вы, люди, будете разбираться с таким количеством барахла? Таможенник стиснул зубы, пытаясь ничем не выдать внезапно нахлынувший приступ тихого отчаяния. Куда проще прикинуть размер возможной пошлины, увеличить его на десяток-другой монет, и пропустить караван. Пусть в глубинах фургонов действительно припрятано незаконное добро — какая разница?

Человек на вороном коне, назвавшийся доном Кебрадо, по-прежнему не двигался с места, с равнодушным интересом созерцая разворачивающееся на площади перед воротами представление. Он не видел причин торопиться и, кроме

того, легкое покалывающее предчувствие утверждало, что стоит задержаться. Скоро здесь произойдет нечто любопытное.

Потому он первым заметил странного вида четверку, вынырнувшую из расщелины проулка и решительно направившуюся к гномским повозкам. Двое мужчин — седой мрачноватый гигант и подвижный, гибкий парень-замориец. Две женщины — беловолосая амазонка средних лет и растрепанная рыженькая девчонка с отсутствующе-напряженным взглядом. От девчонки исходил тонкий, недоступный обычному человеческому уху звон — так звенят наделенные магией предметы, грозящие вот-вот сорваться в бездну неуправляемого волшебства.

Жеребец, фыркнув, вскинул голову, поставил уши топориками и безошибочно нацелился крупным лиловым глазом на девушку. Кебрадо погладил волнующееся животное по шее затянутой в черную перчатку рукой.

— Ты тоже ее слышишь? — шепотом спросил он. — Ну-ка глянем, кто это такая и что ей тут понадобилось...

Компания остановилась возле здания таможенной управы. Белогривая женщина то ли поддерживала свою спутницу, не давая ей упасть, то ли наоборот, мешала ей безоглядно рвануться в площадную суматоху.

Верзила нетерпеливо озирался по сторонам, пока не углядел капитана стражи. Бросив своим приказ стоять на месте, он подошел к таможеннику.

Можно не слышать слов, однако прекрасно уловить смысл беседы по жестам и выражениям лиц. Седой не очень уверенно обвинял в чем-то гномов.

Таможеннику совершенно не хотелось ввязываться ни в какие выяснения отношений. Вот он энергично закрутил пальцем у виска и махнул рукой, приказывая громиле убираться. Тот не шевельнулся, настаивая на своем.

Рыженькая вдруг встрепенулась. Робкое позвякивание беззвучного колокольчика переросло в биение обезумевшего набата. Вороной пронзительно заржал и попытался встать на дыбы, не слушаясь поводов. Флегматичные лошади гномов испуганно взвизгивали, натягивали постромки и шарахались из стороны в сторону.

Стражники, карлики, проходившие мимо горожане, уличные торговцы — каждому из оказавшихся возле Карпашских ворот померещилось, что мимо ослепительно-белого круга солнца промелькнула стремительная холодная тучка.

Кебрадо, справившись с лошадей, презрительно хмыкнул.

Девушка вырвалась из удерживающих ее рук и метнулась вперед — как кинулась головой в омут. Она мчалась мимо встревоженных лошадей и недоумевающих людей, не замечая никого. Мимолетного взгляда на ее лицо хватало, чтобы ей уступали дорогу и не пытались остановить.

— Феруза! — на два голоса завопили блондинка и замориец, кидаясь в погоню. — Феруза, куда тебя несет! Стой!

Бесполезно. Девушка, ведомая доступным только ей чутьем, мелькала среди повозок, пока не добежала до нужной — ничем не отличающейся от прочих, охраняемой кучкой гномов во главе с лысым коротышкой преклонных годов. Этот коротышка-то и решился встать на пути свихнувшейся девушки.

Человек на вороной лошади еле слышно щелкнул пальцами, и голоса, звучавшие на другой стороне площади, стали настолько отчетливыми, будто говорившие стояли рядом с ним.

— Пропусти,— рыженькая девчонка по имени Феруза вытянула руку, словно хотела отодвинуть гнома в сторону. Тот упрямо набычился:

— Зачем ты пришла? Сидела бы дома. Вы проиграли.

— Пропусти,— звонко повторила девушка. Трое ее приятелей, к которым присоединился таможенник и его подчиненные, наконец протолкались к месту стычки.— Я пришла за тем, что принадлежит мне.

— Тут ничего нет. Убирайся! — подгорный карлик несильно отпихнул настойчивую человеческую женщину в сторону. Беловолосая воительница и громила одинаково нехорошо прищурились. — Да уведите эту чокнутую!

— Что происходит? — стражник напрасно попытался придать своему голосу грозный командный оттенок.— Ты кто такая? Чего тебе надо? Райгарх, это ты ее привел?

Ответов не последовало. Девчонка как-то на удивление ловко проскользнула между гномами,

уцепилась за дощатый борт повозки и вскарабкалась вверх. Старый гном дернулся было за ней, но наткнулся на верзилу Райгарха и его суровую приятельницу. Рыженькая тем временем откинула полог фургона, юркнула внутрь и завопилась там.

Никто из людей и гномов почему-то не вмешивался, словно у маленькой Ферузы имелось непререкаемое право делать то, что она делала.

— И вы еще говорите о законе! — с привизгом выкрикнул старый гном, чья лысина приобрела непонятный оттенок — блекло-зеленый с примесью красноватого.— Какая-то спятившая шляха...

— Заткнись, приплюснутый,— без особой злобы процедила высокая блондинка в мужской одежде и многозначительно положила руку на рукоять болтавшейся на поясе туранской сабли. От подобного нахальства карлик осекся, вокруг послышался нарастающий возмущенный ропот, а из повозки донесся вопль:

— Здесь! Здесь! Лорна, Джай, помогите мне! Помогите кто-нибудь!

Чернявый юнец ринулся вперед, с размаху взлетел на задник фургона и присоединился к девушке. За ним последовала беловолосая Лорна. Втроем они выволокли какой-то длинный и явно тяжелый ящик, поставив его на выщербленные плиты площади. Ящик запирался на два внушительного вида навесных замка.

— Открой! — Феруза требовательно повернулась к гному. Тот сделал шаг назад — один кро-

хотный, растерянный шажок.— Альбрех, открой его.

— Месьор Тиус! — возопил гном, незамедлительно припомнив имя таможенника.— Неужели вы станете потакать прихотям какой-то уличной девки?..

— Она не уличная девка,— сухо проговорил замориец, надо полагать, Джай.— Открой или это сделаю я.

— А что в сундуке? — окончательно сбитый с толку стражник постучал носком сапога по обшарпанному деревянному боку. Послышался глуховатый звук.

— Просо,— незамедлительно отозвался Альбрех.— Обычайшее просо.

— Ну, тогда откройте его,— решил Тиус. Он знал Райгарха и слышал кое-что о гадалке Ферузе, а потому счел, что затеянный ими скандал вполне может иметь под собой какое-то основание. Если же нет, то их не спасет ни собственная репутация, ни чье-либо заступничество!

Карлик замаялся. Райгарх, не дожидаясь, пока гномы отыщут и принесут ключи от сундука, врезал кованым сапогом сначала по одному замку, потом по другому, и поднял крышку.

Ровно насыпанный слой желтоватого мелкого зерна. Джай потыкал в семена кинжалом — тот входил беспрепятственно, ни на что не натываясь.

— Ну? — с мученическим видом спросил гном.— Убедились? Что вы вообще намеревались тут найти?

— Феруза, тебе лучше уйти,— Лорна твердо взяла растерянно хлопавшую глазами девушку за плечи.— Ты ошиблась. Здесь ничего нет. Похоже, мы неверно поняли твое предсказание...

— Н-нет! — рыженькая девица страшно ладонь тавернщицы, обеими руками вцепилась в край сундука и опрокинула его. Зерно потоком хлынуло на мостовую, вынудив окружающих попятиться.— Смотрите! Смотрите все! Дно!

— Какое дно? — зло рывкнул таможенник, всем нутром предчувствовавший выволочку от начальства и стремительное понижение в должности до обычного стражника.

Джай сообразил первым. Отодвинул Ферузу, вернул ящик в обычное положение, аккуратно загнал лезвие кинжала между боковой стенкой и днищем, надавил. Повторил свои нехитрые действия в другом месте. Потом еще раз.

Дно сундука слегка приподнялось.

К усилиям Проныры присоединился Райгарх. Днище, потрескивая, начало отходить вверх. Воспользовавшись тем, что всеобщее внимание привлечено двумя людьми, склонившимся над ящиком и азартно выдиравшим доски, Альбрех начал отступать назад, пытаясь затеряться в толпе. За ним последовало еще пять или шесть сородичей.

Сундук не выдержал неравной борьбы. Двойное дно сломалось, выдавая свою тайну — продолговатый сверток, размерами и формой напоминавший завернутого в погребальный саван человека, и пару свертков поменьше.

Феруза вцепилась в большой сверток, пытаясь размотать холщовые ленты, немедленно сломала ногу, но успеха не добилась. Джай вспорол холст кинжалом и невольно отшатнулся.

На него смотрело лицо — пепельная кожа, закрытые глаза и синюшные, искривленные губы, между которыми не прорывалось ни единого признака дыхания.

Райгарх заковыристо выругался. Таможенник охнул. Стоявший в первых рядах старшина обоза Хори побледнел, глотнул и попытался укрываться в своей бороде. Лорна еле успела подхватить упавшую в обморок Ферузу.

По какому-то наитию Джай схватил обмотанный десятками слоев ткани предмет, лежавший в ногах человека, и принялся яростно сдирать оболочку. Под холстом оказались тонкие шелковые полотнища, а когда он сорвал и их, брызнуло столь нестерпимое и радостное многоцветное сияние, что Проныра зажмурился. По толпе пронесся единый вздох — восхищенный и разочарованный одновременно.

...Господин Кебрадо тоже заметил этот блеск. Безжалостно пнул коня, прокладывая путь через толпу и наотмашь стегая не успевших увернуться плетью со свинцовым шариком на конце. Он успел пробиться к месту действия как раз вовремя — чтобы собственными глазами увидеть сверкающее конусообразное золотое сооружение, инкрустированное россыпью мельчайших алмазов и рубинов. Корона. Прекрасная, сделанная знающим мастером корона, какой и аквилонский

король Вилер позавидует. Блистательное сочетание драгоценного металла и редких камней.

Это зрелище заставило зернышки зрачков Кебрадо сжаться в еле заметные точки, и на миг перекосило его лицо гримасой обворованного купца, обнаружившего свои похищенные драгоценности на прилавке давнего конкурента.

Кебрадо едва не кинул разъяренного жеребца вперед — снести всех этих людишек и отвлечь бородатых карликов, вернуть отнятое! — но сумел взять себя в руки. Он не сможет беспрепятственно уйти, а лишний шум ему совершенно не требуется. Он все равно добьется своего, пусть не сейчас, а чуть погодя.

Потому господин Кебрадо вернулся на прежнее место наблюдения, и сумел увидеть и узнать еще много интересного. Он стал свидетелем взаимной ссоры таможенника и старшины гномского обоза, повального обыска трех фургонов, направлявшихся в Кезанкию, спешного прибытия почти всех высоких городских чинов, в том числе господина верховного дознавателя Рекифеса, донельзя счастливого тем, что его план сработал как нельзя лучше. Кебрадо вдоволь налюбовался на выпотрошенные сундуки и вскрытые мешки, из которых извлекались на свет вещи, похищенные за последнюю луну. С каждой новой находкой Хори словно становился все меньше и меньше ростом, воздух выходил из него, точно из проколотого рыбьего пузыря.

Человека, найденного в сундуке с зерном, странная компания унесла с собой. Они умудри-

лись исчезнуть поспешно и незаметно, прямо под самым носом у стражников Рекифеса. Только что стояли вот здесь, и уже никого нет — ни громогласного седого верзилы, ни белобрысой решительной амазонки, ни девицы с крохотным магическим колокольчиком в душе, ни парня-взломщика. Тиус философски пожал плечами.

Исчез и старый Альбрих. Гномов из его клана успели схватить — частью это сделали гномы из других семей, частью жаждавшие принять участие в общем веселье горожане. Лысый же коротышка просочился сквозь пальцы у тех и у других, юркнув в какую-то нору, растворившись в пропахшем нечистотами воздухе Шадизара.

...В гаме обрушивающихся новостей никто из стражников не заметил, как под арку Карпашских ворот неторопливо вошел, постукивая тяжелым дорожным посохом, человек в пропыленном плаще некогда темно-коричневого, а теперь желтовато-бежевого цвета. Путник нес на спине небольшую котомку, а лицо его скрывалось под разлохмаченной повязкой, вроде тех, какие носят туранские кочевники. Человек недолго постоял, глядя на волнующееся скопление народа, и тем же неспешным, размеренным шагом удалился, свернув в первый же переулок.

Облезлый голубь, попавший в лужицу короткой тени странника, вдруг обеспокоено завертел головкой, затрепыхался, пытаясь взлететь... и замер неряшливой кучкой торчащих в разные стороны перьев. Птица умерла мгновенно, без боли.

Глава 8. Зрелище правосудия

Невозможно предугадать действия одного человека, зато легче легкого сообразить, как поступит толпа. Смело предполагайте худшее — окажетесь правы. Толпа не знает жалости, ей неведомо милосердие, она не прислушается к воплям о снисхождении. Она желает развлекаться. Зрелище! Ей необходимо зрелище — любое, лишь бы захватывало дух и сам собой рвался из глотки восторженный вопль. Скачки, гладиаторские бои, лицедейское представление, горящий дом, уличная драка, казнь — все сойдет, все будет впитано сотнями жадных глаз. Пусть льется кровь, пусть звенит истошный крик, пусть обрывается чья-то жизнь — главное, чтобы не своя.

Известие о том, что на Воловье площади состоится Белово Подношение, облетело город быстрее промозглых осенних ветерков. Зеваки потянулись на традиционное место казней и наказаний с раннего утра, торопясь занять местечко

поближе к высоким каменным помостам. К полудню их оцепит стража, из Черных ворот Алронга выведут приговоренных, и вот тогда начнется сущее веселье!

Возвышений на площади ровно шесть. Две почерневшие от времени виселицы. Скрипучее колесо для четвертований. Огромная дубовая колода, на чьем срезе отлетают проштрафившиеся головы, руки и иные части тела. Кресло Душителей — вырубленный из гранита стул с высокой спинкой, сквозь которую прoderнут затягивающийся металлический ошейник.

Четырехгранный позорный столб с болтающимися на нем наручниками. Эти мрачноватые сооружения столь давно и верно несут свою службу, что заслужили собственные имена и стали персонажами городских страшных сказок.

Сановные чины и мутноватые сливки шадизарской аристократии предпочитают любоваться казнями свысока, с балконов замыкающего площадь здания канцелярии городского Совета. Ее венчает остроконечная башенка, в которой после долгих споров недавно установили немедийское изобретение — механическую конструкцию из медных шестеренок и качающихся маятников, отсчитывающую время. Примерно через каждые четыре оборота водяной клепсидры над башенкой разносятся мерные удары бронзового колокола, оповещающая жителей о том, что минул еще один час их суетливой и беспокойной жизни.

Отголоски колокольного перезвона долетали даже в полуподвальную камеру Мышеловки.

Сюда согнали всех, кому нынешним полднем предстояло выйти на пропеченную солнцем Волловую площадь и теперь камера превратилась в обитель проклятых душ. Заключенные побогаче пытались подкупить стражников или убедить достаточно глупых собратьев по несчастью назваться их именами. Несколько человек, обезумев от предчувствия близкой смерти, принялись биться головами о стены. Их связали и отставили в бессильном бешенстве кататься по полу.

Кто-то заранее смирился с грядущей кончиной, и коротал время, дуясь в зернь или в расшибалочку. Кто-то бродил от стены к стене, бессмысленно пялясь перед собой и неразборчиво бормоча. Возможно, они надеялись уцелеть, сославшись на давнюю традицию — лишившихся рассудка не казнят.

— Меня повесят, меня повесят, — Силли, угловившись в каменный мешок, твердил эти слова, будто спасительную молитву. Конану очень хотелось дать ему по зубам, однако он вовремя сообразил, что ничего этим не изменит. Силли просто получит новый повод для нытья. — Нас всех убьют. Мы умрем. А меня повесят. Непременно. Они сказали, что меня повесят.

Мальчишка-варвар скривился и отодвинулся подальше. Уши заткнуть, что ли? Повезло Мейгелену — затаился в своей клетушке, прикинулся убогим, заблажил, что честно-благородно отбыл свой срок и завтра выходит, его и не тронут. А вот ему, Конану, и Силли скоро придется туговато. Верно говорят: коли судьба задумала

сделать тебе гадость, ее не уговоришь сменить гнев на милость. Он почти вырвался на свободу, и тут — на тебе!

— ...Я разыскиваю одного человека, живущего где-то в вашем городе,— без обиняков заявила неведомо откуда взявшаяся в Алронге женщина. Высокомерная золотоволосая блондинка, которую минувшим днем он и Ши оставили без ее роскошного ожерелья. Теперь она явилась сюда и стояла по ту сторону ржавой решетки, кутаясь в темно-синий шелковый плащ. Женщина только что переспорила человека, желавшего купить неудачливого воришку по прозвищу Малыш, и сама стала его владелицей. Раздосадованный покупатель бродил по камере, зло ворча и пиная кучки гнилой соломы.— Мы можем договориться: ты поделишься со мной своими знаниями, а я выведу тебя отсюда и позволю удалиться на все четыре стороны. Будем считать, что твой ответ стоит потраченных пятисот пятидесяти золотых. Кстати, я — госпожа Клелия Кассиана. Твой сбежавший приятель называл тебя, если не ошибаюсь, Малышом?

— Его поймали? — задал наиболее волновавший его вопрос Конан.

— Нет,— отозвалась госпожа Клелия.— Он улизнул по крышам. Разве здесь в порядке вещей бросать напарника на произвол судьбы?

— Я сам виноват,— нехотя буркнул Конан.— Он меня звал, а я не слышал.

Стоявший за спиной женщины телохранитель понимающе хмыкнул.

— Так вот,— дама наклонилась и заговорила потише.— Мне необходимо узнать местонахождение одного молодого человека. Он постарше тебя лет на десять — двенадцать, шемит, довольно красивый, очень горбоносый. Его ремесло — взломы, и в нем он полагает себя наилучшим из всех. Почему-то я уверена, что ты с ним знаком.

— Аластор,— не раздумывая, выпалил Конан.— Если тебе нужен лучший взломщик Шади-зара, то это наверняка он. Только ты опоздала.

— Он уехал? — насторожилась Клелия.

— Намедни попался гномам. Они не хотят его отпускать — в отместку за то, что он когда-то их ограбил.

Женщина задумалась, теребя обшитый серебряной тесьмой край плаща. Окликнула громоздившегося за ней телохранителя и зашептала с ним на неизвестном Конану языке. Белобрысый верзила нахмурился, извлек из висевшей на поясе кожаной сумки пару увесистых мешочков, но не спешил вручать их алчно возликовавшему тюремщику, с готовностью забренчавшему ключами от клеток.

— Тебе известно, где проживал этот человек, Аластор? — вдруг спросила госпожа Кассиана.

— Угу. Мы все там околачиваемся — Альс, Ши и наши приятели...

— Можешь отвести меня туда? — перебила Клелия.— Вдруг за время, пока ты здесь сидишь, ему удалось сбежать?

— Идет,— согласился Конан. Подвоха в просьбе женщины вроде не крылось. Непонятно

только, с какой радости у Аластора в знакомых водится такая шикарная благородная красotka, ну да с него станется... Если ей так хочется побывать в "Норе", он с удовольствием покажет дорогу.

Стражник, стоявший на карауле у дверей камеры, вдруг лихорадочно засуетился и тревожно свистнул. Покупательница недоуменно оглянулась.

— Уходите, быстро! — зашипел тюремщик. — Начальство с проверкой! Негоже, чтобы вас тут застали! Давайте деньги, как только все уляжется, мы выведем мальчишку. Уходите и ждите возле Слезных ворот. Быстро, бегом!

Телохранитель сунул мешочки сторожу Алронга, подхватил госпожу под руку и настойчиво потащил к выходу. Оглянувшись через плечо, она выкрикнула:

— Не беспокойся! Все обойдется!

Обошлось. Только совсем не так, как рассчитывали. Не свобода его ждет, а деревянная колода посреди Воловьев площади.

Конан не слишком боялся смерти. Как и его соплеменники, он с рождения знал, что однажды погибнет — в бою, на охоте, под шальной лавиной или получит нож под ребра во время пьяной ссоры. Потому, гласили неписанные уложения, надо успеть взять от жизни как можно больше. Если бы он узнал, что сегодня ему предстоит быть повешенным, как Силли, или четвертованным, как вон тот одноглазый тип, убийца по найму, он воспринял бы эту новость со свой-

ственным варварским народам стоицизмом — чему быть, того не миновать.

Но, согласно местным законам, его собирались искалечить.

Одна мысль о подобном исходе приводила Конана в состояние, близкое к ужасу. Да, можно прожить и без руки. Он встречал таких людей, иногда они вполне справлялись со своим увечьем. Только рядом всегда находился кто-то, могущий о них позаботиться — родичи или друзья. Захочет ли Компания брать на себя такую обузу? Позволит ему остаться или укажет на дверь? Сумеет ли он примириться с такой судьбой?

В коридоре шумно затопали. Камера наполнилась воем, криками и звуками, для которых и названия-то не подберешь. Явившиеся стражники без особых церемоний выволакивали смертников наружу, пинками отправляя в короткий путь — к Черным воротам Алронга, на последнюю прогулку.

Диковатого вида подросток-варвар шел сам. Он неподвижно сидел в углу, когда к нему приблизился стражник, намереваясь отвесить юнцу пару хороших тумаков и вышвырнуть к остальному сброду. Мальчик поднял голову, отбросив назад спутанные черные волосы, глянул на возвышавшегося над ним охранника-немедийца чуть отстраненным, звериным взглядом светлосиних глаз и молча поднялся на ноги. Ко всему привычный стражник не решился дотронуться до мальчишки — какой умный человек станет наступать на разозленную ядовитую змею?

Силли пришлось тащить за руки и за ноги, как куль с мукой — при виде тюремщиков он грохнулся в обморок.

* * *

Над таверной "Уютная нора", что стоит посредине Третьего Обманного переулка квартала Нарикано, висела непривычная тишина. Ни развеселых воплей и громогласных песен до утра, ни драк, ни звона оружия. Точно все вымерли.

Зоркие глаза обитателей соседних домов заметили, как утром таверну покинули очень озабоченный рыжий парень со своей подружкой, направившись куда-то в сторону закатных кварталов.

Вскоре они вернулись, приведя с собой лекаря. И не какого-нибудь завалящего знахаря, не могущего толком излечить даже простейшую головную боль, а самого Шанталя Кофийца, который за порог не выйдет, прежде чем не вытянет из скорбящих родственников возможного пациента десятков серебряных монет.

Шанталь, сухопарый старик желчного вида, прибыл на громыхающей повозке, сопровождаемый парой учеников. Они столь преданно взирали на своего наставника, будто боялись пропустить миг, когда он изволит поведать им какое-нибудь божественное откровение. Еще ученики таскали за почтенным Шанталем огромные ящики со всяческими снадобьями, обтянутые кожей и сукном, бегали по его поручениям и якобы набирались опыта.

— Это что, шутка? — холодно осведомился господин лекарь, поднявшись на второй этаж "Норы" и осмотрев больного. Постояльцы толпились у дверей, наступая друг другу на ноги и нетерпеливо ожидая приговора. В комнату лекарь позволил войти только ученикам, Ферузе и Лорне. — Или вы меня с кем-то спутали? Тогда позвольте вас заверить, молодые люди: воскрешением покойников я не занимаюсь. Если вам так дорог ваш приятель, попробуйте обратиться к некромантам. Авось, что получится.

— Он не мертвый, — упрямо возразила Лорна.

— У этого человека сломано по меньшей мере три ребра, не говоря о многочисленных ушибах, — вкисливо начал перечислять Шанталь. — Я даже не берусь предположить, в какую кашу превращены его внутренности. Совершенно отнялись кисти рук и ног. Вдобавок он опоен неизвестным мне зельем, почти не дышит и вряд ли придет в сознание. Возможно, у тех, кто это сделал, имелось какое-то противоядие, однако я таковым не располагаю, — он, нахмурясь, посмотрел на побледневшую Ферузу и чуть помягче добавил: — Это ваш друг? Мне очень жаль. Он не выживет. В лучшем случае превратится в растение. Я могу...

— Благодарю, почтеннейший, — не дослушав, перебила туранка и поклонилась лекарю. — Чтобы позволить оборвать человеческую жизнь, я должна убедиться, что иного выхода нет.

— Как угодно, как угодно, — Шанталь Кофиец махнул подопечным тонкой рукой, похожей

на сухую ветку, и заковылял вниз по ступенькам. Хисс догнал его у дверей, протянул уговоренную плату — четыре золотых. Пожевав губами, лекарь забрал один кругляш и сердитым шепотом проскрипел:

— Скажи этой девице, чтобы не носилась со зряшными надеждами. Спасти ее любимчика может только чудо. На которое в нашем забытом богами городишке трудно рассчитывать.

Произнеся сие мрачное пророчество, лекарь забрался в повозку и с достоинством отбыл. Хисс вернулся обратно, грустно размышляя о том, что небольшое чудо сейчас здорово помогло бы не только пребывающему на грани жизни и смерти Аластору, но и упрямому в Алронг Малышу. До наступления начала церемонии на Воловье площади оставалось не больше двух ударов колокола.

— Он сказал, что надеяться бессмысленно,— Феруза опередила готовую вырваться у Хисса спасительную ложь.— Наверное, он прав. Но я все равно буду верить. Скажешь, глупо?

Девушка осторожно вытерла мокрой тканью лицо лежавшего на постели человека. Хисс отвел взгляд — смотреть лишний раз на то, что еще недавно звалось Аластором, ему совершенно не хотелось.

Он промямлил нечто сочувственное и задом выбрался в коридор. Хорошо бы разыскать Альбриха и учинить над ним что-нибудь эдакое. Чтобы лысый коротышка до конца дней своих запомнил, сколь опасно связываться с людьми.

Общество расположилось в зале, напиваясь за хозяйский счет и предаваясь унынию. После пятой кружки крепчайшего бритунийского пива, варимого Лорной по собственному рецепту, тщательно скрываемому от конкурентов, Райгарх, слегка пошатываясь, воздвигся над столом и провозгласил:

— Кто как хочет, а я иду туда! Парень должен увидеть хоть одну знакомую рожу!

— Вовсе незачем так орать,— скривился Джай.

— Я тоже пойду,— робко сказал Ши.— Вдруг...

— Вдруг с небес ударит молния и ухлопает палача,— раздраженно проговорила Лорна, старательно ни на кого не глядя.— Я останусь. Кому-то надо присмотреть за трактиром... и за Ферузой. Кэрли, послушай доброго совета — сиди здесь. Помочь ты ничем не сможешь, только расстроишься.

Кэрли, все утро хлюпавшая носом, ткнулась головой в колени и заревела. Хисс попытался ее утешить, но добился прямо противоположного. Его обычно легкомысленная напарница рыдала в голос, стучала кулаками по столу и, икая, требовала, чтобы Малыша спасли. Угомонилась она только после того, как тавернщица грозно прикрикнула на нее и отвесила подзатыльник.

* * *

Поглазеть на действо, разворачивающееся под стенами Мышеловки, пожаловало гораздо больше народу, нежели обычно. Дабы избежать толкотни и непременно связанных с ней грабежей и

драк, городская стража выставила патрули и перекрыла рогатками три ведущие на площадь улицы. Опоздавших заворачивали обратно, пропуская лишь тех, кто производил благоприятное впечатление, не представлял опасности или мог подкинуть вечно нуждающимся стражникам монетку-другую.

Компанию из "Норы", мирно подошедшую к ограде, немедленно попросили удалиться. Десятник стражи откровенно заявил, что подобных головорезов велено гнать в три шеи и даже близко не подпускать к площади. Райгарх начал спорить, Ши вполголоса заверил, что знает, как попасть на Воловью через подвалы окрестных домов... Конец бесплодным разговорам положил Джай, перебросив стражнику еле слышно звякнувший мешочек. У караульных мгновенно приключилась куриная слепота, и четверка беспрепятственно проникла туда, куда стремилась.

Они слегка опоздали — мрачное увеселение уже началось. В пяти петлях виселицы, называемой Тетушка Амона, отплясывали, постепенно затихая, неудачливые грабители.

Следующую пятерку только что загнали на помост соседки почтенной Тетушки, Подлизы Кералы, и расставляли по местам, набрасывая тяжелые пеньковые воротники с узлами. Кого-то волокли к Креслу Душителей, а он брыкался, вопил и пытался укусить стражников. Мерно колымавшаяся толпа зрителей отвечала на метания приговоренного добродушным смехом и ободряющими выкриками.

Хисс углядел деловито пробирающуюся через скопление зевак торговку с полным лотком пирожков и мигом оказался возле нее. Возвратился с десятком булочек, начиненных курятиной, и утешительной новостью — Малыша или кого-нибудь, похожего на него, еще не выводили.

— Есть здравые предложения? — Рыжий откусил кусок хрустящего пирожка и вопросительно глянул на приятелей. — Говорю сразу — мне в голову не приходит ничего путного.

— Подобраться к самому помосту, дождаться Малыша, выскочить, разогнать стражу... — вяло начал Райгарх и перебил сам себя: — Не выгорит. Схватят раньше, чем успеем отойти хотя бы на десяток шагов. Сами загремим на постой к Пеньковой Тетушке.

— Хисс, а твой знакомый из Ямы не мог соврать или ошибаться? — Джай тоже позаимствовал из промасленного кулька пирожок. — Вдруг мы зря всполошились?

— Все может быть, — философски ответил Хисс. — Но, согласись, Малыш достаточно необычен даже для нашего городка, чтобы спутать его с кем-либо.

Надрывающийся глашатай, в чьи обязанности входило чтение приговоров, проорал нечто невнятное, но призванное звучать устрашающе, и махнул свитком, украшенным целой гроздью привешенных на шнурках печатей. Толпа оживилась, в ней возникли водовороты и завихрения, устремившиеся к возвышению с колодой, прозванной Трухлявым Пнем.

— Вот и Подношение началось,— заметил Ши и тревожно осведомился: — Вы придумали что-нибудь толковое?

Никто не отозвался. Хисс подавился недожеванной булочкой и закашлялся.

В бурной истории Шадизара имелись случаи, когда друзьям удавалось выдернуть приговоренного к смерти в буквальном смысле слова из петли или из-под топора, но такие удачные проделки заранее планировались, в них участвовало не менее двух-трех десятков хорошо вооруженных человек, да и охранникам перепал изрядный куш, дабы они старательно изображали сопротивление. Четыре человека не могли поделаться ничем, только стоять и смотреть.

— Когда... ну, потом нам разрешат забрать Малыша? — вновь подал голос Ши.

— Разрешить-то разрешат,— буркнул в ответ Райгарх.— А толку? Сам понимаешь, пока он оклемается да привыкнет, пока обучится справляться одной клешней... Вдобавок он наверняка сочтет, что жизнь кончена и затоскует. Не углядишь, как это горское чудовище от тоски на меч кинется или спиваться начнет.

— Малыш не пьет,— по привычке напомнил воришка и очень тихо, даже робко спросил: — Значит, мы... мы бросим его?

— Не говори глупостей,— зло процедил Джейвар.— Никто не собирается его бросать. Он один из нас, а покинуть своего в беде... Сам знаешь, каким боком такое выходит и как на нас потом посмотрят. Мы ж сами себе опротивеем.

— Угу,— облегченно вздохнул Ши. Он решил не напоминать о том, что неписанные законы воровских гильдий не слишком-то одобряют помощь Меченым.

Ослепительно-яркий солнечный блик отразился от кромки лезвия опускающегося топора. На гладкий срез Трухлявого Пня брызнули первые темно-красные капли солоноватой жидкости.

Помощники экзекутора торопливо оттащили визжащую и бьющуюся, точно рыба на горячей сковороде, жертву в сторону, к заранее разведенному костерку. Над еле различимым при свете дня пламенем булькал вместительный чугунный котел, источавший неповторимый смрад закипающей смолы. Воришке, только что лишившемуся правой кисти и из-за всех силенок оплакивавшему безвозвратную потерю, щедро плеснули на кровоточившую культю густым дымящимся варахом.

Тот на миг замолчал, а затем огласил площадь столь пронзительным воплем, что поморщились даже стоявшие в оцеплений стражники.

Продолжавшего заходиться истошными криками новоявленного Меченого спихнули с помоста вниз. Толпа раздалась и бесследно поглотила его. Из Черных ворот вывели следующего приговоренного.

— Один готов,— с сочувственным презрением проворчал Райгарх.— Из новичков, что ли? Чего глотку зря драть, все едино не поможет...

— Так и знал, что она объявится! — Ши аж подпрыгнул на месте, дергая Хисса за рукав и

указывая куда-то в сторону вливающейся на площадь улицы.— Вон она, смотри! Приехала!

— Кто? — не понял Хисс, отцепляя пальцы Ши от начавшей потрескивать материи.

— Клелия, демон ее побери! Богатенькая госпожа Клелия Кассиана!

— Где? — Проныра с Райгархом, еще не забывшие рассказ Ши и Хисса о приключении на площади в Сахиле и хождении к Слезным воротам Алронга, дружно заозирались.

Ши Шеламу не понадобилось указывать второй раз. Госпожа Клелия явилась во всей красе — запряженный мулами паланкин, четверка неизменных громил, сопровождающих хозяйку и поглядывающих на всех свысока, благо они восседали на спинах лошадей.

— Ей жалко пропавших пятисот золотых или она решила поглядеть на шадизарское правосудие? — озадаченно спросил Ши. Хисс, посмотрев на женщину в носилках, восхищенно присвистнул, и даже Райгарх вынужденно признал:

— Редкая птишка залетела в наш курятник...

— Может, поговорить с ней? — неуверенно заикнулся воришка.

— О чем? — фыркнул Джай.— Собираешься воззвать к ее милосердию? У таких дамочек оно отсутствует. За полнейшей ненадобностью.

— Однако она хотела выкупить Малыша,— вступился за госпожу Клелию Ши.— В общем, я попробую. Если меня не растопчут ее головорезы, спрошу, по-прежнему ли ей нравится жемчуг и не хочет ли она получить его обратно?

— Он же порвался,— напомнил Джейвар.

— Но ведь она об этом не подозревает? — беспечно ухмыльнулся Ши и лихо развернулся на месте, собираясь юркнуть в толпу.

— погоди, я с тобой,— Хисс перебросил кулек с оставшимися пирожками слегка возмущившемся таким нахальством Джаю и присоединился к воришке, на ходу пояснив: — Хочу взглянуть на даму, у которой хватило глупости разъезжать по Шадизару, нацепив на себя содержимое прилавка процветающего ювелира и при этом остаться в живых.

* * *

Вокруг паланкина госпожи Клелии точно сама собой образовалась полоса пустого пространства шириной в пару шагов.

Толпа обтекала носилки с обеих сторон, не рискуя соваться ближе. Когда же Ши и Хисс сделали попытку преодолеть незримую преграду, перед ним немедленно вырос блестящий конский бок и устрашающего вида сапог, вдетый в стремя.

— Мы, собственно, на пару слов,— растолковал сапогу Ши. Тот слегка пошевелился.

— Где-то я уже встречал твою хитрую рожу,— задумчиво произнесли сверху. Воришка поднял голову, встретился взглядом с холодно-бесстрастными зрачками цвета прогоревших угольков, ойкнул и попятился.— Не далее, как вчера днем при весьма скверных для тебя обстоятельствах. Я прав, мой предприимчивый юный друг?

Лошадь сделала шаг в сторону, угрожая сбить воришку с ног.

— Госпожа Клелия! — не придумав ничего лучше, заверещал Ши. — Скажите им, чтобы не пихались! Это я, Ши! Можно с вами поговорить? Честное слово, мне нужно только поговорить и больше ничего!

— Ши Шелам? — занавески носилок раздвинулись, явив как всегда великолепную Кассиану и сидевшую у нее в ногах незнакомую девушку, с жадным любопытством глазевшую по сторонам. — Рейф, пропусти его. О, ты не один? Тогда пусть подойдут оба.

Всадник нехотя натянул поводья, заставив коня попятиться.

— Ты удачливее, чем кажется на первый взгляд, — госпожа Клелия озарила Ши яснейшей улыбкой, обычно предназначаемой близким друзьям или особо настойчивым кредиторам. — Как поживает мое ожерелье? Оно понравилось твоим друзьям? Кстати, ты не познакомишь меня со своим спутником?

— Госпожа Клелия Кассиана — Хисс, — растерянно проговорил Ши, вновь несколько выбитый из колеи ошеломляющей любезностью офирской дамы. По всем канонам ей надлежало рвать и метать, требуя от городской стражи немедленно схватить похитителей ее собственности, натравливать своих головорезов на бедных воришек и затевать скандалы. Она же выглядела так, будто появление Ши Шелама возле ее паланкина — величайшая радость в мире.

— А я Лиа, — робко представилась глазастая компаньонка или служанка Клелии, тряхнув парой толстых каштановых кос с вплетенными в них бубенчиками. Девушка тарасилась на Ши и Хисса, будто увидела диковинных зверей и не могла решить — опасны они или не очень?

— Теперь, когда мы знакомы, могу я узнать предмет разговора, которого ты столь рьяно добивался? — чуть язвительно осведомилась Клелия.

Внезапно Ши обнаружил, что приготовленная речь благополучно выветрилась из его головы и украдкой толкнул Хисса, намекая, что настоятельно нуждается в помощи. Возле Трухлявого Пня опять вспыхнула возня, из толпы полетели первые огрызки и подобранные тут же гнилые овощи. С балконов канцелярии Совета донеслись вовсе не благородные свист и улюлюканье, кто-то метнул в приговоренного опустошенной бутылкой, но промахнулся.

— Мы знаем, что вы вчера приходили в Алронг и выложили изрядную сумму за нашего приятеля Малыша, и что вы разыскиваете человека по имени Аластор, — тщательно подбирая слова, заговорил Хисс. — Малышу сегодня оттяпают руку, и, похоже, мы ничем не сможем этому помешать. Зато нам удалось увести у гномов Аластора. Он сейчас дома, на постоялом дворе, где мы живем. Отлеживается.

— Вот как? — нахмурилась Клелия.

— Я верну ваш жемчуг, — Ши прибег к самому, как ему казалось, неотразимому аргументу.

Какая женщина откажется заполучить обратно свою драгоценность? — Верну, Бел свидетель!

— Ваш покровитель Бел, насколько мне известно, редкостный пройдоха и вун,— задумчиво протянула госпожа Кассиана.— Послушайте, месьоры грабители, я вам очень сочувствую, но я при всем желании не в силах отменить вынесенный городскими властями приговор!

— Ожерелье и встреча с Аластором,— настойчиво повторил Хисс.— Иначе мы вполне можем сделать так, что вы безнадежно застрянете в Шадизаре. Или, не приведи боги, попадете в нехорошую историю, а то и вообще сгинете без следа. Думаете, раз за вами таскается свора громил, так вы в полнейшей безопасности?

— Угрозы? — подняла бровь Клелия, ничуть, впрочем, не испугавшись.

— Только предупреждение,— мягко возразил Хисс.— В конце концов, почему бы нам не оказать друг другу взаимной услуги?

— Каким образом? — уточнила графиня.

— Видите шумную компанию возле помоста с колодой? — Хисс ткнул пальцем в нужном направлении.— Их возглавляет человек на гнедой лошади. Его зовут Рекифес, он верховный дознаватель нашего пропащего городка. Убедите его в том, что вы ошиблись, обвиняя Малыша в краже вашей побрякушки.

— И как же я это сделаю? — чуть удивленно склонила золотоволосую головку набок Клелия.

— Испугались. Обознались. Решили, что перед вами грабитель, раз его ловят,— быстро перечис-

лил рыжий мошенник.— У Малыша ведь не нашли вашего ожерелья! Значит, взял не он! Малыш простой, как угол стола. Его задели — он дает сдачи. Госпожа Клелия, неужели мне, какому-то жулику из Шадизара, придется наставлять в искусстве лжи такую женщину, как вы?

Лиа рассмеялась, прикрыв рот ладонью. Леди Кассиана обреченно вздохнула:

— Ладно, молодые люди. Убедили. Похоже, в этом безумном городишке нужно вести себя соответственно. Рейф, нам необходимо добраться вон до того возвышения.

— Поздно,— отсутствующим голосом произнес Ши, заставив всех невольно вздрогнуть.— Вон его ведут.

Из калитки в Черных воротах явилась очередная процессия — стражники, кольцом из опущенных копий стиснувшие маленькую группку жертв.

Малыш и здесь умудрился держаться особняком, будто по случайности затесавшись в общую неразбериху. Его обособленность бросилась в глаза не только людям возле носилок Клелии, но и многим из зевак на площади. По толпе пробежал легкий шумок, предвещавший нечто необычное.

На каждой церемонии Подношения должно что-то случаться, иначе зрелище лишается всей остроты. Или промахнется палач, или оборвется веревка, или приговоренный со страху отдаст концы раньше, чем его заташат на плаху. В прошлый раз заело четвертовальное колесо. В позап-

рошлый подружка казнимого выскочила на помощь и, сославшись на древние законы, объявила уже приготовившегося к смерти парня своим мужем. Пришлось его торжественно помиловать и отпустить. Болтали, будто года три назад сынок богатого купца за мешок офирских золотых выкупил приглянувшуюся ему девчонку-воровку, а весной того же года шайка Кьензи Серой Лисицы разбросала стражу и освободила одного из своих приятелей, угодивших между жерновами закона...

Однако сегодня толпе не предложили ничего захватывающего, кроме мелких стычек да зауридных воплей, и она пребывала в медленно нарастающем недовольстве. Когда же толпа недовольна зрелищем, она имеет привычку возмущаться, а во что выльется ее возмущение — не в силах предсказать самый искушенный астролог.

* * *

— Обознались?

Грозный дознаватель Рекифес, пугало уличных воришек, мошенников и шлюх, на первый взгляд вовсе не производил устрашающего впечатления. Обыкновенный человек на подступах к сорокалетию, слегка облысевший и нарастивший изрядное брюшко. Благостно-образцовый портрет зажиточного купчишки портил только взгляд — обманчиво рассеянный, устремленный не на собеседника, а на что-то невидимое, располщенное за его спиной. Большинство не выдерживало,

начинало ерзать, невольно оглядываться и путаться в словах.

— Совершенно верно, месьор дознаватель, — ослепительная улыбка Клелии, к которой добавился легчайший оттенок сожаления по поводу допущенной ошибки и искреннее стремление таковую загладить, обычно заставляла любое создание мужского пола терять голову и начинать совершать всевозможнейшие глупости. — Я так расстроилась из-за этого ожерелья, что даже не разглядела толком, кого схватили. Мне сказали, вор пойман, и я успокоилась. Но ведь у этого молодого человека, насколько я понимаю, не обнаружили моей драгоценности? Куда она делась? Ведь не могли ваши доблестные стражи порядка уподобиться ловимым им ворами и позариться на уже похищенное?

Рекифес считал, что стражники Шадизара ради пары лишних медяков способны на гораздо большее, но промолчал. Ему категорически не нравилась эта женщина. Она не подходила ни под какие определенные рамки — ни богатая содержанка, ни местная дворянка, ни жена или дочка процветающего торговца. Она, извольте видеть, офирская графиня. Спрашивается, какие заботы понесли ее в самый неустроенный город Материка и с какой радости ей вдруг вздумалось заступаться за уличного ворюгу?

— Неужели вы допустите казнь невиновного? — госпожа Кассиана подпустила в речь негодования. Она потихоньку отчаивалась: этого дознавателя, похожего на доброго и недалекого дядюш-

ку, не трогало ничто из ее богатейшего набора уловок.

— Его не казнят,— педантично уточнил Рекифес, ломая голову над тем, как половчее спровадить назойливую дамочку.— Всего лишь отрубят руку. Кроме того, госпожа дия Лаурин, позволю себе усомниться в невинности сего проходимца. Если он не причастен к ограблению вашей персоны, значит, виновен в чем-либо другом. Это Шадизар, тут нет и не может быть человека, не замешанного в какие-либо темные делишки. Гляньте пристальнее на шалопаю, о чьей судьбе вы столь рьяно хлопочете! Варвар и дикарь, на совести которого наверняка не один ограбленный или пристукнутый в глухом уголке бедняга. Наказывая этого типа, мы оказываем услугу нашему городу, освобождая его от подобных отбросов. Как мне ни жаль, госпожа Кассиана, я вынужден ответить вам отказом. Мальчишка получит по заслугам.

Дознаватель бесцеремонно отвернулся, чтобы отдать совершенно излишнее приказание кому-то из своих подчиненных. Клелия озадаченно пощелкала пальцами и выглянула из паланкина. Ши и его приятели, затесавшись в толпу, околачивались поблизости, умоляюще пялясь на благородную даму. Та разочарованно повела рукой — ничего не получается!

Лиа, неотрывно глядевшая на возвышение, занятое массивной деревянной колодой, тихонько пискнула. Госпожа Клелия обернулась — парочка стражников вела к Трухлявому пню оче-

редного приговоренного, небрежно подталкивая его в спину древками копий. По сборищу на Вольевой площади пробежал еле различимый ветерок шепотков — похоже, у части зевак (в основном у женщин) Малыш вызвал подобие сочувствия.

— Сделайте что-нибудь,— умоляющим шепотком проговорила Лиа.— Госпожа Клелия, вы ведь все можете! Что вам стоит?

— Значит, виновность или невинность обвиняемого не имеет значения? — процедила госпожа Кассиана. Она начинала злиться, как происходило всегда, стоило кому-то воспротивиться исполнению ее желаний.— Хорошо же... Господин Рекифес! Да-да, это снова я! Ответьте мне всего на один-единственный вопрос: вы не боитесь возмездия?

— Чьего, дружков всей этой швали? — дознаватель широким жестом обмахнул площадь, Алронг и место казней.— Дорогая графиня, они смелы только на слова. Никто из них не почешется, чтобы привести слова о мести мне в действие.

— Я имею в виду вовсе не людское возмездие,— терпеливо разъяснила Клелия, многозначительно устремив взгляд к небесам — голубовато-белым, выцветшим от зноя.

— Тьфу! — Рекифес сплюнул под копыта запряженных в носилки мулов.— Госпожа Кассиана, боги слишком далеки, чтобы волноваться о судьбе каждого смертного в отдельности. Им чихать на нас.

— Вы действительно так полагаете? — повысила голос женщина, заметив, что к ее спору с господином дознавателем начали прислушиваться. Кое-кто из зрителей даже осторожно приблизился, дабы не упустить ни единого слова из препирательства между сильными мира сего и потом пересказать услышанное родне, соседям и приятелям.

— Полагаю! — Рекифес тоже начал выходить из себя.

— А если я докажу, что вы не правы? — пропела Клелия. На нее снизошло вдохновение, она почти придумала, как поступить. Требовалась лишь капелька удачи.

— Грохнетесь на колени и начнете возносить моления? — едко прищурился дознаватель. — Только прежде посмотрите под ноги, еще вляпаетесь в... кхм... навоз.

— Это не беда, — госпожа Кассиана решительно выбралась из паланкина. Рядом с ней немедленно возникли Рейф и один из его подручных. — Справедливость стоит того, чтобы ради нее испачкаться.

Верховный дознаватель города Шадизара устался на светловолосую женщину, как на беглянку из приюта скорбных разумом. Он отчаянно перебирал в памяти всех, кто заправлял в Шадизаре и Арэнджуне достаточно крупными делами. Может, она подружка какого-нибудь из главарей? Фаворитка члена Совета Шадизара? Сама ворочает деньгами и шайками? Но приговоренный мальчишка — никто! Что может свя-

зывать его с этой самоуверенной красоткой? Зачем, зачем он ей понадобился? Ему известно нечто важное? Он чей-то сородич, приятель или любимчик? Что происходит?

Воспользовавшись замешательством Рекифеса, госпожа Клелия торжественно прошествовала мимо оцепления, слыша, как разрастается озадаченный гул, расходясь, как круги от брошенного в воду камня. Многоголовое, тысячеглазое чудовище грузно разворачивалось, недоуменно выискивая — кто решился нарушить освященные временами традиции, кто внесет ожидаемое смятение и оживит начавшее приедаться зрелище?

— Куда она собралась? Что она задумала? — Ши вцепился в стоявших по бокам Джая и Хисса. — Она спятила?

— Мы все спятили, — меланхолично ответил Хисс. — Причем давно и сразу всем городом.

— Весьма истинное замечание, молодой человек, — перемещения внутри толпы вынесли к Компании благообразного старичка, эдакого мелкого лавочника или ростовщика на покое, склонного к чтению нравоучений и добродушным попрекам нынешней распущенной молодежи. Старикашка мелко и заразительно хихикнул, со странным удовольствием повторив слова Хисса: — Да, этот город сошел с ума. Но, с другой стороны, чем плохо безумие как образ жизни?

Покосившись на говорливого старика, Хисс на всякий случай подался в сторону. Чего-чего, а такого добра, как бродячие проповедники и за-

худальные пророки тысячи и одного божества, в Шадизаре хватало. Даже с избытком.

Клелия одолела выщербленные каменные ступеньки, ведущие на помост, по пути небрежно отпихнув носком позолоченной сандалиии чью-то скрюченную и посиневшую отрубленную кисть, над которой кружили большие зеленые мухи: Палач и его помощники даже удивиться толком не успели, когда неизвестно откуда взявшаяся женщина в белых одеждах непрекращаемым тоном распорядилась:

— Остановите казнь. Мне нужно кое-что сказать.

Она повернулась лицом к площади и подняла руку. Шум и болтовня немного стихли. Когда она заговорила, зрители, стоявшие у самого возвышения, начали оборачиваться, передавая услышанное дальше, в задние ряды.

* * *

Если взглянуть сверху, то скопление людей походит отнюдь не на море, как обычно считается. Оно скорее напоминает непостоянный, толкающийся рой пестрых насекомых. Исчезают отдельные лица, превращаясь в россыпь смутных пятен. Любая речь сливается в неразборчивое ворчание, становящееся то тише, то громче. А запах, висящий над толпой в жаркий день, способен кого угодно заставить страдать желудком.

Ничто этого Конан не заметил. Цвета, невнятные голоса, отдельные выкрики, солнечное тепло проскальзывали вдоль края его сознания,

как камешек скользит по гладкому льду, не оставляя после себя никаких следов. Он словно видел происходящее со стороны, не узнавая в стоящем возле почерневшей деревянной колоды мрачно-сосредоточенном подростке самого себя.

Вот стражник Алронга отработанным за много лет движением pinaет мальчишку по ногам, вынуждая опуститься на колени... и промахивается, потому что приговоренный успевает увернуться. Впрочем, с подобными вывертам тут давно научились справляться, и заминка остается почти незамеченной. Двойной рывок: левая рука заломлена за спину, так что поневоле нагнешься вперед, правая вытягивается на срезе колоды. Когда-то она была стволом дерева, даже годовые кольца сохранились. Еле различимые, пересеченные мелкими зарубками от ударов. Сколько лет прожило это дерево, прежде чем попасть сюда? Где оно выросло?

Холодно. Пусто и холодно. Ни страха, ни тревоги — только гулкая черная пустота, из которой падают редкие сухие снежинки. В Шадизаре никогда не бывает снега, но сегодня он идет.

Метель вылепливает высокую фигуру в развевающемся плаще из крупных хлопьев. Вестник смерти? Хотя погодите... Фигура настоящая! Человек, смутно знакомая женщина в белом. Она что-то громко выкрикивает, обращаясь к толпе. Снизу ей отвечают усиливающимися восторженным ревом. Как бы заставить себя очнуться, понять, что она говорит... Это важно. Очень важно.

Она твердит что-то о справедливости и суде богов. Какой суд богов? Почему эта женщина вмещивается? Давно бы все закончилось, а из-за нее приходится ждать. Ожидание — самая мерзкая вещь на свете.

Женщина умолкает. Из прорезей черного мешка, натянутого на голову палача, на нее туповато пялятся пара глазок. Всадник на гнедой лошади, топчущейся возле помоста, раздраженно выкрикивает: "Да рубите же, чего возитесь!"

Топор поднимается и опускается — смазанная блестящая полоса железа, быстрая, смертоносная и равнодушная к тому, что ей предстоит расцечь, живую плоть или бездушное полено.

Удар. Вспышка. Сияющая белая вспышка. Боли нет, мир тонет в слепящей белизне.

Толпа замирает. Долгая, растянувшаяся, словно капля тягучей смолы, тишина. Отчетливо слышно, как в задних рядах капризно хныкает ребенок. Подобное молчание может привести к чему угодно — всеобщему приступу религиозной одержимости, бунту, драке, погрому или панике.

Бойкий старикан едко ухмыляется в жиденькую бородавку и локтем толкает Хисса в бок. Тот не замечает, тщетно пытаясь примирить доводы рассудка с доводами зрения.

Взгляд в прошлое: Бродяга

У него было много прозвищ, а вот имени не осталось. Он сам от него отказался — давным-

давно, заплатив за право быть тем, чем он стал. Боги говорят — бери все, что захочешь, только не забывай платить. Вот он и расплатился. Полной ценой, с долгами, пенями и начисляемыми поверх долями.

Завершив долгий расчет, он почувствовал сначала облегчение, потом — тоску. Он знал, что так и случится, и не особенно горевал. Те, кто помнил его имя и мог его назвать, убиты либо умерли своей смертью, записи в архивах и летописях уничтожены, а людская память — штука недолговечная. Поколение, другое — и прошлое забудется. Великие завоеватели, прекрасные и коварные женщины, мудрецы, поэты, убийцы, колдуны и маги, воры и праведники — всех ждет одна судьба, одних раньше, других позже.

Насчет себя он тоже не обманывался, однако испытал легкое, как осенний ветер, разочарование, однажды заглянув в родной город и обнаружив, что в воспоминаниях жителей стерлась не только память о нем, но даже место, где стоял его дом, застроено и изменено до неузнаваемости.

Он постоял на улице, пожал плечами и ушел. В конце концов, на что он рассчитывал? Он ведь не совершил ничего особо выдающегося и вдобавок благополучно скончался лет эдак... В общем, изрядно давно.

Да-да, он умер — по собственному, совершенно добровольному желанию, был похоронен где-то в Немедийских горах и на могиле даже торчал памятный знак, пока его не снесло грязевой

лавиной. Его ученики и последователи, как водится, мгновенно перелаялись, деля наследие учителя, а после разбежались — суетиться над своими мелкими делишками и добиваться места под солнцем. Она позабыли его даже раньше, чем земляки.

Почему-то это обстоятельство задело его больше всего. Он даже подумывал о небольшой мести, но вскоре махнул рукой. Что толку? Какое значение имеет месть, коли ты точно знаешь — твои нерадивые воспитанники лет через пятьдесят протянут ноги, а ты останешься.

Правда, лишенным имени и с такой физиономией, что лучше никому не показываться на глаза.

Бери, что хочешь, но плати сполна.

Что ж, можно вполне обойтись прозвищами, а красавцем он и при жизни не был.

Кто-то называл его Ловцом, кто-то — Стражем, некоторые предпочитали вычурное "Искатель утерянных истин", другие звали проще — Охотником, Вестником или Скрытным. Иногда за спиной слышалось оскорбительное "Вечный Мертвец" или "Ходячая падаль", но вскоре он разучился обижаться.

Что они понимают, смертные, чьи жизни схожи со свечами, трепещущими на ветру? Кроме того, он действительно мертвец, с очевидным не поспоришь.

Мыслящий, умеющий передвигаться и даже что-то чувствовать, но — мертвец. Покойник. Существо, обитающее на грани между жизнью и

смертью, днем и ночью, не принадлежащее никому и ничему.

Придерживаясь истинного изложения событий, надо признать — конечно, у Ловца имелся хозяин. Господин, сюзерен, работодатель — называйте, как хотите. Тот, с кем он когда-то заключил Договор, кому отдал свое имя в обмен на кое-какие, весьма сомнительные возможности и способности. Он не жалел о сделанном. Хозяин, конечно, не заслуживал наименования "добродетельного" или "милостивого", скорее, к нему подходило определение "справедливого, а потому безжалостного". Держась особняком от прочих творений, подобных ему, Господин иногда выполнял роль верховного судьи, разбираясь в запутанных спорах и кляузах. Про себя Ловец так его и называл — Господин Судья.

Следовательно, он сам выполнял при Судье обязанности ищейки, дознавателя и доверенного лица с правом выносить решения. Завидная должность, если вдуматься. И заодно позволяющая удовлетворять непреходящую тягу Ловца к компании во всяческих архивах, летописях и отчетах в поисках крупниц ответов на давнишние загадки.

В общем, он пребывал вполне довольным собой и собственным существованием, если не считать нескольких мелких неурядиц, и внезапное приказание бросить все дела и немедленно — немедленно! — отправляться в расположенный где-то на краю света городишко Шадизар заставило его слегка удивиться.

Когда же он узнал, по какой причине ему предстоит навестить это сумбурное людское поселение, именуемое вдобавок Городом Воров, удивление переросло в тревогу. Он не слишком хорошо представлял, как будет действовать и с чего начнет, однако знал — чем быстрее он справится с поручением, тем лучше.

* * *

Ловец вошел в город незадолго до полудня. Вошел открыто, не предпринимая особенных попыток скрыть свою внешность, и даже приготовившись заплатить на воротах положенную мзду.

Однако странник в пропыленном плаще и с тяжелым дубовым посохом не привлек ничьего внимания.

Горожан занимало нечто иное, и Ловец, миновав подвратную арку, остановился посмотреть. Любопытство всегда являлось одной из главнейших черт его характера. К тому же он почувствовал слабый знак присутствия кого-то из давних знакомых — не его знакомых, те давно в могилах — а знакомых Господина. Перебрав в памяти возможные места их пребывания, Ловец заключил, что никому из них делать в Шадиаре совершенно нечего. Даже Обманщик, помнится, удалился куда-то на Закат, к побережью.

Действо у ворот приобретало все больший размах. Озадаченный Ловец на всякий случай свернул в ближайший переулок и отыскал там подходящее местечко для наблюдения. Из отрывочных реплик и возмущенных криков он вывел

— объяснение происходящему: только что здесь обыскивали караван, принадлежащий гномской общине, и среди вполне законных и разрешенных к вывозу товаров обнаружилась масса вещей, похищенных за минувшую луну и до сих пор не найденных.

Старшина каравана — разумеется, гном, с черной бородой и крикливой золотой цепью на шее — не смог дать стражникам вразумительных объяснений по поводу столь внезапно найденного краденого добра.

Гном, клану которого принадлежали задержанные повозки, улизнул, не пожелав беседовать ни со своими сородичами, ни с представителями людских властей. Его родственников и, видимо, сообщников задержали. Прибыл местный верховный страж закона, немедленно засыпав подчиненных распоряжениями — кое-какие из них звучали вполне толково.

После некоторого замешательства наконец приняли решение: наложить арест на часть фургонов и гномов, подозреваемых в грабежах, остальным карликам вернуться в свой квартал и известить тамошних старейшин о случившемся.

Три фургона, окруженных плотным кольцом стражников и зевак, закрипели прочь от ворот, к центру города. Ловец, подумав, решил направиться за ними и заодно разузнать, каковы городские нравы.

Он надвинул капюшон поглубже: пусть принимают за обычного пилигрима или бродягу — нагнулся стряхнуть с плаща осевшую за время

пути через степь желтоватую пыль... и замер в этой несколько нелепой позе.

Мимо него прорысил вороной конь в роскошной золотой сбруе, уносивший на спине всадника, весьма смахивавшего на благородного зингарского гранда. Всадника в широком, разлетающемся плаще — сверху черном, снизу алом.

— Ага,— невозмутимо произнес Ловец. Голос у него оказался низким и каким-то надсаженным, словно глотку забило шершавыми песчинками.— Вот кто к нам пожаловал.

Он выпрямился, перехватил посох поудобнее, и зашагал вслед за укатившими повозками и всадником на вороном жеребце. Теперь у него имелась подходящая добыча для выслеживания, хотя он немного опасался — как поступит всадник, если заметит его? Всадник, которого близкие знакомые предпочитают называть Забиякой, и Господин — не слишком большие друзья, но и не враги.

Впрочем, Забияка считает врагом любого, кто рискнет возразить ему хоть полусловом, и не слишком уважает чужих слуг.

Фургоны пропетляли по шумным улицам Шадизара, закончив свое путешествие возле внушительного вида сооружения, чей архитектор явно вдохновлялся не лучшими образчиками общественных зданий Немедии — множество внушительных колонн, скульптур, фриз, барельефов и обрамленных резьбой широких окон. К сожалению, шедевр зодчества пребывал в довольно запущенном состоянии: облупленные сте-

ны, украшенные непритязательными надписями, расставшиеся с руками и носами аллегорические фигуры и наполовину обвалившийся широкий фриз, опоясывающий здание по периметру.

Процессия, обогнув каменного монстра, юркнула в расположенные сзади ворота. Охранявшая их стража производила довольно устрашающее впечатление.

Пожалуй, это были первые встреченные Ловцом в Шадизаре охранники, которые не разгильдяйски относились к своим обязанностям. Впустив повозки, они сразу же захлопнули створки, оставив снаружи любопытствующих зрителей и скривившегося от досады Забияку.

— Ага,— повторил державшийся в отдалении человек — не то нищий, не то странствующий проповедник. Он никогда не отличался многословием — ни при жизни, ни теперь. Зато умел замечать любые мелочи и, расположив их в надлежащем порядке, сделать далеко идущие выводы. Утверждали, будто Ловец способен проследить за каплей воды, вытекшей из родника в верховьях Хорота, до ее слияния с водами Закатного Океана, попутно успев раскрыть пару заговоров и перевести зашифрованную рукопись, написанную на одном из забытых диалектов стигийских городов-государств. Ловец не возражал.

* * *

Он следовал за Забиякой, подобно ожившей тени, а всадник на вороном коне отнюдь не собирался облегчать ему задачу. Мысленно Ловец

порадовался тому, что не испытывает усталости, голода, жажды и жары.

Он терпеливо дожидался, пока Забияка посетит очередную таверну и закончит там свои переговоры. Ждал, пока зингарец расспросит каких-то подозрительных личностей, скармливая им за каждое полезное сведение медные и серебряные монетки.

Дольше всего пришлось ждать, когда Забияка исчез за дверями роскошного заведения под названием "Алмазный водопад".

Ловец слегка встревожился — не замечен ли соглядатай и не улил ли поднадзорный через черный ход. Однако Забияка появился на пороге, вскочил на своего черного зверя и помчался дальше.

Как обычно, он не замечал иных прохожих и проезжих, и за ним оставался длинный след из перевернутых корзин, сбитых с ног горожан и несущихся в спину проклятий.

Забияка что-то разыскивал. Что-то или кого-то. Плел свою паутину, разбрасывал деньги, задавал вопросы, шел от одного человека к другому. Ловец неспешно плелся за ним, ни с кем не заговаривая, только всматриваясь и вслушиваясь.

К вечеру вороной жеребец доставил своего хозяина к воротам ничем не примечательного городского дома — в меру зажиточного, в меру охраняемого. Тут Забияку довольно долго продержали под дверями (Ловец ожидал небольшого скандала, но зингарец сумел обуздать свою

вечную вспыльчивость) и только затем пригласили внутрь.

Ловец до темноты прогуливался вокруг дома, однако добыча пропала. Видимо, Забияку пригласили остаться переночевать, а может, согласно местным традициям, прирезали во время зашедшего слишком далеко спора (прирезали? Ха! Любой, даже косо посмотревший на Забияку, мигом очутится за пределами мира живых!) Ловец выбрал себе местечко под забором поуютнее, уселся и превратился в одного из городских нищих, ночующих на улице.

Сна ему не требовалось, он просто хотел дожидаться утра и посмотреть, каких успехов достигнет Забияка.

Он обдумал мысль о том, не перебраться ли через забор дома и не попытаться ли подслушать, о чем будут вестись разговоры. Пожалуй, не стоит.

Может подняться шум и его наверняка учуют животные. Звери его терпеть не могли — ни домашние, ни дикие. Старались напасть или начинали истошно голосить. Их маленький умишко не вмещал представления о том, как мертвое может выдавать себя за живое. Ловец не испытывал за это к животным особой неприязни — такими уж они явились на свет. Иное дело, что мелкие существа — мыши, крысы, голуби, вороны, хорьки и прочие — не выдерживали даже соседства с ним. Попытки узнать природу этого свойства и избавиться от него пока оставались без результата.

К рассвету он привычно обнаружил неподалеку от себя с десяток трупиков взъерошенных воробьев и дохлого тощего котенка. Подобрал их и выкинул в ближайшую мусорную яму.

Мимо проходили люди — они увлеченно рассуждали о будущих казнях, которые совершались сегодня на одной из городских площадей. Ловец сидел неподвижной горкой грязного тряпья, выжидая, и его терпение вознаградилось: Забияка выехал из ворот в сопровождении нескольких человек и отправился вниз по улице. Судя по поддобирастному поведению его спутников, зингарец уже успел завоевать себе определенный авторитет — своим нравом или деньгами.

Ловец задумчиво покивал укрытой капюшонной головой, поправил скрывавшую лицо повязку и решил, что Забияку можно пока оставить в покое. У него своих забот хватает.

* * *

Этим днем многим торговцам редкостями, особенно старинными рукописями и свитками, нанес визит человек в толстом коричневом плаще, таскавший с собой массивный дубовый посох.

Незнакомец тщательно прятал лицо — то ли болел чем, то ли старался остаться неузнанным — щедро платил за ответы на свои вопросы, задаваемые хрипловатым, надтреснутым голосом, и, как заметили некоторые лавочники, от него пахло. Не сказать, чтобы неприятно — эдакий

аромат чуть подвявшей корицы или слезавшейся кожи.

К вечеру Ловец понял, что на него взвалили почти невыполнимую задачу.

Это придавало заданию дополнительный, азартный интерес.

Еще он узнал несколько имен людей, к которым можно обратиться для ускорения поисков, однако ему посоветовали помнить в общении с этими людьми об осторожности и том, что обман здесь почитается за правило, а не за исключение.

В числе прочих ему называли неких молодых людей — Хисса и его напарницу-приятельницу Кэрли. Говоривший заверял, что парочка, само собой, жуликоватая, но упорная и, если им как следует заплатить...

Хисс и Кэрли, как выяснил Ловец, жили где-то в квартале Нарикано и частенько посещали таверну "Цветок папируса", что находится неподалеку от самых больших книжных лавок Сахилы. Там они заключали договоры и обмывали удачные сделки.

Ловец отправился в торговый квартал Сахиль, и, проплутав по лабиринту переулков, отыскал нужный трактир. Хозяин подтвердил, что названные молодые люди сюда заходят, а последний раз наведывались дня три или четыре тому. Значит, скоро объявятся — тут для них оставлены кой-какие послания и плата за выполненную работу.

В "Цветке папируса" комнат не сдавали, однако Ловец убедил хозяина сделать исключение и

разрешить ему поселиться в пристройке, где обычно хранились старые вещи и хозяйственное барахло. Убеждению весьма способствовали вынырнувшие из лохмотьев бродяги сверкающие кружочки.

Заполучив крышу над головой, Ловец решил, что пора браться за дело всерьез.

Глава 9. Воскрешения из мертвых

Воловья площадь, что лежит у стен городской тюрьмы Алронг, единодушно затаила дыхание ровно на десяток ударов сердца, чтобы потом столь же дружно и шумно выдохнуть. Стоявшие позади толкали соседей впереди, жадно выпрашивая, почему бойко катившаяся на накатанной дороге церемония публичного воздаяния за несправедливые делишки прервана на самом захватывающем месте?

Ши зажмурился, когда топор палача начал опускаться, и приготовился услышать обычный сухой треск переламываемой человеческой кости и непременно следующий за этим вопль. Впрочем, с Малыша станется промолчать. Сила воли у него, видите ли. Железная выдержка, самообладание и прочие сомнительные достоинства варварского происхождения.

Лезвие с глухим стуком вонзилось в дерево, на расстоянии толщины кинжала справа от руки приговоренного. Палач и жертва с равным недо-

умением усталились сначала на глубоко увязнувший в Трухлявом Пне кусок железа, затем друг на друга.

Экзекутор, Салдус по прозвищу Плешивец, исполнявший эту малопочтенную, но доходную обязанность полтора десятка лет и промахивавшийся только в давние времена зеленого ученичества, недоверчиво дотронулся до гладкой рукоятки топора.

Вне всякого сомнения, это оружие принадлежало ему, и он сам только что нанес удар — обыкновенный, заурядный, не первый и не последний за этот день. Ворюга должен был лишиться кисти и освободить место для следующего наказуемого...

— Случайность! — рявкнул Рекифес, когда госпожа Клелия подарила ему более чем выразительный взгляд. — Руби, демон тебя возьми!

На этот раз Ши не стал зажмуриваться, но ощутил, как где-то между шестым и седьмым ребрами зарождается комок безудержного смеха. Клелия не спятила и не обманула. Неважно, как это у нее получалось, главное — получалось!

Топор с размаху воткнулся слева от вытянутой поперек колоды жилистой мальчишеской руки, казавшейся издали очень тонкой. Салдус взмок под своей маской — мешком из черной дерюги. В рядах зевак неуверенно захихикали. Рекифес побагровел и зверем устался на прекрасную Кассиану. Та невинно улыбнулась и с видом полной покорности решениям судьбы пожала плечами.

Стоявший неподалеку от Компании старичок укоризненно покачал головой, однако ничего не сказал.

Темное облачко, на миг закрывшее солнце, заметили немногие — настолько всех увлекло действие на помосте у Трухлявого Пня. Однако привыкший замечать любые перемены Райгарх на миг оторвал взгляд от каменного возвышения, уделив капельку внимания небу, и в очередной раз проклял мир и его порождения.

Высоко над площадью болтался старый знакомый — Зубастый Пузырь. Существо изрядно подросло и приближалось размерами к крупной собаке, обзавелось дополнительными плесневелыми выступами, заменявшими ему глаза, и чем-то, отдаленно смахивающим на рыбий хвост, что совершенно не добавляло ему привлекательности. Буро-зеленоватый шар покачивался в горячем воздухе, с интересом рассматривая заповолившее площадь людское сборище и наверняка выбирая подходящую добычу для очередной закуски. Пока слухов о том, чтобы диковинное создание нападало на человека, не появлялось, но кто знает, какая идея способна осенить эту тварь?

Райгарх пронзительно свистнул. Предмет, то ли признав знакомый звук, то ли из любопытства провернулся раза два вокруг себя, высматривая, откуда доносится звучание и вскоре точно определив его источник. Асир молча погрозил витающему над головой созданию кулаком.

Поняв намек, Пузырь издал сердитый треск, усиленно замахав хвостом и, покачиваясь, поплыл в сторону домов. Вышибала облегченно перевел дух — только вмешательства пузатого демона сейчас не доставало. Пусть катится по своим делам, дайте срок — дойдет очередь и до него.

Пузырь устроился возле здания казарм стражи и начал сноровисто объедать черепицу.

...Неколебимая уверенность господина верховного дознавателя внезапно покрылась большими и глубокими трещинами. Если распроклятый Плешивец промахнется в третий раз, и без того возбужденная толпа взбесится. Один из непреложных законов города: коли веревка не выдержит повешенного, или трижды пойдет мимо топор палача, или заест металлический ошейник-удавку — значит, богам не угодна смерть приговоренного.

Рекифес не собирался допускать ничего подобного. Мальчишка получит причитающееся, назло этой расфуфыренной офирской вертихвостке, с ее сладкими улыбочками, телохранителями и шелками!

Рекифес пнул в брюхо заволновавшуюся кобылу и приблизился к самому краю помоста.

— Салдус,— негромко, но угрожающе окликнул он.— Салдус, что ты творишь, скотина? Нализался?

— Никак нет, ваша милость! — глазки палача преданно таращились на господина дознавателя. Смысл в этих глазках напрочь отсутствовал,

но вином вроде не пахло.— Как можно! Счас я этого подлеца разделаю, не хуже, чем поросенка к обеду! Не извольте беспокоиться!

— Маленькое, но досадное упущение,— еле слышно прошептала госпожа Клелия, как бы невзначай крутанув сиявшее на указательном пальце правой руки золотое кольцо с крохотными сапфирами и жемчужинами.— Пожалуй, крохотный штрих добавит выразительности.

Тяжеленный топор с грохотом отсек край дубовой колоды и вонзился в доски настила. Плешивец нетвердо качнулся на ногах, взмахнул руками, налетев на своего помощника и едва не столкнув того с помоста.

Рекифес похолодел и втянул носом воздух.

От Плешивца несло, как от разгромленной винной лавки.

Палач неуклюже сдернул с головы — облысевшей, как совершенно верно гласило его прозвище — черный колпак с прорезями для глаз и разразился дребезжащим, похожим на треск ломаемой жести, хихиканьем. Двое подручных шарахнулись от него, словно от прокаженного, и испуганно уставились на Рекифеса, ожидая приказаний.

Смешки в толпе усилились. В воздухе очертило дугу гнилое яблоко, разбившись рядом с колодой. Плешивец с преувеличенным тщанием попытался его поднять и грузно шлепнулся на корточки.

Позабывтый всеми мальчишка-варвар медленно убрал руку с поверхности Гнилого Пня и ог-

ляделся. В его прищуренные глаза, только что напоминавшие холодные льдинки, возвращалась природная сообразительность, немедля давшая полезный совет: "Неважно, что стряслось, узнаешь потом. Беги! Доберись до края и спрыгни вниз".

— Мое воспитание, — с гордостью заметил Райгарх, увидев, как Малыш очень осторожно, не вставая с колен, перемещается к срезу помоста. — Ребятки, хватит ловить мух. Пошли, заберем парнишку, пока никто не очухался, и испаремся.

Клелия, с гордостью обзрев дело рук своих, торжествуя улыbnулась. К сожалению, именно в этот момент исходивший яростью Рекифес узрел, как приговоренный пытается улизнуть с места казни и почти добился задуманного.

— Держите его! — взвыл господин дознаватель. — Эй, кто-нибудь!

Помощники окривевшего Плешивца, от души наслаждавшегося состоянием внезапно налетевшего опьянения, сорвались с места, загребли предприимчивую жертву и поволокли обратно. Мальчишка внезапно выгнулся, заехал одному из удерживавших его людей ногой под дых и попытался отделаться от второго. На помощь опешившим подручным Салдуса пришли гвардейцы из тюремной стражи, и вскоре нарушенная Плешивцем благостная картина восстановилась. Только теперь мальчишку на колоде пришлось удерживать троим — он отбивался и рычал, словно пойманное сетью животное.

Госпожа Кассиана, уверенная в том, что представление окончено, не успела ничего предпринять.

Топор перешел к помощнику экзекутора, державшему оружие так, будто оно угрожало вырваться и удрать.

— Бей! — взбешенно прошипел Рекифес. — Бей, если не хочешь остаток жизни выносить помойные ведра в Алронге!

— Зако-он!..

Обычно голос Ши Шелама ничем не отличался от голосов тысяч обычных людей, но обладал полезной способностью в тревожные моменты в точности уподобляться чему-то среднему между надрывным ревом боевой аквилонской трубы, воем взбесившейся собаки и истошным кличем одержимого похотью осла.

Сегодня настал именно такой день, но Ши потом так и не смог вспомнить, в какой миг его посетила мысль сослаться на Закон Шадизара. Идея оказалась верной и, уподобясь стреле, вошла точно в центр мишени.

— Закон! — сообразительно завизжали рядом. Кажется, Джай. — Закон Трех Ударов!

Трясущийся то ли от страха, то ли от сознания важности момента подручный Плешивца вцепился в рукоятку топора, с усилием вытащил его из щели между досками и озадаченно покосился на Рекифеса.

Воспитанник палача знал городские традиции не хуже любого иного обывателя. Три удара, не затронувших приговоренного — это знак богов,

помилование, окончательное и бесповоротное. Закон Трех Ударов не записан на пергаменте, не внесен в официальные своды, однако не оспаривается судьями и жрецами. Он просто выполняется, и горе тому, кто попыбует его нарушить. Подручному Салдуса, мечтавшему занять когда-нибудь место наставника, совершенно не хотелось стать первым, кто попытался не подчиниться обычаям.

Вопли и требования соблюдения Закона крепили, разбегаясь по Воловьей площади и вновь приливом ударяясь в начавшие ощутимо подрагивать помосты. Гнедая кобыла Рекифеса сделала свечку, едва не сбросив всадника.

Клелия предусмотрительно юркнула обратно в паланкин, где сидела чуточку испуганная и восхищенная разворачивающимся зрелищем Лиа.

— Ты рубить будешь или нет? — это вдруг заговорил приговоренный, прекративший барахтаться и свирепо уставившийся на своего неудачливого палача. Конану в самом деле надоела эта кутерьма, и на смену полнейшему отсутствию чувств пришло растущее раздражение. Казнить — так казнить, а морочить голову зачем?

От неожиданности начинающий экзекутор неуклюже махнул топором, целясь неизвестно куда. Стражники, удерживавшие мальчишку, отпрянули, опасаясь получить отточенным лезвием по рукам.

Оружие блеснуло на солнце, бессильно ткнулось в колоду и, не зацепившись, упало. Плещи-

«вещ громко и оскорбительно заржал, все-таки свалившись с края возвышения и приземлившись прямо под ноги Рекифесовой лошади. Там он уселся по-жабьи и захныкал, причитая: «Пятнадцать годочков тружусь... Как есть пятнадцать... Самому Гарпалу Божьей Каре голову рубил... С одного замаха... И этого, как его... Нейда Ястребка холостил — чик, и готово!.. А теперь что? Что, я вас спрашиваю?..»

Подросток-варвар озадаченно уставился на свою кисть. Возле запястья появилась набухающая кровью длинная неглубокая царапина. Он по привычке слизнул выступившие капли языком и мимолетно задумался — сколько еще ему предстоит тут околачиваться? Может, наказание уже считается законченным?

* * *

Площадь выла, голосила, кидалась в стражников булыжниками и тухлыми фруктами, поминала Закон, проклинала, требовала, клекотала и добилась-таки своего.

— Сгинь,— сквозь зубы выдавил Рекифес, здраво рассудив, что искушать судьбу дальше просто опасно.— Сгинь немедленно! Чтоб глаза мои больше тебя никогда в жизни не видели! Ну!

Второй раз повторять не пришлось. Мальчишка задержался только на мгновение, чтобы пристально взглянуть на верховного дознавателя славного и шумного города Шадизара. Взглянуть так, что Рекифеса прошиб мороз — ушедший от

расплаты воруяга словно старался запомнить каждую черточку, каждую приметку дознавателя. Запомнить, само собой, не для того, чтобы испытывать надлежащую благодарность.

Спустя еще один удар сердца подросток, чье-го имени или прозвища Рекифес так и не запомнил, растворился среди орущей толпы, с готовностью принявшей его в себя.

— Прекратить экзекуции! — распорядился дознаватель, с трудом удерживая гарцевавшую на крохотном пяточке свободного пространства кобылу и обращаясь к стражникам. — Всех, кого не успели наказать — запихайте обратно в Ал-ронг! Толпу разогнать! Быстро, быстро, пока не началось бунта или еще чего!

Он попытался разглядеть паланкин госпожи Кассианы, по чьей милости началась эта свистопляска, но офирская графиня со своими цепными псами благоразумно исчезла.

Остался только сидевший на утоптанной земле Плешивец, горестно раскачивавшийся из стороны в сторону и подвывавший.

— А ты можешь катиться куда угодно! — мстительно сообщил бывшему палачу Рекифес и стегнул лошадь поводьями, торопясь убраться с Воловьев площади, грозившей вот-вот превратиться в закипающий котел.

Носилки госпожи Клелии благополучно избежали возможных бедствий и направлялись к выходу с площади. Правда, в толкучке Рейф упустил из виду Ши и его спутников — прихва-

тив чудом избежавшего близкого знакомства с правосудием Малыша, компания буквально растворилась в воздухе.

Рейф мысленно выругал себя за допущенную ошибку, велел погонщику мулов придержать животных, пропуская устремляющуюся мимо группку решительно настроенных типов, подогретых как нынешним зрелищем, так и содержимым гулявшего по рукам бурдюка... и тут рядом с носилками возник благостного вида старичок. Вроде не попрошайка, но и не зажиточный горожанин.

Так, мелкий лавочник, отошедший от дел, неугомонный сплетник из числа тех, что знают все о всех и вечно лезут не в свои дела.

Завидев его, Клелия попыталась рывком задержать полуоткрытые занавески, но достигла того, что оборвала часть кожаных полотнищ с колец.

Рейф изумленно приподнял бровь — его решительная хозяйка выглядела если не откровенно напуганной, то старательно скрывающей таковое чувство. Он указал на старика и вопросительно наклонил голову: "Прогнать?"

"Нет", — жестом ответила госпожа Кассиана и с плохо скрываемой неприязнью взглянула на безобидного старого сморчка.

— Дражайшая госпожа! — обрадованно закудахтал тот. — По-прежнему прекрасна, добродетельна и полна стремления заступиться за невинного! А позвольте узнать, неужто сей прогнанный насквозь городок добился звания само-

го посещаемого местечка? Теперь модно проводить лето не на Полуденном Побережье?

— Почтеннейший и умудреннейший годами месьюр Эпиналь! — Клелия сумела взять себя в руки, и теперь ее голос по скрытой язвительности ничем не уступал фальцету старичка. — О, сколь радостно встретить в этом убогом местечке человека, который всегда славился своим пристрастием к...

Лиа не удержалась и фыркнула: слишком непривычно выглядела госпожа Клелия, изысканная в напыщенном стиле куртуазных представлений. Кассиана и старикан, поименованный аквилонским имечком Эпиналь, наградили ее одинаково неодобрительными взглядами. Струнувшая Лиа поспешно укрылась под шалью, сделав вид, будто ее здесь нет.

— Чем обязана? — сердито осведомилась госпожа Клелия, переходя на обычный человеческий язык. — Опять выслеживаешь и вынюхиваешь?

— Напраслину изволите возводить, моя красавица, — ничуть не обидевшись, проскрипел Эпиналь. — Мне ж немного надо на старости лет, всего лишь засвидетельствовать свое безмерное почтение вашей несравненной особе... Куда нам, старикам, угнаться за молодыми, хе-хе...

— Короче! — тоном прожженной мегеры потребовала Клелия.

— Мальчика зачем вытащила? — словно обвинитель в суде, жестко спросил Эпиналь. Госпожа Кассиана надменно вздернула голову и не отве-

тила. — Опять за свое? Сколько раз говорили-переговаривали: пусть судьба решает!

— Чихала я на судьбу и ваши приказы, — отчетливо и зло произнесла женщина.

— Ладно, — похоже, Эпиналь ожидал именно такого ответа. Он немного потоптался возле носилок и уже спокойнее попросил:

— По старой памяти, не откажи в ответе — не знаешь, почему этим летом всех сюда потянуло?

— Всех — это кого? — настороженно, но миролюбиво уточнила Клелия.

— Лично я видел Забияку и его вечную содержанку, — с оттенком презрения сообщил Эпиналь. Кассиана недоуменно сдвинула тонкие брови. — Обманщика не считаю, теперь вот ты... И, как мне показалось, однажды мимо меня на улице мелькнул Ловец. Впрочем, я мог обознасться — глаза уже не те, что раньше...

— Не прибедняйся, — Клелия в задумчивости переплела пальцы. — Странно... В самом деле невероятно странно. Если все сказанное — правда, благодарю.

— Сама-то что тут поделяваешь? — вклинился в ее раздумья бодрый старикан.

— Проникаюсь глубиной падения здешних нравов, — невесело отшутилась женщина. Поразмыслила и нехотя уточнила: — В основном — на постоялом дворе "Рубиновая лоза".

— Ага, — понимающе кивнул Эпиналь и потихоньку попятился. — Я запомню, — он ухмыльнулся, став похожим на дружелюбную старую

черепашу, и негромко сказал: — Ты, ежели увидишь... Сама знаешь, кого... передавай ему от меня привет. Скажи — я не сержусь. В конце концов, он такой, какой есть, а я, признаться, тогда погорячился. Скажешь? А то нехорошо как-то получается...

Клелия снисходительно дернула углом тщательно подкрашенных губ и кивнула Рейфу, приказывая двигаться вперед. Мулы застучали высокими копытцами, паланкин, раскачиваясь, как лодка на слабой зыби, поплыл к выходу с быстро пустеющей площади.

Старый Эпиналь смотрел на удаляющиеся носилки со смешанным выражением — точно ему хотелось их догнать и сказать нечто важное. Он даже сделал один крохотный шаг, но упрямо тряхнул редкой бороденкой и заковылял в противоположном направлении.

Плешивец Салдус сидел на прежнем месте, страдая от нахлынувшего похмелья и осознания того, что он изгнан с должности при самых наименее позорнейших для репутации обстоятельствах.

Эпиналь сочувственно посмотрел на него, вздохнул и постучал бывшего запячленных дел мастера по спине:

— Плохи дела, дружок?

— Угу, — всхлипнул Салдус, раздираемый жестоким приступом жалости к самому себе.

— Все пропало, все потеряно? — продолжил старик. Ответное "угу" утонуло в малоразборчивых причитаниях. — Ну, коли все пропало, чего ж тут сидеть? Пойдем-ка мы с тобой, прогуляем-

ся по славному городку, авось, отыщем чего полезного...

— Угу, — более обрадованно откликнулся Плешивец, тщетно стараясь встать. С помощью Эпиналя ему удалось совершить сей подвиг, и, поддерживаемый говорливым стариком, рассчитанный палач побрел неведомо куда.

* * *

Возле начала улицы паланкин Клелии снова задержался — теперь возле него объявился Ши, словно из-под земли выскочил. Воришка ухмылялся от уха до уха.

— Остальные все давно убежали, — весело доложил он. — А нас оставили дожидаться вашей светлости.

— Я вижу только тебя, — Клелия невольно улыбнулась. Вместо ответа Ши ткнул большим пальцем за спину. Из совершенно неприметной выемки в стене дома возник Хисс.

— Только к нам нельзя с таким эскортом, — вежливо сказал он. Рейф грозно фыркнул и многозначительно постучал пальцами по луке седла, однако смутить мошенника не удалось. — Между нами заключен договор, значит вы — наша гостья. Если хотите, возьмите с собой одного-двух человек, но являться с целой армией...

— Хотя бы доехать до соседней улицы можно? — нарочито жалобным голосом поинтересовалась Клелия. — Обещаю, потом пойду пешком!

Ши и Хисс переглянулись.

— Ладно, — быстро согласился Ши.

Маленький кортеж загромыхал по пыльным улицам, наполненными обрывками слухов о действе на Воловьевой площади. Как водится, сплетни обрастали ворохом неправдоподобнейших, но весьма живописных и будоражащих воображение подробностей. К вечеру описание событий возле Алронга приобретет вид новосложенной легенды, а через год превратится в городское сказание.

У Старой Лестницы мулы остановились.

— Подняться вверх, оттуда рукой подать, — обнадеживающе сказал Ши. — Вы не бойтесь, мы вообще-то люди мирные, зря никого не убиваем...

— Ши, — укоризненно перебил приятеля Хисс. — Кончай молотить языком о зубы.

Воришка обиженно замолчал — на целых двадцать ударов сердца, пока Клелия выбиралась из паланкина и с явным интересом озиралась вокруг, изучая глинобитные и саманные домики за глухими заборами, пожухшие от яростного солнца деревья в крошечных садиках, и пересохшие канавки вдоль утоптанной мостовой.

— Госпожа! — отчаянно воззвала Лиа, высовываясь из-за кожаных занавесок. — А как же я? Пожалуйста, пожалуйста, возьмите меня с собой!

— Да что тебе там делать? — Клелия слегка оторопела, удивленно глядя на служанку.

— Я... я хочу посмотреть... — пролепетала окончательно смутившаяся Лиа.

— Не было печали, — вполголоса буркнул Рейф. — Госпожа, доставить ее домой, а потом вернуться за вами?

— Нет, — рассудила Клелия и обернулась к Хиссу и Ши, с нескрываемым удовольствием наблюдавшим за маленькой сценкой. — Месьоры грабители, вы возьмете на себя труд присмотреть за этой не в меру любознательной особой?

— Разумеется, — первым ответил Хисс. Ши украдкой ухмыльнулся, когда рыжий мошенник с несвойственной ему галантностью помог девушке покинуть носилки, и решил, что об этом нужно непременно рассказать Кэрли. Будет забавно глянуть, как она воспримет такие новости о своем дружке.

Трое мужчин и две женщины начали подъем по скрипучим ступенькам Старой лестницы. Паланкин и трое его сопровождающих двинулись вниз по улице, разыскивая подходящий кабачок, дабы скоротать там время в ожидании возвращения хозяйки.

* * *

— Мне очень жаль, но сегодня я не смогу никого принять. Пусть идут к Алиталии, она тоже неплохо гадает. Лорна, правда, мне даже говорить трудно...

— Вообще-то я не Лорна и пришла не за предсказанием.

Услышав незнакомый голос, Феруза растерянно обернулась. За сегодняшнее утро она успела несколько раз заглянуть в глубину бездонного провала под названием Отчаяние — когда ей казалось, что слова лекаря Шанталя сбылись и Аластор перестал дышать, поплакала над тяж-

кой судьбой Малыша, потом над своей собственной, а теперь время от времени дергала себя за локон, чтобы заставить уплывающее сознание вернуться и снова повторять одни и те же незамысловатые действия. Взять быстро теряющую в духоте влагу тряпку, намочить ее в ведре с тающими кусочками льда, разложить на иссохшем до пергаментной тонкости лбу человека, кажущегося мертвым, наклониться, взять из стопки новый лоскут, намочить...

Феруза догадывалась, что толку от ее трудов — чуть, но надеялась, что там, за закрытыми дверями своего сознания, Аластор чувствует ее присутствие.

Стоявшая в дверях женщина выглядела так, как, по мнению туранки, должны выглядеть очень богатые дамы с Заката. Взгляд ее выражал положенное в данной ситуации сочувствие и, что мимолетно поразило Ферузу, оно представлялось неподдельным.

— Это госпожа Клелия Кассиана, — в комнату сунулся Джай. — Она хочет повидать Аластора.

— Вот он, — Феруза спокойно указала на неподвижно лежащего на постели человека, накрытого мокрой простыней. — Только вряд ли он сможет поддерживать разговор.

— Это неважно, — мягко сказала Клелия. — Я приехала издалека, дабы повидать своего давнего друга, и я это сделаю, — она вошла в комнату, встав за спиной гадалки. — Феруза ат'Джебеларик, так тебя зовут? Могу я попросить тебя выйти? Ненадолго. Кстати, там вернулся один из

твоих друзей. Думаю, ты обрадуешься, увидев его.

— Кто? — не поняла Феруза и на всякий случай вцепилась в край постели. Эта женщина называла Аластора своим давним другом и хотела ее выгнать — других мыслей в уставшей и опустошенной голове предсказательницы не оставалось.

— Малыш, — шепотом пояснил Джай. — Он вернулся. Везучий, как не знаю кто...

— Малыш? — повторила туранка. Это прозвище заставило шевельнуться какие-то неприятные воспоминания.

— Он самый, — подтвердил вошедший Джейвар и мягко, но решительно заставил девушку встать. — Пойдем-ка со мной, в самом деле. Ты что-нибудь ела? Не волнуйся, ничего страшного без тебя не случится. С Альсом посидит госпожа Кассиана.

Уговорами и легкими подталкиваниями он вывел слабо сопротивлявшуюся Ферузу в коридор, где ее поджидала Лорна. Вернулся, вопросительно глянул на Клелию. Конечно, за офирку ручались Хисс и Ши Шелам, но слабо верится, чтобы такая женщина тратила время и деньги на поиск в Шадизаре давнего друга.

— Все будет хорошо, — пообещала золотоволосая красавица. — Идите. Спасибо, что помогли. Присмотрите за этой девочкой, Ферузой, ладно? Как только я закончу, я спущусь вниз.

Джай озадаченно поскреб в затылке, кивнул, не придумав, чего сказать, и вышел, плотно зат-

ворив за собой дверь. Странные нынче пошли времена... Как офирская графиня (если верить Ши) могла бы оказаться в таком месте, как "Уютная нора"? И что ей нужно от Аластора? Привела с собой мрачного громилу под стать Райгарху и какую-то вертихвостку, только и знающую, что строить глазки всем подряд.

Оставшись в одиночестве, Клелия прошла по комнате — три шага поперек, четыре вдоль. Выглянула в окно — внизу шелестел приличных размеров для здешнего удушающе-знойного лета ухоженный садик. Озадаченно посмотрела в сторону нужника — Клелии, в этой неприметной пристройке на дворе, что-то показалось крайне подозрительным и небезопасным. Боязливо потрогала висящий на стене эсток — длинное синеватое лезвие, сплетенная из кованых веток и листьев чашка гарды. Как ее угораздило очутиться в этом местечке? Обитатели "Норы" ей нравились, хотя она предпочла бы не иметь с ними близких отношений. Они, наверное, хорошие исполнители — сообразительные, предприимчивые и надежные. И эта девочка, новая подруга Аластора — очень даже ничего. Не только хорошенькая, но, похоже, умненькая. Он что, наконец-то обзавелся вкусом? Имечко себе какое подобрал — Дурной Глаз... Ему идет. Но как же он позволил проделать с собой такое? Какие призраки прошлого догнали его на сей раз?

Она неторопливо сняла с пальцев многочисленные перстни, сложив их блестящей горкой на

столе. Осторожно сняла накрывавшую человека простыню — чуть влажную, со следами крови, свернула ее и совершенно не по-женски присвистнула. Похоже, она успела на редкость вовремя.

День-два, и этот прирожденный авантюрист точно бы простился с жизнью — слишком далеко он ушел по темным дорогам, ведущим лишь в одну сторону.

Госпожа Клелия быстро пошевелила в воздухе пальцами, разминая их, грустно улыбнулась каким-то своим мыслям, и присела в изголовье кровати. Её узкие ладони плотно прижались к вискам Аластора, а лицо приобрело бесстрастно-отсутствующее выражение, став похожим на лик прекрасной древней статуи. Она сидела неподвижно, ничего, в общем-то, не делая, но находившаяся в общем зале Феруза вдруг вздрогнула и пристально посмотрела на потолок.

— Ты чего? — встревожилась Лорна.

— Ничего, — тихо отозвалась туранка. Она выглядела слегка ожившей, воспрявшей духом, и даже проявляла слабый интерес к красочному повествованию Ши о событиях на Воловьем площади. — Показалось. Что случилось дальше?

Наверху Клелия Кассиана на мгновение зажмурилась и рывком развела сложенные ковшиками ладони в сторону. Потом с некоторым усилием поднялась, пересела на место Ферузы — низкий раскладной стульчик — позаимствовала чистый лоскут, смочила водой и вытерла лицо. Она сделала, что могла.

Оставалось только ждать.

Спустя некоторое время — Ши Шелам как раз дошел до описания перепалки Рекифеса и госпожи Клелии — пепельно-серая кожа Аластора начала медленно приобретать свой обычный цвет. Чуть изогнутые на концах ресницы затрепетали, он вдруг судорожно закашлялся, по-прежнему не приходя в сознание.

Женщина сердито нахмурилась и вполголоса пробормотала:

— Да помоги же мне! Я не могу вытаскивать обратно в этот бранный мир того, кто не хочет жить! Руку! Дай мне руку, балбес!

Лежавшая бесчувственным сплетением костей, мышц и высохшей кожи рука взметнулась так неожиданно, что Клелия вначале отпрянула, и только затем поспешно вытянула навстречу свою кисть.

Ладони соприкоснулись, и, наблюдай за странным действием, похожим на забытый ритуал или обряд, посвященный неведомым богествам, кто-то еще, он бы наверняка заметил быструю теплую искорку, проскочившую между двух человеческих рук.

Золотой огонек мелькнул и пропал, Аластор глубоко вздохнул и открыл глаза — слегка затуманенные, как у человека, проснувшегося после хорошей гулянки и плохо соображающего, кто он и где находится. Покосился влево-вправо, узнавая знакомую обстановку. Наконец зацепился взглядом за Клелию, сидевшую с весьма неодобрительным видом, и озадаченно прищурился,

точно пытался вспомнить, кого видит перед собой.

— Кх... Клелия?

— Она самая, — сердито ответила госпожа Кассиана. — Кто еще помчится на край света узнавать, какие новые неприятности ты собрал на свою голову? Ответь-ка мне, только честно — ты нарочно калечишься, чтобы обратить на себя внимание? Кстати, мои поздравления: твоя новая симпатия очень мила и весьма озабочена твоим спасением. Не понимаю, зачем ей это нужно? Неужто во всем городе не нашлось более достойного человека?

— Клелия, будь добра, не язви. Без тебя плохо, — Аластор осторожно шевельнулся и взвыл. — Ой-е... Ну что ты сидишь и смотришь?! Издеваешься, да?

— Лежи тихо, — буркнула Клелия, однако под ее напускной строгостью проглянуло нечто иное, что связывает чопорную старшую сестру и непутевого младшего братца. — Не ерзай и потерпи. В конце концов, ты вполне можешь сам себе помочь. Я тебе не нянька, забыл?

— Ты мой лучший друг и самая большая беда моей жизни, — с легкой ехидцей отозвался Аластор. Прикрыл глаза, словно прислушиваясь к звучащим вдалеке голосам, встряхнулся, помотав спутанной шевелюрой, и облегченно пробормотал: — Как приятно быть живым... Эти маленькие мерзавцы ответят за каждое сломанное ребро, за каждый пинок и в особенности — за мое извалянное в грязи честолюбие...

— С кем повздорил на сей раз? — сдержанно полюбопытствовала Клелия. — До меня дошел слух, что ты вызвал неудовольствие в здешней общине гномов...

— Умхийд, — нехотя признался Аластор. Скрывая мимолетное замешательство, взломщик свесился с кровати, перебирая стоявшие на полу кувшины. К его величайшему огорчению, они оказались наполнены водой. Подхватив самый большой, он жадно начал пить, но подавился и раскашлялся, расплескивая жидкость с полурастаявшими кусочками льда.

— Ах, вот в чем дело, — нежнейшим голоском проворковала Клелия. — Ожерелье гномов! Удивительно, почему они тебя сразу не прикончили?

— Рассчитывали, что смогут узнать, куда я его запрятал, — буркнул Аластор. Госпожа Кассиана откровенно рассмеялась. — Не вижу ничего веселого! И, кстати, я здорово сомневаюсь в том, чтобы тебя привела сюда память о старой дружбе. Ты ничего не делаешь просто так, да, Клелия?

— Конечно, — построжав, ответила женщина. — Поэтому, прежде чем ты напьешься вусмерть, празднуя свое воскрешение из мертвых и возвращение вашего общего дружка...

— Какого дружка? — не понял Аластор.

— Сам узнаешь, — не позволила перебить ее Клелия. — Я приехала, чтобы задать кой-какие вопросы. И не пытайся увильнуть — ты мой должник и сам это понимаешь.

— Почему ты всегда оказываешься права? — уныло спросил взломщик, усаживаясь и обхватывая колени руками. — Так что стряслось?

— Меня обокрали, — траурным голосом произнесла госпожа Кассиана. Аластор восторженно хрюкнул и взглядом потребовал продолжения. — Хочешь полюбоваться, какую вещицу грабители оставили на память о себе?

Она запустила два пальца в висевшую на поясе сумочку из золотых нитей и брезгливо извлекла оттуда какой-то маленький, тускло блестящий предмет, швырнув его Аластору.

Взломщик поднял его, поднес к падающему из распахнутого окна потоку солнечных лучей — грубовато отлитое, серебряное изображение пяти ключей, висящих на одном кольце.

— Воровской талисман, — задумчиво проговорил он. — Три четверти жителей Шадизара таскают с собой подобные игрушки, веря, будто они проносят удачу.

— Без тебя знаю, что это такое! — огрызнулась Клелия. — Но я хотела бы понять, кто и каким образом умудрился проникнуть ко мне в сокровищницу!

— В какую именно? — иронично уточнил Аластор. — Если мне не изменяет память, у тебя по меньшей мере три замка, четыре загородных имения, с десятков домов по городам Офира и каждый из них просто нашпигован драгоценной чепухой, — он соорудил невинную физиономию и вкрадчиво произнес: — Не говоря о том хранилище ценностей, которое всегда с тобой...

— Сокровищницу,— очень тихо и внушительно повторила госпожа Кассиана, наклоняясь вперед.— Ты отлично догадываешься, о чем я говорю.

— Вот как? — Аластор сузил глаза и нехорошо справился: — Значит, ты решила, что это моя вина? Невысоко же твое мнение обо мне, Клелия Кассиана, графиня дия Лаурин! Или, чтобы пробиться сквозь стену недоверия и подозрений, мне назвать тебя настоящим именем? Как в старые добрые времена?

— Мнение невысоко потому, что я знаю тебя,— невозмутимо парировала женщина.— Знаю, что любая запертая дверь и любой хитроумный замок бросают тебе вызов. Знаю, что для тебя не имеет значения блеск похищенного и его цена, ибо ты полагаешь важнее всего те усилия, ту хитрость и те старания, которые придется приложить, дабы добиться своего. Ты тщеславный человек, Аластор, но не стяжатель. Просто ты стремишься быть лучшим. Я помню данную тобой клятву — похитить то, что мы почитаем самым ценным. Помню я — вскоре припомнят и другие. Они уже здесь. Старый Эпиналь в городе, Забияка... Правда, теперь у него новый облик — ни за что не узнаешь...

— Забияка? — ахнул Аластор.— Только его мне не хватало!

— Наверняка явятся и другие. Кто знает, может они пришли задать те же самые вопросы?

— Им я отвечу, как тебе,— Аластор надменно выпрямился, блеснув непроницаемо-черными

глазами,— это не моих рук дело. Но я догадываюсь, кто мог совершить подобное. И займусь ими, обещаю.

— Чего стоят твои обещания,— сварливо и одновременно ласково ответила Клелия.— Ладно, я верю или постараюсь поверить. Однако ты должен понять мою тревогу — пропало зеркало. То самое, мое любимое и лучше всего сделанное. Думаю, оно затерялось где-то в городе. Твои новые друзья не могли бы сделать одолжение и попытаться разыскать его?

— Хисс и Кэрли,— не задумываясь, сказал Аластор.— Дай им две сотни золотых, они отыщут тебе что угодно, если вещь осталась в Шадизаре. Или обратиться к Малышу — он хоть и производит впечатление первозданной наивности, совсем не глуп.

— Я знаю,— кивнула госпожа Кассиана.

— Откуда?

— Имела счастье познакомиться и убедиться,— женщина лукаво улыбнулась и поднялась.— Признаться, я рада, что отыскала тебя и поговорила. Между прочим, я живу в гостинице "Рубиновая лоза". Навести меня, если захочешь — поболтаем о прошлых деньках. Или тебя, как обычно, заботит только день сегодняшний, точнее, обитающая в этом дне некая рыженькая девица?

— Она заботит меня уже третью луну,— с коротким смешком признался Аластор.

— И как?

— Ты будешь смеяться, но пока никак...

— Старая история повторяется на новый лад,— Клелия подошла к дверям, обернулась и негромко, печально сказала: — Мы редко в этом признаемся, но нам так хочется, чтобы нас любили ради нас самих, правда? Я скажу этой девочке, что ты пропадаешь в одиночестве. Она наверняка пожелает развеять твою тоску. Будь с ней помягче — она того стоит.

Клелия вышла, махнув на прощание складками длинного белого с золотом одеяния. Аластор проводил ее взглядом, в котором в равной степени смешивались признательность, легкая грусть и восхищение, запустил пальцы в волосы и погрузился в непривычное для него состояние тягостных размышлений. Клелия принесла дурные новости. Она сама не догадывается, настолько дурные. Надо было подробнее расспросить, кого именно из их давнего сообщества заклятых друзей она встретила в городе и при каких обстоятельствах... Где это ее угораздило познакомиться с Малышом? Но самое главное — как ему самому удалось покинуть Чамган и возвратиться в "Нору"? Неужели его приятели добились невозможного?

* * *

Раздумья сидевшего на постели взломщика нарушил осторожный стук закрывающейся двери. Аластор поднял голову, обнаружив, что на него смотрит незнакомая женщина и слегка удивившись. Светло-рыжие локоны падали на алое, расшитое золотыми цветами платье из дорогого

туранского бархата. Эта особа выглядела в обшарпанной комнатухе столь же неуместно, как плакальщица на свадьбе.

— Она сказала... — заговорила незнакомка чуть дрожащим голосом Ферузы. Сбилась, растерянно замолчала, и Аластор, не без справедливости утверждавший, что способен найти общий язык с любой особой женского пола, вдруг понял — скажи он хоть слово, Феруза испугается и не скоро решится повторить свой поступок. Может быть, она не сделает этого шага никогда. Собравшись с духом, девушка несмело продолжила: — Что ты не умрешь и что... что нельзя бесконечно убегать от своей судьбы. И что тебе нравится красный цвет.

"Клелия! — негодующий мысленный вопль настиг золотоволосую величественную блондинку с неотвратимостью падающего на добычу охотничьего сокола.— Клелия, что за привычка вечно устраивать чужие судьбы? Мы сами разберемся!"

"Вы сами год будете вздыхать, ходя вокруг да около,— покровительственно усмехнулась про себя Клелия.— Будь умницей. Не разочаровывай девочку".

— Вот я и пришла,— растерянно закончила Феруза.

— Потому что Клелия сказала? — мягко спросил Аластор.

— Потому что сама захотела,— тихо, но решительно ответила туранка, глядя в пол.— Всегда полагала: как глупы девицы, которые приходили

ко мне и ревели в три ручья, утверждая — ой, без него жить не могу! Найди, верни! Когда ты пропал всего на три дня, мне стало страшно — вдруг я больше тебя не увижу?

— Я здесь...— Их разделяло всего три шага скрипучего пола, и пройти эти шаги оказалось легче легкого.— И больше никогда не стану исчезать без предупреждения.

— Станешь,— предсказательница отчаянно хлопнула носом.— За тобой всегда будут тянуться какие-то тайны, старые враги, новые враги, подозрительные знакомые, долги, темные делишки... Только это не имеет никакого значения.

— Не имеет,— на редкость покладисто согласился Аластор. Сейчас он бы с радостью согласился с чем угодно.

— А я целоваться не умею,— обезоруживающе призналась Феруза, наконец поднимая взгляд, и застенчиво хихикнула.— Знаешь, я сидела и думала — эта госпожа Клелия, она такая красивая, умная, знатная... Вдруг ты захочешь уйти с ней?

Снизу, из обеденной залы, донесся грохот, всплеск дружного хохота и залихватское бречанье струн виолы, немедля заглушенное разногласным ревом, в котором отчетливо выделялся хмельной рык Райгарха.

— Мы — я и Клелия — однажды попробовали жить вместе,— Аластор протянул руку, дотронулся до плеча девушки и очень медленно привлек ее к себе.— Ничего не вышло, поэтому мы решили остаться друзьями. Клелия добрей-

шая женщина с золотой душой, но, к сожалению, чрезмерно упрямая,— он наклонил голову, бережно притронувшись к полуоткрытым губам Ферузы. Они оказались такими, как он всегда представлял — теплыми, чуть влажными, с неповторимым привкусом диких яблок.

Опытная в сотне иных вещей, гадалка поначалу стояла неподвижно, принаравливаясь к новым впечатлениям, и не сразу начала отвечать — неуверенно, боясь самой себя. Понадобилась целая вечность, чтобы убедить девушку в том, что никто не заставляет ее делать того, чего ей не хочется, и другая — пока она отважилась на первое робкое объятие.

Впрочем, предсказательница оказалась способной ученицей, быстро уловив, насколько сладкими могут быть поцелуи и какими возбуждающими — прикосновения. Когда Аластор украдкой распустил крепко завязанные шнурки на спине ее платья, стягивая ворох шелестящей ткани вниз, Феруза тихонько рассмеялась и сама подтолкнула его к постели. Они упали, превратившись в неразборчиво шепчущее, постанывающее, тихо вскрикивающее существо, мечущееся на скомканных простынях, и, наконец, замершее перед последним броском — туда, в темную, зовущую бездну.

“И ты в очередной раз потерял голову,— в комнате давно сгустились сумерки, но Феруза не обращала на это внимания, а Аластор с рождения хорошо видел в темноте.— Причем, надо признать, всерьез и надолго. Она мне нужна.

Может, я совершаю очередную ошибку, но в конце-то концов! Неужели я не заслужил краткого отдыха от одиночества? Феруза, Феруза, что мы натворили..."

Он нежно провел ладонью по лицу вытянувшейся под ним девушки, убирая рассыпавшиеся густые пряди. В отличие от многих женщин, Феруза не закрывала глаз — слегка расширившиеся зрачки смотрели пристально, даже немного пугающе.

— Да,— беззвучно произнесла она, расслабляясь, и Аластор нетерпеливым рывком подался вперед, забывая обо всем, ибо в мире действительно ничто больше не имело значения. Ее руки на его плечах на миг сжались, он почувствовал впивающиеся ногти, услышал, как быстро и прерывисто она дышит, и прикусил губу, чтобы не закричать.

Время остановилось, вокруг заплескались ласковые, прозрачные волны Закатного Океана и увлекли их за собой.

Взгляд в настоящее: вечеринка

В общем зале таверны "Уютная нора" царил радующий душу и глаз разгром, означавший, что, несмотря на поздний час, постояльцам не хочется расходиться, а потому выискивается любой предлог, дабы продолжить веселье.

Госпожа Клелия уехала, забрав с собой неразлучного Рейфа (судя по мелькнувшему на его

бесстрастной физиономии разочарованному выражению, он бы предпочел остаться), но прежде переговорила с тремя людьми.

Вначале с Ферузой, после чего туранка поднялась наверх, а на ее осунувшемся лице блуждали недоверие пополам с безумной, отчаянной надеждой. Гадалка постояла возле дверей комнаты Аластора, прислушиваясь, стукнула кулачком по стене и вдруг едва ли не бегом умчалась в свое жилище. Оттуда она явилась в лучшем платье, какое у нее имелось, вошла к Альсу и заперла за собой дверь на засов.

Затем Клелия отозвала в сторону Малыша.

Этот разговор вышел кратким и деловым. Выслушав женщину, Конан молча кивнул, и на сем беседа завершилась. Очевидно, госпожа Касиана и Малыш заключили между собой некую сделку, а теперь обговорили ее условия, найдя их приемлемыми.

Третья беседа состоялась с Ши. Вернее, не беседа, а суший обмен любезностями. Ши вспомнил о брякнутом сторяча обещании и, скрепя сердце, принес Клелии памятную шкатулку, содержащую ее жемчужное ожерелье — порванное и ставшее усилиями Ферузы и Кэрли несколькими разрозненными нитями. Клелия заглянула в коробку, сокрушенно вздохнула и рассыпалась в столь учтивых благодарностях, что вогнала обычно невозмутимого Ши Шелама в краску. Воришка, разумеется, умолчал о том, что десяток жемчужин покрупнее как бы сами собой завалились в его карманы

Служанка Клелии, девица Лиа, после недолгого и яростного спора полушепотом выклянула разрешение пробыть в таверне до утра с непременными условиями: вести себя примерно, не делать глупостей и после рассвета явиться к госпоже, желательно в целом и приличном виде.

Лиа решила, что все жуткие слухи о Шадизаре чрезмерно преувеличены. За ней наперебой ухаживали, рассказывали забавные и слегка неприличные случаи из жизни города и его обитателей, подливали вина...

Необходимую остроту происходящему придавало то обстоятельство, что столь необычные, приятные и остроумные собеседники являлись самыми настоящими грабителями, ворами, убийцами и мошенниками, и даже не думали это скрывать.

Поначалу Лиа изрядно опасалась за свою честь и кошелек (за кошелек побольше), но время шло, а ничего страшного не происходило — обычная гулянка, правда, несколько шумнее и бесшабашнее, чем она привыкла.

Благородное общество, включая девицу из Мессантии, быстро нагрузилось до приятного состояния, когда разум удаляется вздремнуть, и принялось чудить.

Спорили, кто больше выпьет, кто сумеет, не оступившись, пройти по нарисованной на полу углем черте, кто попадет кинжалом в подвешенную на веревке дыню, на которой криво вырезали ухмыляющийся рот и глаза. Принесли Аласторову виолу, всучили ее Джаяу, как умеющему

обращаться со струнами, и дружно проорали с десяток любимых в Шадизаре песен — от чувствительных до непристойных. Кэрли вознамерилась станцевать на столе, поскользнулась в луже вина и упала прямо на ничуть не возражавшего Ши, быстро утащившего ее в уголок потемнее. Оттуда вскоре донеслись недвусмысленные повизгивания. Райгарх по-жеребачьи заржал и принялся давать советы, пока не получил от Лорны кружкой на лбу. К общему восторгу, тавернщица и вышибала подрались, используя в качестве оружия табуреты и подсвечники. В разгар сражения на них напал неудержимый смех, варварская парочка обнялась и рухнула там, где стояла.

— Ой, — неожиданно завопил Ши, спеша поделиться последними новостями. — сегодня никто к нужнику не наведывался?

Остальные насторожились, а Лорна в который раз подумала, что надо завтра же обязательно поручить Райгарху сжечь деревянную будку, ставшую слишком много себе позволять. Только прошлым утром окончательно свихнувшийся нужник попытался вломиться в трактир, но был изгнан совместными усилиями Райгарха и Лорны, после чего отправился на задний двор и начал втолковывать курицам и уткам, что Тьма и Свет суть двуединая общность и нет ничего прекраснее звезд, пылающих во мраке.

— Что еще теперь? — вздохнула Лорна.

— Он стал каменным! — радостно сообщил Ши. — Знаете, как... как маленькая часовня хра-

ма Митры! Черный мрамор с серебристыми блестками. Зато теперь ему ходить тяжело...

На Ши и его рассказ о новых превращениях нужника никто не обратил внимания, благо и тот, и другой надоели Компании хуже горькой редьки. Ши вновь принялся увлеченно тискать Кэрли.

Джай осуществил свой давний коварный замысел — напоил подопечного. Вопреки ожиданиям, Малыш не бросился гоняться с мечом за зелеными и розовыми демонами, а впал в крайне благодушное настроение и даже иногда смеялся над рассказываемыми Ши байками. Маленький воришка сегодня пребывал в ударе (особенно после благополучного завершения своих развлечений с Кэрли), сплетни и невероятные истории сыпались из него, как горох из порвавшегося мешка, хотя пил он наравне с остальными, если не больше.

Развеселившаяся и опьяневшая Лиа с легким удивлением обнаружила, что сидит у кого-то на коленях, причем увлеченно целуется с этим самым "кем-то", а его рука тем временем обретается у нее под юбкой, настойчиво поглаживая девушку между ног. Присмотревшись, Лиа не без удовольствия выяснила, что совращением занимается не кто иной, как Хисс по прозвищу Змеиный Язык. Она дотянулась до ближайшего кувшина, плеснув вина себе и своему новому приятелю, и, поерзав, уселась поудобнее. Двигавшаяся внизу ладонь мгновенно оценила предлагаемую возможность, пальцы надавили сильнее,

и Лиа остатками благоразумия поняла, что дальше так продолжаться не может. Потому она легонько укусила Хисса за ухо и невинным шепотом поинтересовалась:

— Как насчет слегка проветриться?

Хисс молча встал и потянул ее за собой к дверям. Ночь теплая, а кушетку в саду как раз недавно починили.

Их ухода никто не заметил, поскольку все увлеченно следили за тем, как Конан и Лорна тягаются на руках. Побеждала бритунийка. Ее сторонники от души вопили, молотя в такт кружками по столам. Лорна наконец звонко припечатала кисть противника к столешнице, мотнула белой гривой и расхохоталась, глядя на разочарованную физиономию Малыша, недоумевающего, как он мог уступить женщине.

— Брось, не горюй! Выпьется — забудется, прошло — не воротится!.. Джай, волоки бочонок, только, ради всех богов, не урони!

Покачивающийся Джай добрал до стойки, принес очередной, неведомо какой по счету, бочонок кисловатого туранского вина, и с размаху выбил клепку. Райгарх едва успел подставить кружку, чтобы розовая струйка не брызнула на пол,

— Ой,— Ши, дожидавшийся своей очереди, случайно оглянулся, толкнув вышибалу в плечо. Кружка передвинулась, вино полилось мимо. Асир собрался выругаться, но, рассеянно уставившись в направлении подрагивающего пальца Ши, передумал.

На лестнице, ведущей к жилым комнатам, стоял Аластор. С таким видом, наверное, короли взирают на собравшихся подданных или полководцы изучают поля будущих сражений, хотя вряд ли упомянутые короли и военачальники занимаются подобными делами, натянув только нижние штаны.

— Гони монеты,— заплетающимся языком потребовал Джай у Райгарха.— Бастион пал!

Аластор вызывающе тряхнул спутанными локонами, спокойно, ни на кого не глядя, преодолел десять ступенек, пнул оказавшийся на дороге табурет, и невозмутимо уселся на краю стола. Постепенно изрядно затуманенный рассудок общества осознал загадочное обстоятельство — это ж в самом деле Аластор, который сегодня утром собирался перебраться на вечный постой к Правителю Смерти!

Живой, вполне здоровый и явно добившийся полного успеха у своей подружки, ибо с какой радости ему строить такую непроницаемую физиономию?

— Вина,— Аластор величественным жестом протянул руку.

Лорна презрительно глянула на откупоренный бочонок туранского пойла и, нетвердо держась на ногах, принялась копать в стенном шкафу. Выудила глиняную бутыль, всю в пыли и паутине, достала подаваемую только богатым гостям серебряную чарку. Прицелилась и одним точным ударом о стойку отбила у бутылки горлышко, старательно перелила прозрачно-желто-

ватое вино в чарку. Общество наблюдало за этими нехитрыми действиями, затаив дыхание, ибо в них скрывалось нечто торжественное, смахивающее на жертвоприношение или сценку из лицеведского представления.

Таверница вложила холодный и тяжелый бокал в раскрытую ладонь Аластора. Взломщик опустошил его единственным глотком и потребовал:

— Виолу!

За инструментом сбегал Ши. Остальные ждали, предвкушая нечто захватывающее.

Получив требуемое, Аластор деловито подтянул фальшивившие струны и обвел притихшую Компанию взглядом странноватых, чуть косящих агатовых глаз, в самой глубине которых плескались яркие искорки сдерживаемого смеха.

— Время пить, время петь,— негромко произнес он, извлекая из виолы ясный, щемящий перезвон.— Знаете, постоянно забываю сказать — вы мне ужасно нравитесь. Не представляю, как бы я жил без вас? Итак, с чего начнем, ибо я собираюсь петь и пить до самого утра? Выполняются любые требования. Только не зарываться!

— Малыш, смотри и запоминай: настоящая женщина способна поднять мужчину даже из могилы,— глубокомысленно провозгласил Райгарх и вполголоса пробормотал: — Плакали мои десять золотых...

— Не будь скрягой,— Лорна снисходительно потрепала пегую шевелюру приятеля и мимолетно чмокнула его в щеку.

Поскольку никто не успел собраться с мыслями и назвать желаемую песню, Ши воспользовался моментом, нерешительно заявив:

— "Балладу о Повелителе Молний"!

Обычно такая просьба оставалась без ответа.

Аластор утверждал, что сложенная кем-то из знаменитостей Шадизара (возможно даже самим легендарным Фрельо Повелителем Молний, успешно совмещавшим в течение десятка лет ремесло вора и менестреля, в тюрьме, за день до казни) "Баллада" чересчур длинна, перегружена излишней патетикой и грозит оставить исполнителя калекой, ибо ее аккорды рассчитаны на пальцы, способные гнуться в пяти или шести суставах.

Сегодня Аластор смутно улыбнулся, размашисто кивнул и запел, наполнив таверну до самых дальних уголков звуками чистого, высокого голоса:

...Когда с товарищами я ходил в ночной налет,
Когда живыми выходили мы из битвы,
Когда в карманах пела медь и отдалялся эшафот,
Лишь ей одной я посвящал свои молитвы.
Но раз усатый господин меня застиг впотьмах,
И мы схватились с ним у старого собора,
Я только раз взглянул наверх,
но это был неверный шаг,
Я вдруг упал и услышал: "Держите вора!"

Она ловила лунный свет,
Она была изменчива,
Несущая мне сотни бед
Химера бессердечная...

Кэрли уронила голову на стол и тихонечко заплакала. Лорна быстро отвернулась и тоже украдкой шмыгнула носом, выругав себя — расчувствовалась, дура старая...

Ее внимание привлекло слабое движение наверху. Вглядевшись, она увидела Ферузу — туранка, закутавшаяся в пестрое покрывало, сидела на ступеньках лестницы и внимательно слушала, зная, что каждая из песен нынешней ночи обращена к ней и только к ней.

"Ящерица! — озабоченно подумала Лорна, вдруг вспомнив о спрятанном на леднике окоченелом трупике Райгарховой любимицы. — Он ведь завтра непременно примется ее разыскивать! Без скандала точно не обойдется! О боги, что за жизнь!.."

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	5
--------------------------	---

Олаф Локнит

ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ

Пролог. Сокровищница	23
Глава 1. Явление Чужака	33
Глава 2. Очень деловые люди	65
Глава 3. Утренние заботы	111
Глава 4. Изящное искусство грабежа	151
Глава 5. Предъявлено к оплате	197
Глава 6. День бедствий	243
Глава 7. Миром правит случай	289
Глава 8. Зрелище правосудия	339
Глава 9. Воскрешения из мертвых	381

Литературно-художественное издание

КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов
Составитель Наталья Баулина
Художественный редактор Игорь Богданов
Серийное оформление Дмитрий Вяземский
Верстка: Ирина Федорова
Технический редактор Валентин Успенский
Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.06.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз.
Заказ 1882.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

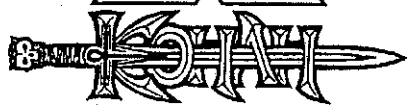
Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79. -

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
"САГА О КОНАНЕ"

**КОНАН
И МЕСТЬ
БЕЛА**

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

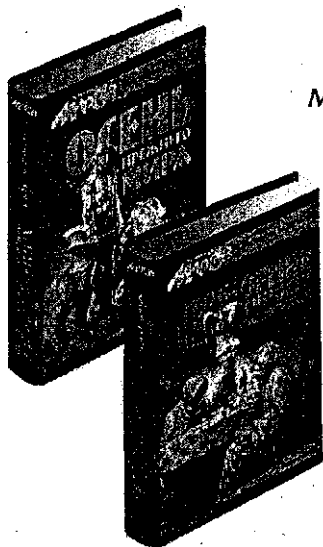
Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

**МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ**

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
**«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»**

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время познаться
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
научит вас получать
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастическую эпопею.

Константина Бояндина

РАДНОЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

ОСЕННИЙ ЛИС

СУМЕРКИ МЕЧА

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Шрам"

"Преемник"

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ
31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ
32

КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ
33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ
34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ
35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ
36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ
37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛЬ
ПЛОТИ
38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКАТЫХ
39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ
40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС
41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ
42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ
43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ
44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЬМЫ
45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА
46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ
47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ
48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ
49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ
50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ
51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА
52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА
53

КОНАН
И ПОСЛАНИЕ
СВЕТА
54

КОНАН
И СТИШЕЕ
ЗЛО
55

КОНАН
И ЗВЕЗДЫ
ШАДИВАРА
56

КОНАН
И СКАП
ХАОСА
57

КОНАН
И ЖРЕЦ
ТАРИМА
58

КОНАН
И СВЯТИЛИЩЕ
ПИКТОВ
59

КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
МОЛНИЙ
60

ISBN 5-93698-023-5

9 785936 980237